

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
Предисловие (Георг фон Арним).....	3
Введение.....	4
Чувство осязания.....	6
Что такое чувство осязания?.....	6
Осязательное переживание.....	9
Органы чувства осязания.....	11
Чувство осязания как переживание страха.....	14
Лечебная педагогика чувства осязания.....	18
Чувство жизни.....	22
Что такое чувство жизни?.....	22
Переживание чувства жизни.....	24
Орган восприятия чувства жизни.....	27
Чувство жизни между страхом и стыдом.....	30
Лечебная педагогика чувства жизни.....	35
Чувство собственного движения.....	40
Что такое чувство собственного движения?.....	40
Переживание чувства собственного движения.....	42
Орган чувства собственного движения.....	45
Внутреннее переживание чувства собственного движения.....	48
Лечебная педагогика чувства собственного движения.....	52
Чувство равновесия.....	56
Что такое чувство равновесия?.....	56
Переживание чувства равновесия.....	58
Орган чувства равновесия.....	61
Функции органов чувства равновесия.....	66
Внутреннее переживание чувства равновесия.....	68
Несколько слов о метаморфозе чувства равновесия в юном возрасте.....	70
Лечебная педагогика чувства равновесия.....	73
О связи чувства равновесия со слухом.....	76
Схема тела и телесные чувства.... Георг фон Арним.....	78
Примечания.....	104

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существенной целью всех лечебнопедагогических Сусилий является обучение, укрепление и дифференциация жизни чувств ребенка. Развитие их в дальнейшем определяет появление самосознания, образование межчеловеческих отношений, жизнь в собственном теле и постижение мира. Содержательный и живой чувственный опыт является почвой, в которой нуждается «Я» ребенка, чтобы проявить себя в полном значении и в согласии с судьбой. Чем богаче опыт и естественнее содержание восприятий каждой отдельной области чувств, тем гармоничнее общий образ самовосприятия и опыта в окружающем мире. Такие требования к лечебнопедагогической работе в особенности опираются на двенадцатичувственную область чувств разработанного Рудольфом Штайнером учения о чувствах. Карл Кёниг (1902-1966) сделал первый вклад в педагогическое понимание учения о чувствах Р. Штайнера в своем появившемся в 1957 году курсе «Три первых года ребенка». Там в особенности обсуждаются проявления у ребенка тех чувств, которые служат установлению духовных отношений между людьми, т. е. «познавательных чувств». Затем, в период с 1959 по 1961 годы, в журнале «Das Seelenpflege-bedürftige Kind», были опубликованы заново переработанные статьи. Они были обращены к области «телесных чувств» и исследовали с лечебнопедагогической точки зрения основы переживания телесного бытия и его патологических форм проявления. Работа над учением о чувствах Рудольфа Штайнера многие годы оказывала определяющее влияние на лечебнопедагогические исследования Кёнига. Поэтому оба эти представления нужно рассматривать как части общей концепции, целью которой было подвергнуть рассмотрению с лечебнопедагогической точки зрения всю область двенадцати описанных Штайнером чувств. Мы, по-видимому, не ошибемся, если отнесем лечебнопедагогически ориентированное учение о чувствах, опирающееся на Рудольфа Штайнера, к тем основополагающим проблемам, к которым Кёниг, наряду с многочисленными другими своими занятиями, постоянно возвращался до конца своей жизни.

Сделать обновленные Кёнигом лечебнопедагогические описания «телесных чувств» доступными широкому кругу читателей представляется мне желательным с различных точек зрения. Как недоразвитый ребенок чувствует свое тело, как живет он в своем теле, что означает для понимания нарушений его развития воззрение на болезненные отношения в его владении телом? Это вопросы, с которыми лечебные педагоги сталкиваются почти ежедневно. Способы и методы лечебнопедагогической работы зависят, в конечном итоге, от того, как рассматривать эти взаи-

мосвязи. Кроме того, предлагаемые описания «телесных чувств» представляют собой необходимое дополнение к тому, что ранее Кёниг говорил о «познавательных чувствах». Обе области тесно связаны между собой, поскольку ясное развитие последних служит предпосылкой для гармонической организации первых. Еще при жизни Кёниг планировал переиздание этих четырех статей, одновременно он был намерен дополнить их обобщающей пятой статьей. Издатель этой книги попытался от себя добавить пятую статью, хотя, разумеется, ее содержание может не совпадать с тем, что предполагал Кёниг. Она затрагивает проблему, которой, в тесной связи с областью телесных чувств, занимался также Кёниг, и которой он, незадолго до своей смерти, посвятил отдельную публикацию. Речь идет о попытке нового рассмотрения развития так называемых фантомных членов и ложных телесных ощущений. В первоначальный текст статей Кёнига были внесены только незначительные изменения. Издатель ставил себе задачу сохранить выразительность и непосредственность описания в изначальном виде.

Г. ф. Арним

ВВЕДЕНИЕ

В четырех последующих статьях сделана попытка развить лечебнопедagogически ориентированное учение о чувствах. Таким образом, речь идет не о вкладе в физиологию или гносеологию чувств, но о первых шагах исследования связи между чувствами и аномальным поведением детей и подростков.

Каждое наше отдельное чувство глубоко коренится в телесной и душевной жизни человека, и мы как личности во многом определены действием чувственных восприятий. Это особенно отчетливо видно на примере высших чувств. Глухорожденный ребенок отличается от других детей не только тем, что не слышит, но вследствие этого недостатка вся структура его души иначе ориентирована в самой своей основе. Его поведение в отношении окружающего мира и других людей изменено, и его глухота действует вплоть до его телесных функций. Также у слепого ребенка неспособность видеть влияет вплоть до моторики и образа мышления. Он мыслит, чувствует и действует, приспособляясь к своей слепоте, и задача всех, кто соприкасается со слепыми, научиться понимать этот другой вид бытия.

То же относится и к другим чувствам. Человек, утративший обоняние, изменяет образ своего поведения, а потерявший чувство равновесия страдает тяжелыми психическими расстройствами, которые часто приводят к трагическим последствиям.

Посредством сферы чувств человек не только становится в определен-

ные отношения к окружающему миру; сами чувства пробуждают в нас душевные качества, которые как таковые еще не просматриваются. Рационалистическая психология изучает только связанные с инстинктами и страстями реакции на отдельные чувственные восприятия. Сами же чувства остаются, большей частью, скрытыми. Мы учим про чувственные ощущения и изучаем их воздействие на наше поведение. Но орган чувства и его, в общем-то, определенная функция едва ли входит в область такого понимания. Именно эта сторона учения о чувствах будет предметом наших дальнейших рассмотрений.

В основу этих исследований мы положим разделение чувств, предложенное Рудольфом Штайнером. Задолго до того, как академическая психология посчитала необходимым расширить список пяти чувств, он уже сделал это, сначала до десяти (1909), а затем до двенадцати (1916). При построении этого учения о чувствах наметилось совершенно отчетливое членение на трижды четыре области чувств, которые были названы нижними, средними и верхними чувствами. 2

Были названы следующие четыре нижние чувства:

Чувство осязания Чувство жизни Чувство движения Чувство равновесия
Они передают нам непосредственное переживание опыта, полученного нашим телом. Как мы себя чувствуем, как мы стоим и ходим, лежим или сидим - мы воспринимаем посредством этих чувств. Воля, как деятельность, преимущественно действует в этих четырех процессах.

Вторая четверица образует средние чувства:

Чувство обоняния
Чувство вкуса
Чувство зрения
Чувство тепла

Здесь мы имеем дело уже не с переживанием собственной телесности, но с непосредственным восприятием окружающего нас «чувственного мира». Это «тело» окружающего нас мира, который открывается нам посредством средних чувств. Он раскрывается нам в своем своеобразии и пробуждает в нас симпатии и антипатии. Поэтому также эти четыре чувственных деятельности сильно пронизаны нашими эмоциями. В них действуют любовь и отвращение.

И, наконец, мы имеем четверицу высших чувств:

Чувство слуха
Чувство слова
Чувство мысли
Чувство Я

Они открывают нам мир духа, из которого приходят слово и речь, и к которому мы, как индивидуумы, обязаны своим происхождением. Ухо от-

крывает нам мир тонов, звуков, и благодаря этому мы понимаем слова и предложения. Следствием этого является пробуждение в царстве мыслей (чувство мысли), и отсюда возникает непосредственное ощущение человеческого Я.³ Рудольф Штайнер называл их «познавательными чувствами», поскольку они определены, прежде всего, мыслительной жизнью.

Это членение учения о чувствах дает нам возможность исследовать чувства не только как отдельные качества, но также познавать их место внутри самой чувственной сферы. В этой части было проделано много важных исследований, на которые мы будем ссылаться при рассмотрении отдельных чувств.

Прежде всего мы займемся четырьмя нижними чувствами, поскольку они имеют прямое отношение к человеческой телесной природе и поэтому предоставляют наилучшую возможность изучать проявляющиеся в них отклонения. Однако необходимо, чтобы каждому отдельному чувственному процессу была посвящена вводная глава, описывающая в целом деятельность этого отдельного чувства.

Излагаемое здесь является первым опытом и поэтому не претендует на полноту или совершенство. Издатель выражает желание, чтобы последующие статьи воспринимались как побуждение к дальнейшей работе и чтобы они положили начало оживленным дискуссиям и обмену опытом.

ЧУВСТВО ОСЯЗАНИЯ

ЧТО ТАКОЕ ЧУВСТВО ОСЯЗАНИЯ?

Первые представления, которые Рудольф Штайнер положил в основу своего общего учения о чувствах, находятся в докладах с общим названием «Антропософия», прочитанных им в 1909 году.⁴ Там он говорит о десяти чувствах, не включая в их состав, в отличие от последующих представлений, ни чувство осязания, ни чувство Я. Это обстоятельство имеет огромное значение, ибо Рудольф Штайнер настойчиво указывал на тот факт, что он не признает осязание действительным чувством. Он говорит: «Почему исключается то, что наука называет осязанием... Осязание исключается потому, что в том виде, как его обычно описывают, оно является выдумкой, фантастическим образом физиологии. Как таковое оно не существует, ибо целый ряд чувств, как таковых, можно было бы назвать чувством осязания. Но нет никаких оснований говорить собственно о чувстве осязания». Из этих слов видно, что Рудольф Штайнер не признавал осязание, как оно обычно описывается, самостоятельной формой чувства, но речь может идти об осязательных ощущениях, присущих также и другим чувствам. По этому пово-

ду, в той же связи, он говорит следующее: «Однако при правильном рассмотрении осязанием является не только то, что мы делаем, ощупывая какой-нибудь объект, касаясь его поверхности; мы осязаем также и тогда, когда отыскиваем что-либо глазами. Также обоняние и чувство вкуса могут нечто осязать. Когда мы нюхаем, мы нечто осязаем нашим чувством обоняния. Вплоть до чувства тепла, осязание является общим свойством для чувств с четвертого по седьмое (чувство вкуса, чувство обоняния, чувство зрения, чувство тепла).

Из этого видно, что об «осязании» говорится в противоположность «чувству осязания», и что некий род осязания лежит в основе четырех «средних чувств». И когда Рудольф Штайнер добавляет, что «посредством чувства осязания воспринимаются поверхности внешнего мира», тогда мы начинаем понимать, что он имеет в виду.

Еще точнее выражается он на эту тему в книге, явившейся результатом переработки вышеупомянутых докладов, изданной лишь в неполной форме. 5 Там он говорит:

«У того, что мы называем чувством осязания, чувственный характер проявляется не в том же виде, как у десяти перечисленных чувств. Оно передает внешнее давление, противодействие, твердость, мягкость. Оно представляет существо того, что называют «давлением». Это ни в коем случае не простой процесс. В действительности мы не непосредственно испытываем давящее на нас тело, но тот факт, что им обусловлено давление на нашу кожу в том или ином месте, или требуется большее или меньшее усилие, чтобы произвести давление на тело».

В заключение отмечены основополагающие различия между ощущением тепла и осязательным ощущением и указано на то, что там мы воспринимаем свойства самого предмета, здесь же речь идет о самоощущении. Осязание передает нам не качество ощупываемого предмета, но взаимоотношения, в которых я сам нахожусь с этой вещью, принадлежащей внешнему миру.

Мы испытываем «осязание», но не «осязаемое». В осязании лежит активность воспринимающей личности, которая проявляется также в «средних чувствах». Но там открывается нам затраченная осязательная активность чувственного впечатления, которое лежит по ту сторону осязания. «Осязание» жидких субстанций дает нам восприятие вкуса, «осязание» температурных состояний дает нам ощущение тепловых качеств и т. д., так что различие между осязанием как активностью и чувством осязания отчетливо видно. О последнем же Рудольф Штайнер еще в 1910 году, в упомянутой выше книге, говорил: «То, что непосредственно ощущается при осязании, можно всегда найти в области трех перечисленных здесь чувств. Тело, которое производит на меня давле-

ние, обуславливает, например, смещение положения внутри моей телесности; это может быть воспринято чувством жизни, чувством собственного движения или чувством равновесия. Так что чувство осязания само по себе в этом описании рассматривается как вид пространства, внутри которого воспринимается опыт трех других чувств по отдельности или в различных комбинациях. Осязательные впечатления - это сложнейшие переживания, которые выстраиваются в единое целое из восприятий трех «нижних» чувств в связи с ранее воспринятым, восстановленным в воспоминании. Если я провожу рукой по шелковой материи, тогда ощущение воспринятого мной движения, смешанное с нежнейшим жизненным ощущением, вызывает во мне воспоминание «это подобно шелку». Ощущение давления необходимо, чтобы прийти к заключению «это шелк». Само чувство осязания - это только пространство, внутри которого мы воспринимаем комбинации ощущений.

Когда Рудольф Штайнер в 1916 году вернулся к рассмотрению своего учения о чувствах", он дал чувству осязания его собственное место. Он добавил также чувство «Я» и тем самым пришел к двенадцатиричности чувств. Об осязании он сказал, что оно является «тем чувством, посредством которого человек наиболее материальным образом вступает в отношения с внешним миром. Посредством чувства осязания человек, в некотором смысле, сталкивается с внешним миром... но, тем не менее, процесс осязания разыгрывается в пределах кожи человека».

Здесь чувство осязания признается в его самостоятельности, носишь постольку, поскольку посредством его мы воспринимаем не окружающий мир, но его воздействие на нас посредством поверхности нашей кожи, так что мы можем говорить о том, что чувство осязания представляет собой своего рода «пред-чувство», которое передает нам не первичный, но только вторичный чувственный опыт. То, что я воспринимаю, это состояния моего собственного тела, которые, собственно, принадлежат области чувства жизни, собственного движения и равновесия. Само «осязание» остается скрытым для моего сознания, хотя я постоянно наполнен переживаниями, которые получаю посредством чувства осязания. По при осязании мы имеем дело вовсе не с переживанием восприятия, поскольку оно перекрывается другими чувственными впечатлениями. Также в языке нет специальных обозначений для осязательных качеств, но мы употребляем для этих впечатлений слова: мягкий, твердый, острый, тупой, гладкий, шероховатый и т. д. Эти обозначения представляют не содержания восприятия, но суждения; множество чувственных впечатлений и ощущений собираются воедино, и результат их обозначается одним словом. «Острое» столь же мало является осязательным ощущением, как и «тупое»; сюда, пожалуй, вплетены эмоцио-

нальные ощущения, зрительный опыт и жизненные ощущения. Здесь дело не в игре слов, но в необходимом разграничении, поскольку иначе мы не сможем прийти к действительному постижению чувства осязания.

Ибо оно не открывает нам взгляд на внешний мир, но дает смутное переживание границ нашего телесного существования.

ОСЯЗАТЕЛЬНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ

Физиология чувств и психология сегодня также испытывают значительные трудности при попытке отграничить чувство осязания от другого чувственного опыта. Поэтому большей частью говорят о кожной чувствительности, которая подразделяется на чувства боли, осязания, температуры и давления. Чувство давления называют также проприоцептивной (глубокой) чувствительностью или мышечным чувством.

Самому чувству осязания приписывают различные качества восприятия; большей частью ощущения давления, касания и вибрации. Но тогда говорят: «Все больше склоняются к воззрению, что ощущение вибрации является не модифицированным ощущением давления или прикосновения, но представляет собой отдельную модальность чувств. Оно возникает, например, если рукой коснуться колеблющегося камертона или положить ладонь на гортань во время пения... Чувство вибрации имеет вместе с ухом осцилляторную форму раздражения».

Из этого видно, что переживание осязания и ощущение осязания это почти непостижимое состояние, которое мы все хорошо знаем, но описание и дифференциация которого дается нам с трудом.

Наш опыт осязания не ограничивается только кожей, но как общее ощущение он глубоко проникает в наше тело. Состояние наполненности определенных органов, опухание, воспаление мы ощущаем как давление или тянущее ощущение внутри тела. Также толчки крови в кончиках пальцев и в висках, сердцебиение - это осязательные ощущения внутри тела.

На коже мы испытываем осязательные ощущения в широком диапазоне, от едва заметного прикосновения до ударов и толчков. Но что является действительным переживанием осязания во всей этой связке ощущений?

Приятно лежать на солнечном пляже на берегу моря. Нам доставляет удовольствие обволакивающий наше тело равномерно прогретый мелкий песок. Но в тот момент, когда по руке ползет муравей, мы испытываем неприятное чувство и делаем энергичное защитное движение. Здесь вначале осязательное восприятие почти полностью заполнено ощущением теплого песка и обволакивания нашего тела. Это приятное

ощущение мгновенно разрушается в своем равновесии ползущим по руке муравьем, и следует защитное движение. Чем же во всей этой области является переживание осязательного ощущения? Это не что иное, как смутное осознание границ моего тела, которые не нарушаются песком, но нарушаются ползущим муравьем.

Если я, например, приложу к своему лицу раскрытые ладони, я буду вначале иметь очень дифференцированное тепловое ощущение, в зависимости от того, теплее или холоднее лицо моих ладоней. Но это восприятие температуры перекрывается ощущением соприкосновения ладоней и щек, и за всем этим всплывает темное восприятие формы поверхности моих щек и лежащих за ними костей. Я испытываю здесь ощущение границы. Это ощущение, состоящее из давления и сопротивления, дающее нам первое смутное осознание нашего бытия.

Это восприятие границ нашего тела не является общим единообразным впечатлением, но дифференцируется благодаря тому, что мы имеем возможность определить место, на котором возникает это ощущение границы. Мы точно знаем, в каком месте муравей касается нашего тела, когда он карабкается по тыльной стороне кисти нашей руки. Мы точно прослеживаем, например, где жмет нашу ногу ботинок, и с большой точностью можем определить место на коже, которое подверглось давлению. Эта локальная ориентировка представляется весьма удивительным феноменом, поскольку само переживание осязания весьма смутно. Часто складывается впечатление, что восприятие места - это собственный и единственный сознательный элемент, возможный в этой области. Не осязание, но восприятие места является сознательным элементом чувства осязания.

Вследствие этого общее осязательное восприятие уже становится расщепленным в себе ощущением. Мы смутно ощущаем границы, которые разделяют внешний мир и внутреннее пространство нашего тела. Но, кроме того, мы воспринимаем отдельные места и включаем их в образ, который мы составили о себе и нашем теле. Также и здесь сливаются различные душевные деятельности и переживания: многообразные восприятия локализованной боли, ударов, сезонных изменений температуры и давления, которые испытывает наше тело. Они вырисовываются на темном фоне общего переживания осязания, подобно рисунку, который мы набрасываем цветными мелками на темном грунте. Только большей частью мы забываем, что без этого темного грунта не мог бы возникнуть цветной рисунок; сам же он исчезает под рисунком. Переживание осязания подобно хорошему зеркалу, которое отражает наш образ, само же остается невидимым. Оно почти неощутимо, и все же образует базу для всех разыгрывающихся на нем чувственных восприятий.

То, что мы попытались здесь охарактеризовать как осязательное переживание, это результат той осязательной активности, о которой мы говорили в первом разделе; оно лежит в основе средних чувственных процессов и в смутной форме выступает также в области чувства осязания, так что мы должны различать между самим осязанием, чувством осязания и осязательными переживаниями. Только проведя такую дифференциацию, мы можем прийти к пониманию описываемых здесь взаимосвязей.

Когда Рудольф Штайнер в курсе «Общее учение о человеке как основа педагогики» описывал четыре нижних чувства, он охарактеризовал их как волевое чувство. «Эти чувства пронизаны, главным образом, волевой деятельностью... Бы должны чувствовать, как в восприятии движения... действует воля.

Покоящаяся воля действует также в восприятии вашего равновесия. В чувстве жизни она действует очень сильно, она действует также в осязании, ибо когда вы что-то ощупываете, это, в сущности, является взаимодействием вашей воли с окружающей средой». 8

Из этого описания мы видим, что осязательная активность - это волевой процесс, а осязательное переживание - это результат взаимодействия нашей воли с окружающим миром. Теперь мы должны найти место, где происходит эта встреча, поскольку только тогда мы сможем увидеть организацию чувства осязания.

ОРГАНЫ ЧУВСТВА ОСЯЗАНИЯ

Нет никакого сомнения в том, что чувство осязания главным образом локализуется в коже. Если пролистать относящуюся к этому вопросу научную литературу, результаты такой ориентировки окажутся весьма скудными. Найдено большое количество нервных окончаний, которые рассматриваются как органы чувства; точно изучена их микроскопическая структура, однако их функции во многих случаях точно не определены.

Но при точном исследовании поверхности кожи было найдено, большое количество чувствительных к надавливанию точек; это маленькие ареалы кожи.

особенно чувствительные к прикосновению. Плотность распределения этих точек меняется в различных областях кожи. Можно однозначно установить следующий феномен: каждая из этих чувствительных точек тесно связана с близлежащими волосками. Также эти чувствительные точки находятся на одинаковых расстояниях от корня соответствующего волоска, и более чем вероятно, что нежная нервная сетка, которая под кожей охватывает каждый корень волоска, является органом ощу-

щения для давления и прикосновения к этим чувствительным точкам. Но, кроме того, на лишенных волос местах, зачастую особенно чувствительных к прикосновению (например, ладонь и пальцы, подошвы ног, лоб и т.д.), под эпидермисом находятся многочисленные нервные органы: тельца Мейснера. Число этих окончательных органов на коже примерно соответствует количеству расположенных в этом месте чувствительных точек, так что с большой степенью вероятности можно считать, что органы Мейснера являются органами чувства осязания на лишенных волос участках поверхности тела. Итак, мы можем говорить о распределенной по всей поверхности кожи сети чувствительных к надавливанию точек, которым принадлежат лежащие под ними органы чувств. В частях, покрытых волосами, это нервы, охватывающие корни волос, на лишенной волос коже это многочисленные органы Мейснера. Та точная локализация, о которой шла речь выше, возможна только благодаря этой сетевой структуре. Вся сеть, состоящая из чувствительных точек, сообщает нам общее ощущение границы, которое можно рассматривать как основу чувства осязания. Отдельные же чувствительные точки, напротив, дают нам ощущение места, на котором произошло осязательное ощущение, так что мы можем говорить об общем осязательном ощущении, подобном черной доске, на которой нанесены места и точки ощущаемого прикосновения.

Эта сеть чувствительных точек продолжается также внутри тела. Губы, язык, небо и глотка, мочевого пузыря и гортань, а также многие другие части тела охвачены этой осязательной сетью. Благодаря этому образуется то ощущение границ поверхностей органов, которое мы повседневно испытываем.

Однако эта сеть не является застывшей организацией. Она изменяется с течением жизни; у ребенка ее петли узки и постепенно расширяются в ходе развития, так что мы должны представлять ее себе в виде меняющейся ткани, пронизывающей нашу кожу.

Здесь нужно отметить еще один момент. Когда, например, мы при хождении используем трость, мы ощущаем не только давление рукоятки на нашу ладонь, но также мы отчетливо ощущаем давление конца трости на почву. Это представляется сегодняшней физиологии совершенно непонятным и необъяснимым явлением, и она прибегает к отговорке, что мы свое ощущение осязания «переносим» в конец трости. Но никто не может сказать, что в действительности имеется в виду, когда говорят о таком «переносе» или «проецировании». Однако наши ощущения расширяются до конца трости, и мы чувствуем соприкосновение с почвой точно так же, как воспринимаем давление пальцем на какой-нибудь предмет.

Это происходит не только с тростью, но и со всеми вещами и инструментами, которые мы используем в повседневной жизни. Все, что мы применяем, держим, ставим, носим, в этот момент действительно становится «нашим». Я ощущаю скользящее по бумаге острое карандаша так непосредственно, как мог бы чувствовать свой скользящий по бумаге палец. Соприкосновение молотка со шляпкой гвоздя, ножниц с материей, пуговицы с иглой очень отчетливо и почти непосредственно. Без сомнения, дело обстоит так, что сеть осязательных ощущений, описанная нами, проходит через все предметы и вещи, которыми мы пользуемся, делая их нашей собственностью. Петли этой сети изменяются не только в ходе развития, но сами по себе они настолько эластичны, что постоянно могут расширяться и стягиваться.

Можно ли точнее определить природу и субстанцию этой сети? Сами чувствительные точки, лежащие на перекрестье петель, анатомически и гистологически не отличаются от остальной кожи. Они, в сущности, являются «точками восприятия», которые определяются только лежащими под ними нервными органами. Так что эта эластичная сеть связана не с определенными физическими структурами, а с осязательными точками.

Отсюда непосредственно становится понятным, что об осязательной сети мы должны говорить как об организации, которая постигается только сверхчувственно. Мы имеем здесь дело с ощущающим организмом. В нем пробуждается воля к описанному выше смутному восприятию границы.

В книге «Теософия», в которой Рудольф Штайнер описывает чувственно-сверхчувственную организацию человека, важным для нашего изложения является следующее место. Там сказано: «Итак, тело построено из минеральных веществ, оживлено эфирным телом и ограничено душой ощущающей.... Но границы души ощущающей не совпадают с границами физического тела. Эта душа выступает за границы физического тела. Из этого видно, что она представляется большей, чем последнее. Но сила, определяющая ее границы, исходит от физического тела. Тем самым между физическим телом и эфирным телом, с одной стороны, и душой ощущающей, с другой стороны, вставлен еще один член человеческого существа. Это душевное тело или тело ощущений. Можно также сказать: одна часть эфирного тела имеет более тонкую структуру, чем остальная, и эта тонкая часть эфирного тела образует некоторое единство с душой ощущающей, тогда как более грубая часть образует некий вид единства с физическим телом».

Поверхность этой более нежной части эфирного тела, которая сплавилась с душой ощущающей, является описанной нами осязательной се-

тью. Волоски являются органическим выражением этого ощущающего тела, и поэтому они так тесно связаны с осязательным восприятием. Волоски - это постоянно обновляющееся образование, которое, несмотря на свои силы роста, несет в себе тенденцию к ороговению и отвердеванию, и строительным силам постоянно противопоставляет разрушительные. Это орган роста и ощущения, который является выражением эфирных сил и душевного опыта.

Также понятной становится тесная связь между осязательным ощущением и чувством тепла. Ибо Рудольф Штайнер в упомянутых выше докладах обратил внимание на то, что само ощущающее тело играет для человека роль посредника при передаче теплового чувства, так что мы должны представлять себе все ощущающее тело пронизанным тепловыми восприятиями, но на границах душевного тела присутствуют смутные ощущения давления. Выражением этой телесности является волосяной покров человека.

Границы душевного тела, состоящего из тончайшей эфирной субстанции, пронизанные существом ощущений, эластичны. Они прилегают ко всем вещам и предметам, которые мы употребляем, и делают их нашей собственностью. Разве не останавливаются часы в момент смерти их владельца? Не тускнеет ли зеркало, оставшееся без употребления? Не распадается ли платье, которое мы не носим?

Комната, в которой мы проводим свои дни, предметы, в окружении которых мы находимся, составляют часть нашего существования. Ощущающее тело распространяется над столом, за которым мы едим; обволакивает кресло, в котором мы сидим; пронизывает кровать, на которой мы спим. Все ткани, которые мы носим, льняные, шелковые, шерстяные, представляют вынесенную наружу сеть наших осязательных восприятий.

Наше осязательное ощущение выходит далеко за рамки нашего тела. Оно распространяется на ближайшее окружение и принадлежащие нам предметы; оно постоянно пронизывается субстанцией нашего ощущающего тела.

Чувство осязания накладывает отпечаток нашей личности на предметы окружающего мира. Благодаря этому мы чувствуем себя защищенными, находясь «у себя дома».

ЧУВСТВО ОСЯЗАНИЯ КАК ПЕРЕЖИВАНИЕ СТРАХА

Предшествующие рассуждения научили нас, что сфера чувства осязания, так же как само осязание, глубоко коренится в бессознательной области нашего существования. Переживание же осязания возникает в области ощущающего тела и поэтому остается лишь общим и недиффе-

ренцированным опытом. Оно постоянно перекрывается другими чувственными качествами и поэтому почти не поступает в область дневного сознания.

Но нельзя ли создать условия, при которых могло бы проявиться до сих пор скрытое? Не существует ли состояний, в которых бы недоступное нашему опыту осязательное переживание все же раскрылось бы в полной мере? Надо только найти условия, при которых станет возможным для нас ясное и однозначное восприятие общего феномена осязания.

Мы уже цитировали высказывание Рудольфа Штайнера относительно общей глубинной области четырех средних чувств. Он говорит, что «осязание представляет собой общее свойство обоняния, вкуса, зрения и чувства тепла». При этом речь идет о фундаментальном смутном ощущении, которое почти недоступно восприятию и все же принадлежит сфере соответствующего чувственного опыта.

Существует ли подобное общее и почти не поддающееся дифференциации ощущение, организующее многие наши психические действия и поэтому подобное переживанию осязания? Такое ощущение существует, и мы знаем его как такое душевное переживание, которое выступает в нашем сознании как страх.

Говоря о страхе, мы открываем известную всем людям область переживаний. Она настолько всеобща и недифференцирована, что ее нелегко отграничить от подобных переживаний. Боязнь и испуг, беспокойство и неуверенность принадлежат той же области бытия. Страх же представляет собой недифференцированное начало многих развивающихся из него ощущений. Вполне справедливо говорит Вильям Штерн: «Мы говорим о страхе (в отличие от боязни) тогда, когда мы хотим выразить общее ощущение понижения надежности нашего бытия. Это настроение не должно быть связано с внушающим страх объектом, поскольку при определенных обстоятельствах оно может выступать и без связи с объектом».

Такое различие между страхом и боязнью очень важно. Боязнь всегда относится к объекту, страх же вначале нет. Он может быть вторично пристегнут к объекту и тогда остается интенсивно с ним связанным; но когда он выступает, он проявляется в виде душевного настроения, имеющего множество ступеней градации от низшей до высшей. От самого незначительного телесного ощущения он может развиваться в такую мощную эмоцию, что человек, захваченный ею, иногда действительно «умирает от страха».

Обычное чувство страха трудно описать. Это как бы распространяющееся по всему пространству тела ощущение стягивания или подергивания, которое подобно облаку затеняет наше мышление и чувства.

Весь человек пронизан этим восходящим страхом, и чем он сильнее и интенсивнее, тем отчетливее становится телесная реакция. Вначале на определенных местах образуется гусиная кожа; затем «от страха» поднимаются волосы, и человек покрывается холодным потом. Большею частью также отказывает моторика, вследствие того, что содрогание пронизывает все мышцы, препятствуя стремлению к бегству. Это приводит к клацанию зубами, сердцебиению и к усилению перистальтики кишечника, что может привести к поносу.

Тем самым мы имеем дело с общим возбужденным состоянием души, которое одновременно глубоко воздействует на телесную сферу. Как будто крик ужаса пронизывает бытие человека, и он вдруг осознает свою смертность, свое преходящее бытие, свою смерть. Страх - это выражение порогового ощущения, при котором сам порог нам еще не видим, но мы ощущаем его близость.

Маргарита Лусли-Устери¹¹ справедливо говорит в своей прекрасной книге: «Между эмоцией страха - в глубочайшей своей основе, страха смерти - и чувством боязни - последним выражением которого является боязнь Бога - лежит целый спектр реакций, в которых, модифицированная опытом и разумом, выражает себя первичная эмоция». Это важное различие имеет большое значение. Нет страха перед Богом и нет благоговейного страха, но есть боязнь Бога и благоговейная боязнь, подобно кротости и смирению. Страх же, напротив, лежит глубже и поэтому проявляется в недифференцированной форме. Поэтому страх смерти - это животное-тварное переживание, эмоция, действующая вплоть до тела. Боязнь же смерти - это почти религиозное чувство, которое возвещает о близости Ангела Смерти во всем его величии. Зверь охватывается страхом, человек же ощущает боязнь.

В цитированной выше книге дальше следует: «Без сомнения, одной из прекраснейших задач было бы так руководить ребенком, чтобы он слепой страх превратил в разумную боязнь. Боязнь Господа, но не страх перед ним является началом мудрости».

Да, страх слеп, и только боязнь может видеть и поэтому быть разумной. Страх так же слеп, как ощущение осязания; оно смутное, но все же охватывающее все тело ощущение. Как чувство осязания имеет своим органом преимущественно кожу, так же на коже проявляются телесные симптомы страха; ибо самые существенные явления - это холодный пот, легкое дрожание, гусиная кожа. Уже в этом видна тесная связь страха с чувством осязания.

Страх родился вместе с нами. Он не развивается вследствие приобретенного нами опыта, но присущ нам от рождения, как способность слышать или слышать. Все исследователи раннего детского опыта (Ватсон,

Гесель, Штирниман, Прейер, Валентайн - назовем только некоторых) едины в том, что ребенок может испытывать и выражать страх уже в первые дни жизни. Первые отчетливые проявления страха видны, когда грудной младенец теряет свою физическую опору. Если убрать, например, поддерживающие его руки, можно наблюдать реакцию страха. Тогда судорожно сжимаются маленькие пальчики, поскольку они ищут опору, дыхание углубляется и учащается.

Здесь мы встречаемся с пра-феноменом всякого страха. Он появляется всегда там, где не в порядке опора, кажется потерянной защищенность и надежность бытия. Потеря равновесия, незнакомый шум, неожиданные явления, любое нарушение обычного течения жизни, требующего от души большего, чем обычной способности к приспособлению, могут вызвать чувство страха. Но только мы не должны впадать в обычную в таких случаях ошибку и рассматривать эти нарушения как причины страха, они только побуждающие факторы, заставляющие подняться облака страха. Эти облака находятся внутри кожи и идентичны с тем, что мы едва ли сознательно, как бы сновидчески ощущаем как переживание осязания. Сюда относятся весьма причудливые явления. Так, локальное возбуждение определенных участков кожи можно ощущать как щекотку. Если мы попытаемся проанализировать это своеобразное чувственное ощущение, то окажется, что оно состоит из смутного страха, смешанного со своего рода удовольствием, и улыбка хочет освободить нас от этого навязчивого возбуждения.

Всякий страх содержит в себе некоторую долю удовольствия, и многие дети и взрослые пытаются посредством игры фантазии и воображения в такой мере вызвать в себе чувство страха, чтобы как раз подчеркнуть этот элемент удовольствия. Вильям Штерн¹² для описания этого феномена использует выражение «удовольствие от страха», и еще говорит в этой связи о «жутком», т. е. о том смешанном чувстве, с которым слушают страшные истории, вступают в неприветливые места. Это ощущение «жути», так же как и сам страх, принадлежит коже. В это переживание добавляется нечто, что отсутствует в сильном страхе и отчетливо выступает в виде ужаса и испуга.

Итак, в явлении страха мы сталкиваемся с ощущением, которое обычно бессознательно живет в нас как чувство осязания. В страхе мы имеем не новое переживание, но становление сознательным того недифференцированного чувства воли или волевого чувства, которое лежит в основе всех чувственных переживаний. На это указывал Рудольф Штайнер, когда он описывал существо ощущений: «Если ощущение действительно рассматривать с достаточной долей самонаблюдения, то мы приходим к

познанию: ощущение имеет волевую природу с добавлением чувственного элемента.... Таким образом, ощущение, испытываемое человеком, является волящим чувством или чувственной волей. Исходя из этого, мы можем сказать: там, где внешне распространяется сфера человеческих чувств - мы ведь, грубо говоря, имеем чувства на внешней стороне нашего тела, - там мы имеем дело у человека, в некотором смысле, с чувственной волей, с волящим чувством». 8

Это пра-ощущение, лежащее в основе всех чувственных ощущений, недифференцировано выступающее в осязательном переживании, суть облако страха, которое мы хорошо знаем и при всяком подходящем случае чувствуем восходящим в нас. Это «волящее чувство» коренится в чувственной сфере кожи, откуда также происходят средние чувства и осязание; оно дает нам надежность, как кораблю, зашедшему в гавань и ставшему на якорь. Но как только наш душевный корабль поднимает якорь осязания и выходит из телесной гавани, он начинает раскачиваться, теряет опору, и тогда наступает ощущение страха.

Для ощущения этого страха мы имеем собственный орган чувства: сердце. На этот счет есть большое количество исследований и наблюдений, собранных, например, в книгах Людвиг Брауна¹² и Карла Фаренкампа. ¹³ Первый даже пришел к следующему заключению: «Быть может, мы не зайдем слишком далеко, если скажем, что ощущение страха возникает в сердце, подобно ощущению света в глазу, ощущению звука в ухе». Хотя эта формулировка и не верна, ибо ощущение света никогда не возникает в глазу, как и ощущение звука в ухе, все же это является важным познавательным актом, поскольку страх ставится в о/ин ряд с ощущениями органов чувств, и в качестве органа восприятия страха рассматривается сердце. Сердце человека реагирует на то «волящее чувство», которое исходит из чувственной сферы кожи, и мы испытываем тем самым ощущение страха. Это пра-ощущение, содержание которого мы будем исследовать в дальнейшем.

ЛЕЧЕБНАЯ ПЕДАГОГИКА ЧУВСТВА ОСЯЗАНИЯ

У Рудольфа Штайнера есть одно представление чувства осязания, в котором указано на феномен, имеющий основополагающее значение для нашего рассмотрения. Он говорит: «Собственно говоря, то, что мы имеем в чувстве осязания, это внутреннее переживание, но то, что здесь внутренне происходит, остается целиком в бессознательном. В чувстве осязания представлена только его тень, которую мы приписываем телу. Но орган чувства осязания делает так, что мы чувствуем какой-либо предмет шелковым или шерстяным, твердым или мягким, шероховатым или гладким. Это излучается также внутрь, излучается в душу; но толь-

ко человек не замечает связь своего внутреннего переживания с тем, что передает ему внешнее чувство осязания, поскольку эти вещи сильно дифференцированы - что излучается внутрь, и что испытывается внешне. Но то, что излучается внутрь, и то, что испытывается внешне, суть не что иное, как пронизывание бытия чувством Бога. Если бы человек не имел чувства осязания, он бы не имел чувства Бога. То, что пронизывает все вещи, что вливается в нас, что дает нам опору, это осознание всепроникающей Божественной субстанции, которая, отраженная внутрь, дает нам переживание чувства осязания». 14

Благодаря этому представлению наши предшествующие рассуждения получают новую основу. Только здесь мы начинаем понимать истинную причину всевозможных страхов. Они выступают тогда, когда излучающееся внутрь и наполняющее душу чувство Бога, постоянно пронизывающее нас, на длительное или короткое время оказывается нарушенным. Страх выступает как реакция на потерю той жизненной основы, в которую мы облачены благодаря действию чувства осязания. Поэтому Рудольф Штайнер говорит далее: «Мы констатируем бытие внешнего мира именно посредством чувства осязания. Если мы видим нечто, мы еще не верим в то, что оно находится в пространстве; мы убеждаемся, что нечто находится в пространстве, если мы можем его ощущать посредством чувства осязания».

Но как только мы теряем эту надежность, вследствие чего излучающееся внутрь чувство Бога начинает шататься, мы ощущаем страх и переживаем его в центральном органе нашего существования, в сердце. Сердце внушает нам чувство страха, когда якорь ощущения осязания, и тем самым чувство Бога, восходит из чувственной сферы кожи. Тогда наш душевный корабль начинает содрогаться и нуждается для своего управления во внутренней силе. Кто ее не имеет, предпочитает вернуться в гавань кожи.

Человеком, который постоянно жил в этой шаткой сфере страха и чувства осязания, был гениальный художник и график Альфред Кубин. Большинство его картин - это наполненные страхом фантазии, которые бурно разрастаются там, куда прибывает душевный корабль, когда он покидает гавань кожи. Автобиография Кубина - это откровенное и ясное представление этого феномена. Каждый, кто интересуется этой проблематикой, должен не упустить случая ее прочесть. В ней живут смертельный страх, тени смутного наслаждения страхом и ужас.

Более академическое представление страха, как, например, в исследованиях Фрёшеля¹⁶ и Ноймана¹⁷, не проходит мимо того, чтобы коснуться метафизической стороны переживания страха, и хотя они не доходят до ясного описания чувства Бога, все же интуитивно они ведут к этому.

Однако они не достигают того, чтобы постигать связь с чувством осязания, вследствие чего не могут перебросить мостик к действительному пониманию страха.

В этой внутренней связи страха и кожи лежат корни всякой татуировки. При этом на кожу наносились культовые знаки и образы, чтобы изгнать волшебство страха. Графика Кубина - это, в своей основе, грандиозное искусство татуировки. Здесь становится наглядным душевный опыт, который мы можем приобрести, только попытавшись усвоить его от детей и взрослых, понимающих в этом толк.

В «Лечебнопедагогическом курсе» Рудольф Штайнер дает подробное описание этих состояний и называет их «формами истерического безумия». Однако речь идет при этом о болезненных явлениях, которые отклоняются от обычного представления истерии. Рудольф Штайнер однозначно указывает на это, говоря: «Мы должны отвлечься от всех описаний, существующих для объяснения истерического сумасшествия, ибо все эти описания сделаны с точки зрения общих понятий; но когда мыслят в общих понятиях, то описание становится ложным». Что понимает Рудольф Штайнер под состоянием истерического помешательства у детей и взрослых? Он представляет его как процесс, полярный эпилептическому состоянию. В этом состоянии человек с трудом внедряется в сферу окружающего мира; тяжесть и легкость, воздух и свет неправильно захватываются душой. При истерическом помешательстве все наоборот. Ребенок «повсюду внедряет свое астральное тело и Я в окружающую среду, он захватывает ее так интенсивно, как это невозможно так называемым нормальным людям». 16

Вследствие этого возникает состояние, в котором ребенок «так внедряется во все вещи, как если бы он был поранен. В результате этого, естественно, возникает сверхчувствительность.... Такой человек гораздо сильнее, гораздо интенсивнее ощущает окружающий мир, а также гораздо сильнее отражает его в себе. Вследствие этого образуются также представления, которые доставляют ему страдания».

Но вследствие таких болезненных представлений возникает беспокойство и дрожание, «поскольку хотят сдержать боль». И в заключение этого описания Рудольф Штайнер говорит: «Каждое такое представление, которое в тот момент, когда оно должно войти в сознание, в момент становления вызывает страх, каждое такое представление одновременно действует таким образом, что чувственная жизнь разворачивается под его влиянием. Чувства вспениваются, за этим всегда следует депрессивное состояние».

В этом представлении очень четко описан широко распространенный синдром детского поведения. Это то знакомое состояние, которое мо-

жет выступать в различных формах, от едва заметного нарушения жизни ощущений до тяжелейших симптомов навязчивого помешательства. Фиксация таких детей и подростков на определенных областях окружающего мира зачастую так глубока, что ослабить ее или освободить можно только сильнейшим лечебнопедагогическим вмешательством. Ибо фиксация происходит потому, что утрачена надежность в собственном теле и, прежде всего, в коже как органе; и эти дети вместо того, чтобы искать опору в своем теле, ищут ее в пространстве окружающего мира. Это может зайти так далеко, что маленькие пациенты называют других людей, если они к ним привязаны, «Я», тогда как к самим себе обращаются «Ты».

Это состояние сопровождается, большей частью, тяжелейшими формами страха. Каждая новая ситуация, каждое прямое обращение, каждое непосредственное требование вызывают беспокойство, сопровождаемое потоотделением и следующим за этим противодействием и упрямством. Вследствие этого возникает ряд фобий, от которых страдает ребенок и от которых трудно освободиться.

Здесь мы сталкиваемся с действием нарушенного осязания, а также с недостаточно сформированным чувством осязания. Отсюда становится понятным, почему Рудольф Штайнер в качестве медикаментозного лечения предложил метод, посредством которого укрепляется кожа как орган. Мы можем - используя уже предложенный нами образ - сказать, что он преимущественно направлен на то, чтобы якорь душевного корабля утвердить в гавани кожи и так укрепить и уплотнить телесную организацию ребенка, чтобы его тело с утра до вечера находилось в покое. Благодаря этому чувство Бога, лежащее в основе всего нашего бытия, может так пронизать душу ребенка, что доставит ему мир и уверенность.

В «Лечебнопедагогической курсе» содержится много подробных сведений об этом состоянии, которые каждый может прочесть, и потому не будем их здесь повторять. Нашей задачей было проследить их связь с чувством осязания. Поняв их, далее можно развивать рациональное лечение различных форм истерического помешательства.

Вообще при этом мы всегда имеем дело с потерей чувства Бога и следующей из этого внутренней неуверенностью. Если при этом ребенок еще растет в неорганизованной, лишенной любви и религии среде, тогда это состояние ухудшается и возрастает страх. Сюда же относятся так называемые «аутичные» дети, и многие трудновоспитуемые потому так трудны, что они сверхчувствительны и неуверенны, и посредством агрессии и насилия стараются заглушить и преодолеть постоянное состояние страха и боли.

Направить «чувственную волю» на верный путь и смягчить «волящее чувство» - такова здесь задача лечебного педагога. Но окружающие люди должны настолько осознать свое чувство Бога и так его укрепить, чтобы оно могло заменить ребенку потерю его собственного ощущения надежности. Тогда будут изгнаны летающие вокруг ребенка летучие мыши мирового страха, и снова может быть восстановлено доверие к земному бытию».

ЧУВСТВО ЖИЗНИ

ЧТО ТАКОЕ ЧУВСТВО ЖИЗНИ?

Рудольф Штайнер назвал «чувством жизни» примыкающую к чувству осязания замкнутую в себе область ощущений. Ни до этого, ни после научная физиология и психология не употребляли этого названия. В отличие от чувства осязания, всем известного и описанного, в отношении чувства жизни речь идет о неизвестной в номенклатуре чувств величине. Поэтому вначале мы попытаемся дать ясное определение места этого чувства.

В последние годы некоторые антропософские авторы сделали важный вклад в постижение чувства жизни. Пауэр¹⁹ в своей основополагающей философской статье, Трайхлер²⁰ в медицинских работах; Глаз²¹ в более литературной форме и Эппли²² в книге по педагогике. Представляется полезным сравнить между собой эти работы, рассматривающие чувство жизни с разных сторон. Это дало бы возможность достигнуть понимания своеобразных качеств этого чувства и определить его место в жизни человека, особенно ребенка. Здесь мы хотим уже проработанные вопросы дополнить точкой зрения ориентированного на лечебную педагогику врача.

Когда Рудольф Штайнер в уже упоминавшихся докладах об антропософии⁴ впервые говорил о чувстве жизни, он однозначно сказал: «Что такое чувство жизни? Это нечто в человеке, что, собственно говоря, он не чувствует, если все у него в порядке, он чувствует только тогда, когда что-то у него не в порядке. Человек чувствует вялость, которую он воспринимает как внутреннее переживание, подобно тому как он воспринимает цвет. И то, что выражает ся в голоде и жажде, или то, что можно назвать особым чувством силы, вы внутренне воспринимаете так же, как свет или тон. Первое восприятие человеком самого себя дается посредством чувства жизни, благодаря которому человек как целое осознает свою телесность».

Рудольф Штайнер во фрагменте «Антропософия» добавляет к этому представлению еще письменную формулировку, очень важную для оп-

ределения чувства жизни. Он говорит там: «Человек чувствует в себе вялость, усталость. Он не слышит этой вялости, усталости; он их не обоняет, но он воспринимает их в том же смысле, как запах, тон.... Посредством этих восприятий человек ощущает себя как наполняющую пространство телесную самость». 5

Посредством чувства жизни человек учится «чувствовать себя как единый внутренний мир» и ощущает себя «как наполняющую пространство телесную самость». Оба эти высказывания нужно иметь в виду, поскольку они содержат суть того, что является главным в переживании чувства жизни. Наша телесная организация при нормальных условиях ощущается чувством жизни как нечто единое. Эту целостность мы ощущаем как заполняющее пространство наше самобытие. То, что я тело могу назвать моим телом, то, что я себя идентифицирую с этим «моим» телом, является результатом чувства жизни. «Я и мое тело едины» - это переживание, которое мы должны приписать, прежде всего, чувству жизни.

С чувством осязания дело обстоит иначе, оно дает нам ощущение границ нашего тела, на которые мы наталкиваемся и тем самым познаем его как нечто отличное от внешнего мира. Чувство осязания сообщает нам смутное знание «бытия-вне-мира»; это отрицающее переживание. Это же чувство дает нам нежное, но непрерывное ощущение того, что в резкой форме мы ощущаем в виде опухоли, боли, толчка: оно пробуждает во мне меня самого. Тем, что после этого шока я могу переживать себя как «самость», я обязан чувству жизни. Это не ощущение ограничивающей тело кожи, но наполняющей эту кожу целостности. Чувство осязания дает нам негативный опыт, чувство жизни же, напротив, позитивный.

Еще большую отчетливость и непосредственность приобретает это первое описание благодаря дальнейшим представлениям Рудольфа Штайнера, относящимся к 1920 году. Там он говорит: «Бы не воспринимаете процессы, которые являются жизненными процессами, но посредством чувства жизни вы воспринимаете то, что вы не воспринимаете, когда спите, что вы воспринимаете как внутреннее постоянство при пробуждении, как чувство внутреннего благополучия, которое нарушается, если внутри нас нечто причиняет нам боль.... Это ощущение удовольствия повышается после вкусного обеда и понижается при голоде, это общее внутреннее самочувствие и является действием чувства жизни, излучающегося в нашу душу». 14

Теперь продвинемся еще на один шаг дальше в своем понимании чувства жизни. Оно дает нам чувство удовольствия, и это то самое ощущение благополучия, которое мы переживаем как «наполняющее простран-

во, телесное самобытие». Тем самым чувство жизни дает нам ощущение земной надежности нашего существования. Мы чувствуем себя «у себя дома» на этой Земле, поскольку нас пронизывает удовольствие от жизни.

Так же как чувство осязания пронизывает нас «всеобщим существом Бога» и сообщает нам о надежности нашего спиритуального существования, так чувство жизни вызывает в нас ощущение телесно-земной родины, которое мы имеем в нашем теле. Посредством чувства осязания и чувства жизни человек «там» и «здесь» чувствует себя у себя дома, он становится гражданином двух миров. Однако эти ощущения смутные и едва поднимаются над порогом сознания в область других чувств и ощущений. Так же как мы, большей частью, не замечаем почвы, по которой мы ходим, хотя она нас носит, так мы почти не обращаем внимания на основные ощущения, которые передают нам чувства жизни и осязания. Однако они образуют фундамент, на котором мы воздвигаем наше повседневное существование, как нечто само собой разумеющееся; они дают душе возможность закрепиться в земном бытии, в котором она сама по себе чувствует себя «чужой».

Если мы хотим сказанное до сих пор выразить в общем образе, то перед нашим внутренним взором встает, прежде всего, образ озера. Оно лежит перед нами, замкнутое окружающим его ландшафтом. На его поверхности отражается небо; холмы, луга и горы обрамляют его берега и придают ему определенный характер. Горное озеро выглядит иначе, чем озеро на плоской равнине. Но каждое озеро отражает ту часть неба, которая раскинулась над ним. Подобным же зеркалом внутри нас является распространяющаяся над всеми нашими жизненными процессами поверхность чувства жизни. Как жизнь в глубине озера, многообразие животных и растений скрыты под поверхностью воды, так чувство жизни распространяет свой покров над жизненными процессами в нашем теле. Озеро чувства жизни замкнуто в нас берегами чувства осязания. Поверхность чувства жизни дает нам ощущение наполняющего пространство самобытия, которое мы ощущаем как благополучие. Но не всегда озеро представляет собой зеркало, оно может возмутиться изнутри, и оно может стать добычей непогоды и ветра. Тогда оно приходит в движение, иногда дикое; тогда затемняется его лик и оно теряет свою способность отражать. Это состояние, которое мы переживаем, когда чувство жизни не в порядке, поскольку оно нарушено и искажено вследствие раздражения и заболевания души и тела.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЧУВСТВА ЖИЗНИ

Из представления чувства жизни, данного Рудольфом Штайнером, од-

нозначно следует, что удовольствие, самоудовлетворенность, являются собственно восприятием этого чувства. Неудовлетворенность, плохое самочувствие - это не другой полюс этого переживания, но надлом привычного для нас состояния. Мы должны воздерживаться от мнения, что чувства благополучия и неудовлетворенности являются как бы двумя чашами весов или двумя концами спектра, между которыми располагаются различные ощущения, которые мы получаем от нашего чувства жизни. Это не так. Это не шкала ощущений, которые мы переживаем посредством чувства жизни, но единый, замкнутый в себе опыт: чувство благополучия. Оно почти целиком лежит ниже порога сознания и выступает только в случае нарушения или заболевания, как отсутствие его. Как привычный шум, на который мы не обращаем внимания, но тотчас замечаем его отсутствие, когда он внезапно прекращается, или как восприятие темноты, которую мы замечаем, поскольку перестаем видеть то, что видели раньше. Это переживание отсутствия благополучия есть осознание нарушения, но не собственно ощущение чувства жизни. Так что мы должны установить, что чувство жизни дает нам единый смутно осознаваемый опыт, который может быть нарушен телесными или душевными расстройствами. Подобным же образом под действием ветра и непогоды покрывается рябью поверхность озера, и позже высокие волны бьются о его берега. Голод, жажда, тошнота, отвращение, боль и многие другие состояния, такие как ощущение давления и судороги, на самом деле проявляются в рамках чувства жизни, но они не идентичны с передаваемым им опытом.

Это вытекает также из следующих указаний Рудольфа Штайнера. Во фрагменте «Антропософия»⁵ в главе «Жизненные процессы» мы читаем: «Можно сказать, что с дыханием, согреванием и питанием связано внутреннее ощущение, которое открывается нам как ощущение удовольствия, благополучия. Это ощущение присутствует всегда, оно лежит в основе того, что мы переживаем при таких нарушениях, как тошнота, отвращение, голод и т.д.»

Здесь указано на то, что не само чувство жизни, но жизненные процессы, когда они становятся дисгармоничными, вызывают такие ощущения и чувства. Эти так называемые «ощущения органами» указывают на нарушения нормальной функции и воспринимаются прямо, а не на пути через чувство жизни. По поводу этого чувствования органами Рудольф Штайнер говорит: «Эти внутренние переживания представляют собой нечто, что так же относится к дыханию, согреванию, росту и т.д как в Я внутреннее переживание процессов, полученное посредством чувственных восприятий, относится к этим восприятиям». Тем самым ясно указано, что эти «внутренние переживания» представляют собой находя-

щуюся в процессе становления часть того, что мы переживаем как наше Я. Поэтому Рудольф Штайнер добавляет: «В некотором смысле под Я-человеком или в нем скрывается другой, построенный из внутренних переживаний, подобно тому, как Я-человек построен из переживаний внешних восприятий, доставляемых ему органами чувств».

Поэтому, мы должны отчетливо различать между ощущениями самого чувства жизни и ощущениями органов, которые в случае искажения их поступают в сознание. Первые являются, поскольку они представляют собой чувственные ощущения, частью Я-человека; чувства же органов сами принадлежат тому «другому», на которого указывает Рудольф Штайнер. Суждение о том, что представляет собой «одно» и что «другое», с трудом дается именно в области чувства жизни. Поэтому Штайнер продолжает: «Легко может появиться желание проигнорировать этот внутренний опыт в его своеобразии и сказать, что вообще нет существенных различий между ним и тем, который мы развиваем под влиянием чувственных впечатлений. Но нужно согласиться, что различие между обоими видами внутреннего опыта, например, полученного посредством чувства жизни и внутреннего переживания процесса дыхания или согревания, не слишком отчетливо».

Далее Рудольф Штайнер указывает на основополагающее различие между чувствами органов и чувственными ощущениями; он говорит, что суждение, которое мы образуем, является неотъемлемой составной частью Я-переживания в чувственном процессе. По «внутренние чувства» не нуждаются в таком суждении. «В самом переживании голода заключено указание на то, что соответствует голоду...». Это означает, что у нас нет необходимости судить о голоде; он делает это сам по себе. То же справедливо для жажды и тошноты, для боли и судорог. Они говорят сами за себя, без того, чтобы «Я» к ним обращалось. Мне не нужно их называть, поскольку они сами называют свои имена, т. е. определяют свой смысл и выставляют свои требования. И Рудольф Штайнер добавляет: «Поэтому нужно различать между дыхательным благополучием, тепловым благополучием, поскольку они являются инстинктивными внутренними переживаниями, и между соответствующими им восприятиями чувства жизни. Волна инстинктивного должна вначале натолкнуться на Я-человека, чтобы достигнуть чувства жизни».

Но в этой области, в озере, сходятся все инстинктивные переживания удовольствия, образуя единое зеркало благополучия, которое становится основой нашей земной жизни. Точно так же ручьи и реки со всех сторон устремляются к озеру и впадают в него; оно всех их принимает под свою защиту. Поэтому совершенно необоснованно мнение Глаза: «Чувства благополучия и неудовольствия - это два противоположных

ощущения, посредством которых чувство жизни сообщает нам о нашем текущем состоянии», - и добавляет, что «между этими полюсами так же много промежуточных ступеней, как между светом и тьмой». 21 Такое заявление говорит о полном непонимании чувства жизни. Спектр «множества промежуточных ступеней», о которых здесь идет речь, это многообразие чувств органов, которые как инстинктивные переживания непосредственно исходят из жизненных процессов. Они могут действительно проявляться в рамках чувства жизни; само же оно дает нам общее переживание своей самости, которое позволяет нам считать наше тело своей собственностью.

Чувство жизни - это не страж, который сообщает нам о телесных болезнях и расстройствах. Это переживание земной основы бытия, которую мы имеем благодаря единству тела и пронизывающих его жизненных процессов. Ровное зеркало озера чувства жизни дает нам переживание этого единства.

Итак, мы сделали следующий шаг, познав, что чувства органов и ощущение раздражения, которое мы испытываем, не являются чувственным ощущением, но непосредственным, прямо действующим на нашу душу чувственным опытом. Они возникают по ту сторону, чувства жизни, но внутренне ему подчинены.

ОРГАН ВОСПРИЯТИЯ ЧУВСТВА ЖИЗНИ

Поскольку чувство жизни является замкнутым чувством, которое дает нам описанное выше восприятие, мы вправе спросить, где находится физический орган этой чувственной области. Как непосредственно очевидно было общий кожный покров определить как орган чувства осязания, так трудно в многообразии телесных тканей распознать специфический орган чувства жизни. Вообще не существует органа, который так однозначно соответствует чувству жизни, как глаз зрению и ухо слуху.

Поэтому мы должны отправиться на поиски и спросить: есть ли внутри нашей телесности структурная форма, которая, с одной стороны, подступает ко всем органам и тесно с ними связана, с другой стороны, имеет в себе нечто общее, так что образует некоторое единство? Такие свойства мы должны приписать органу чувства жизни, поскольку он должен нам дать возможность чувствовать себя «внутри как единое целое», а это возможно только тогда, когда он соединяет все ткани и органы.

Есть две системы органов, которые удовлетворяют этим предпосылкам: общее кровообращение и симпатическая нервная система. Но поскольку чувство жизни является чувством и передает нам ощущения, что воз-

можно только на основе нервной субстанции, мы с большой вероятностью можем принять, что «органом восприятия чувства жизни является вся симпатическая нервная система в целом».20 Из этой предпосылки исходит также Трайхлер и приводит очень важные аргументы для обоснования этой гипотезы. Мы обязаны ему этими первыми основополагающими указаниями на эту связь.

Что такое симпатическая нервная система? Это распределенная по всему организму нервная сеть, которая проникает повсюду. Данные последних десятилетий, в которые большое внимание уделялось вегетативной нервной системе, «позволяют нам с большой вероятностью считать, что каждая клетка тела» достигается ее волокнами. 23 Поэтому мы можем представить себе, что вегетативная нервная система касается или пронизывает каждую из миллионов клеток нашего тела.

К тому же к клетке подходят два вида волокон, поскольку вегетативная нервная система состоит из двух подсистем: из симпатического и парасимпатического отделов. Первая по своей структуре представляет собой как бы среднюю часть, охваченную верхней и нижней частями парасимпатической системы. Волокна симпатического отдела расположены в средней области позвоночника (грудная и поясничная часть), в то время как волокна парасимпатической системы исходят из средней области мозга и нижней области позвоночника и туда же возвращаются.

Каждый орган и каждая ткань обеспечиваются обеими группами волокон, так что складывается представление, что они взаимодействуют между собой и находятся во взаимном равновесии. Исходящие из среднего человека волокна симпатической нервной системы как бы вплетаются в исходящие из верхнего и нижнего человека нервы парасимпатической системы.

Сегодняшняя физиология видит в этой нервной системе активно действующую в органической жизни систему управления. Опираясь на результаты многих опытов и экспериментов, приняли, что, например, зрачки глаз расширяются, если преобладает симпатическое нервное раздражение, тогда как при раздражении парасимпатических нервов зрачки, напротив, сужаются. То же относится и к сердечной деятельности; она угнетается посредством парасимпатических волокон и стимулируется посредством симпатических.

Нас завело бы слишком далеко рассмотрение всех подробностей этих функциональных связей и их симптомов; мы представим только принцип, лежащий в основе сегодняшних воззрений. Они стоят под знаком фатального представления, распространенного сегодня повсеместно, что существуют моторные и сенсорные нервы, и что работа нервной системы большей частью является активной, моторной. Если же мы

серьезно отнесемся к высказыванию Рудольфа Штайнера, что «членение нервов на ощущающие и моторные» является глубочайшим заблуждением, и что оба вида нервов «по существу одинаковы», что моторные нервы служат не движению, но «служат внутреннему восприятию тех процессов обмена веществ, которые лежат в основе воли»,²⁴ то мы должны будем основательно подвергнуть ревизии также представления, которые мы имеем относительно нервной системы. Не действующие, но ощущающие нервы являются волокнами вегетативной системы.

В первые годы жизни ребенка они почти исключительно служат восприятию чувства жизни. Вначале грудной ребенок еще глубоко вплетен в свои ощущения жизни, которые не полностью идентичны чувству жизни. Чувство удовлетворения ростом и пищеварением, выделением и дыханием пронизывают душу ребенка. Мы не ошибемся, если посчитаем, что в первые годы жизни чувство жизни состоит из частных ощущений, которые независимо друг от друга переносят чувства удовольствия и неудовольствия в различных частях тела.

Поскольку ребенок гораздо более непосредственно ощущает свое побуждение к деятельности, желание двигаться, свои прыжки и бег, полноту и пустоту тела, жажду и голод - многообразие этого оркестра ощущений в общем созвучии дает соответствующее ощущение жизни. Это все передается посредством вегетативных нервов, ощущающих нервов.

Но по мере взросления это многообразие изменяется и становится созвучием. Рудольф Штайнер говорит также по этому поводу: «Это чувство жизни выражается в последующей жизни как общее ощущение нашего внутреннего».²⁵ Тем самым он отчетливо указывает на объединение. Это явление связано с тем, что лежащая в верхнем человеке часть парасимпатической системы, которая почти идентична блуждающему нерву, постепенно становится органом чувства мысли, о чем я подробно говорил в другом месте.²⁶

Коренящаяся в нижнем человеке часть парасимпатической системы позже также претерпевает функциональные изменения. Ее нервные волокна вчлняются в систему половых органов и благодаря этому выполняют непосредственные функции по обслуживанию этой сферы. Парасимпатическая система становится в верхнем человеке носителем чувства мысли, делающего возможным познание. В нижнем человеке парасимпатическая система становится носителем функций воспроизведения. Тем самым она отчетливо выражает верхние и нижние последствия грехопадения. Человек стал познающим и воспроизводящим существом.

И только на долю симпатической системы выпадает быть органом чув-

ства жизни. Она передает нам те ощущения, которые дают нам смутное сознание того, что мы «являемся наполняющей пространство, телесной самостью». То, что в ребенке еще связано со всевозможными ощущениями органов и в значительной мере дает ощущение жизни, объединяется во взрослом человеке. Вверху вычленяется орган чувства мысли; внизу из чувства жизни разворачивается сфера половых ощущений, опирающаяся на нижнюю парасимпатическую систему. В середине, между ними, располагается симпатическая нервная система, орган чувства жизни. Она выравнивает зеркало озера, в котором повседневно могут отражаться звезды нашего мышления. Но в глубины озера погружена органическая воспроизводящая часть нашего существования.

ЧУВСТВО ЖИЗНИ МЕЖДУ СТРАХОМ И СТЫДОМ

Утверждение, к которому мы пришли, что вегетативная нервная система не имеет активно-моторной и секреторной функции, но как орган чувства жизни действует сенсорно, настолько ново, что это воззрение, чтобы действительно быть понятным, должно быть более обосновано и расширено. Каждый, кто знаком с современными представлениями сегодняшней медицины, может указать на то, что мы приходим к фундаментальным противоречиям, и целый ряд точных наблюдений не может быть объясним, если вегетативную нервную систему рассматривать как активный раздел совокупности телесных функций.

Именно в последние десятилетия большая часть болезненных явлений приписывается современной медициной «вегетативным» расстройствам. Многие нервные или невротические состояния, сопровождающиеся страхом, беспокойством, бессонницей и пугливостью, описываются сегодня как вегетативная дистония. Это воззрение приходит к тому, что считают, что при этих состояниях нарушено гармоническое взаимодействие между симпатической и парасимпатической нервными системами. Это приводит либо к чрезмерному, либо к недостаточному функционированию органов. Но поскольку вегетативная система должна влиять на сердцебиение, на сужение и расширение кровеносных сосудов, на деятельность кишечника, на дыхание и на весь обмен веществ, и поскольку, кроме того, кажется, что кровяное давление, содержание воды и внутренняя секреция желез поддерживаются вегетативной нервной системой, становится понятным, почему большая часть заболеваний приписывается дисфункции этих нервов.

Такое рассуждение может непосредственно показать нам значение утверждения, что симпатическая нервная система играет роль органа чувств для чувства жизни. Если это так, то кто же является регулятором всех упомянутых выше функций? Кто поддерживает равновесие, чтобы

сердце билось не слишком быстро и не слишком медленно, и чтобы, например, правильно функционировали железы? Внезапно кажется, будто все жизненные функции попали под власть хаоса, и мы начинаем понимать, почему представляется почти само собой разумеющимся приписать вегетативной нервной системе функцию управления, которая позволяет более или менее надежно вести корабль жизненных функций между «слишком много» и «слишком мало».

Чем подробнее и многообразнее становятся наши знания о вегетативных нервных влияниях, тем сложнее становятся также образы, с помощью которых мы пытаемся постигнуть это многообразие. Прежде всего, говорят о ваготонии, понимая под ней состояние чрезмерной усталости и утомления, и о симпатикотонии, понимая под ней явления, сопровождающиеся усиленной возбудимостью и активностью. Также установили, что во время сна организм приходит в более ваготоническое (парасимпатикотоническое) состояние, тогда как в бодрственном состоянии он более склоняется к симпатикотонии. Сегодня это выражают несколько иначе, так, Хофф следующим образом описывает взаимодействие этих двух групп нервов: «Симпатическая нервная система соответствует ведущей группе для применения силы и для борьбы, парасимпатическая - ведущей группе для подготовки резервов и сопротивления». 27 Если опустить из этих несколько фатальных образов воинственный элемент, который как бы должен обеспечивать борьбу за существование, то образуется представление о действующем в бодрственном состоянии и обновляющемся во сне организме.

Если мы хотим на конкретном примере исследовать существующие представления о деятельности вегетативных нервов, то лучше всего нам обратиться к одной узко описанной области. Сегодня принято считать, что при раздражении парасимпатической нервной системы сужаются зрачки глаз, а при раздражении симпатической, напротив, расширяются. Такие утверждения делаются, например, потому, что окончания парасимпатических нервов в зрачках парализованы, так что это приводит к чрезмерному действию симпатических нервов, отчего расширяются зрачки. Подобные же исследования проведены в отношении других органов. Так, тонус симпатической нервной системы заставляет сердце чаще биться и одновременно сужает кровеносные сосуды на периферии тела. С другой стороны, слишком сильный парасимпатикотонус замедляет биение сердца, и подкожные кровеносные сосуды расширяются. При слишком сильном симпатикотоническом воздействии мочевой пузырь закрывается, при парасимпатикотоническом его опустошение производится быстрее.

Нет никакого сомнения, что существуют эти антагонистические функ-

ции и реакции, и что они постоянно регулируют общие телесные явления. Но идентифицировать обе эти формы реакций с деятельностью вегетативной нервной системы не является ни возможным, ни безусловно необходимым. Скорее мы должны выступающие здесь регуляции понимать в более широком смысле, если только отказаться от предвзятого воззрения, что существуют моторные и сенсорные нервы.

В предлагаемой таблице (стр. 51) мы представили некоторые наиболее выразительные симпатикотонические и парасимпатикотонические симптомы, что-бы, сопоставляя, можно было сравнить их между собой.

Таблица 1²⁸

<i>Парасимпатическая нервная система</i>	<i>Симпатическая нервная система</i>
Суженные зрачки Повышенная секреция слез (глаза глубоко посажены в глазницах)	Расширенные зрачки Пониженная секреция слез (глаза выступают из глазниц)
Расширение подкожных сосудов. Покраснение Способствует теплоотдаче Потение	Сужение подкожных сосудов. Побледнение Ограничивает теплоотдачу Холодный липкий пот
Сердцебиение замедляется Периферийные сосуды расширяются Дыхание застывает Сужение бронхов	Сердцебиение ускоряется Периферийные сосуды сужаются Дыхание усиливается Расширение бронхов
Усиление движения желудка и кишечника Выделение мочи	Замедление движения желудка и кишечника Задержка выделения мочи
Способствует ассимиляции (построение веществ)	Способствует диссимиляции (распад веществ)
Возбуждение половой деятельности	Сдерживание половой деятельности

Из такого сопоставления отчетливо видно, что не только симпатикотонические симптомы противостоят парасимпатикотоническим, но также сами они образуют в себе полярность.

Так, при раздражении симпатической нервной системы зрачки расширяются, глазное яблоко выступает наружу, сердцебиение и дыхание ускоряются, но выделение мочи сдерживается, движение желудка и кишечника замедляется и кожа бледнеет.

С другой стороны, при парасимпатическом раздражении зрачки сужаются, глаза втягиваются в глазницы, сердцебиение замедляется и дыхание становится поверхностным. Кожа, напротив, становится влажной и теплой, наступает покраснение, движение желудка и кишечника усиливается и увеличивается выделение мочи.

Разве не складывается впечатление, что голова в первом случае (симпатикотония) как бы пробуждается, все органы чувств напрягаются, сердце и дыхание возбуждается как бы в ожидании, а остальное тело остается запруженным? Обратное происходит во втором случае. При парасимпатикотонии зрачки сужаются, сердцебиение замедляется, и дыхание становится поверхностным, в нижнем же человеке происходит усиление функций. Здесь спит голова, тело же возбуждается, там (симпатикотония) пробуждается регион органов чувств и голова, жизнь же тела сдерживается и понижается.

Если к этим симптомам мы добавим еще феномен выделения пота, когда в первом случае выделяется холодный и липкий пот, а в другом состоянии более жидкий и теплый, то эти реакции сгустятся в единый замкнутый образ.

Пребывающий в страхе человек является симпатикотоническим. Его глаза расширяются, выступают из орбит, холодный пот покрывает бледную кожу, сердце бьется от страха, дыхание углубляется. Но все функции пищеварения и обмена веществ понижаются, и выделение мочи приостанавливается.

Человек в состоянии стыда, напротив, краснеет, прикрывает глаза и «скрывает свое лицо» в приливе крови; он не хотел бы ни видеть, ни быть самому видимым. Теплый, тонкий пот выступает из всех его пор, дыхание становится поверхностным, сердечная деятельность замедляется. В нижнем же человеке вскипают жизненные процессы, возбуждается желудочное и кишечное движение и ускоряется обмен веществ.

В обоих этих образах выражены наиболее существенные симптомы симпатикотонии и парасимпатикотонии. Они характеризуют человека в состоянии страха, и когда он испытывает стыд. Так что мы видим, что не симпатические и парасимпатические нервы управляют вегетативными функциями, но Я человека, пронизанное страхом и стыдом. Обе эти пра-эмоции, которыми наделен и оснащен каждый человек, это те Сцилла и Харибда, между которыми постоянно должен пробираться корабль наших жизненных процессов.

В прежних исследованиях, на которые я могу здесь сослаться,²⁹ я подробно говорил об основополагающем значении этих эмоций. Там я показал, что происходят они в мировом плане от человеческого грехопадения и с тех пор постоянно сопровождают наше земное существование. Только сорвав яблоко, Адам и Ева заметили свою наготу и «устыдились». Но, услышав голос Бога, они испытали страх. Так в человечестве возникли обе эмоции в завершение того глобального события, которое в Библии представлено как вкушение от древа познания. В состоянии стыда мы чувствуем свою врожденную наготу; в состоянии страха на мгновение открывается дверь, через которую мы можем бросить взгляд на феномен нашей смертности. Между рождением и смертью проходит наша жизнь, раскачиваясь между стыдом и страхом. Стыд стоит у врат рождения, страх - у врат смерти.

В процитированной выше работе я доказывал также, что ощущение стыда лежит в основе пробуждения в земном пространстве. Мы начинаем познавать себя в нашем человеческом бытии, преисполняясь стыдом. Стыд сродни болезненности познания; в нем лежит сожаление о своей наготе и собственной способности к воспроизведению. Человек, осознавший свой грех, краснеет от стыда. В то же время он познает себя самого и начинает размышлять о себе.

Здесь мы можем найти отношение к воззрению, которое перед этим описали. Мы указали на то, что по мере взросления ребенка верхняя система парасимпатических нервов, блуждающий нерв, становится органом чувства мысли, и позже, в начале половой зрелости, нижняя часть парасимпатической системы тесно связывается с половой сферой. Тем самым устанавливается тесная взаимная связь между стыдом и парасимпатической системой. Стыд в верхнем человеке становится основой самостоятельно развивающегося чувства мысли, и соответствующий блуждающий нерв становится органом чувства мысли.

Нижняя часть парасимпатической системы соединяется с половой функцией и становится носителем возникающих в ней ощущений и вожеланий. Этот «нижний» стыд преобразуется в силу воспроизведения; «верхний» стыд становится основой чувства мысли.

Но чем становится симпатическая нервная система и страх? Чувство жизни - это тот покров, который расстилается над всеми нашими чувствами органов и благодаря этому скрывает страх. Благополучие, которое мы испытываем от переживания «наполняющей пространство телесной самости», и наполненность собственной жизненной силой вытесняет страх в глубины подсознания. Посредством симпатической нервной системы мы испытываем чувство благополучия. Но постоянно через зеркало озера чувства жизни прорываются искаженные, болезненные

процессы органов, которые мы сами обусловили страхом и боязнью, ненавистью и грехом, всей нашей судьбой и нашими промахами; они возмущают и замутняют его. Их сопровождает боязнь, которая напoминает нам о смерти.

Так боязнь мы познаем как противоположность чувству жизни, подобно тому как страх можно рассматривать как основу чувства осязания. Чувство жизни раскачивается между «верхним» и «нижним» стыдом, который вызывает те органические и душевные симптомы, которые сегодня еще приписываются парасимпатической нервной системе. Боязнь и стыд - это душевные переживания, которые действуют непосредственно с кровью, носителем «Я». Поэтому Рудольф Штайнер также говорит, что «такие переживания как боязнь или страх и чувство стыда лежат в основе Я-переживания, которое распознается в его действии на кровь... В обоих случаях... кровь материально, как внешний материальный инструмент, следует тому, что внутренне испытывает Я... ». 30 Это именно Я, имеющее в крови телесный инструмент, краснеет и бледнеет от стыда и страха, расширяет и сужает зрачки, ускоряет и замедляет сердцебиение и все другие функции, управляя упомянутыми выше функциями.

Между ними покоится озеро чувства жизни; вверх разворачивается чувство мысли, вниз - способность к воспроизведению. Не вегетативная нервная система, но Я, посредством боязни и стыда, действуя через кровь, управляет жизненными процессами и поддерживает их в равновесии. Благодаря этому человек становится мерой всех вещей.

Мистерии Нертус, которые праздновали на севере Европы еще до второго тысячелетия до Р.Х., образно представляли тайну стыда и боязни. Повозка с образом богини Герты (Нертус), в которую были запряжены рабы, в пасхальные дни погружалась в морской прибой. Это море было обозначено Рудольфом Штайнером как «море страстей», и погружение символизировало тогда еще неосознанно происходивший акт оплодотворения. 31 Присутствующие при этом рабы, «которые могли видеть», что происходило, умерщвлялись. Здесь рука об руку идут рождение и смерть. Нертус - это богиня стыда, ее слуги принимают смерть и, тем самым, вступают в сферу боязни. Чувство жизни набрасывает на это свой покров, и человек, благодаря этому, обретает силу «чувствовать свою внутреннюю целостность».

ЛЕЧЕБНАЯ ПЕДАГОГИКА ЧУВСТВА ЖИЗНИ

Отклонения, с которыми мы встречаемся в рамках нашей лечебнопедagogической деятельности и которые нуждаются в душевном уходе, преимущественно являются состояниями, которые возникают в ходе разви-

тия в детском и подростковом возрасте. Эти отклонения возникают вследствие того, что определенные шаги развития не были сделаны своевременно. Вследствие этого происходит слишком раннее или запоздалое развертывание определенных свойств, что приводит, большей частью, к тяжелой дисгармонии в развитии.

Поэтому если мы хотим познать возможные расстройства, связанные с чувством жизни, мы должны задать вопрос об образовании и формировании этого чувства в детском возрасте. Предпосылкой для ответа на этот вопрос будут рассмотрения, сделанные нами в предыдущих разделах. Мы можем указать на то, что в раннем детском возрасте чувство жизни играет более интенсивную роль в душевном поведении, чем позже. Грудной младенец и маленький ребенок значительно больше подвержены прорывам через чувство жизни чувств органов и жизненных ощущений. Ни симпатическая, ни парасимпатическая нервные системы в этот момент времени еще не являются полностью функциональными. Вегетативная нервная система после рождения также нуждается в длительном времени для своего образования, как и остальная нервная система. Хожение, речь и движения постепенно развиваются в течение первых трех лет жизни, и совместно с развитием этих способностей созревает центральная и периферическая нервная система.

Подобным образом обстоит дело и с вегетативной нервной системой. Также и здесь происходит постепенное образование по мере того, как в раннем детстве симпатическая нервная система берет на себя функции органа чувства жизни, а верхняя парасимпатическая система становится органом чувства мысли. Именно потому, что у грудного ребенка чувство жизни еще недостаточно сформировано, на передний план выступают ощущения органов. Голод, жажда, метеоризм, расстройства пищеварения, затруднения дыхания одолевают душу, которая становится игрушкой этих чувств. Также сытость и тепловое благополучие грудного ребенка наполняют его таким целиком захватывающим его удовлетворением, что почти не оставляют места другим ощущениям.

Мы можем считать, что образование симпатической нервной системы в замкнутый орган чувства жизни продолжается весь период кормления грудью, т.е. в течение девяти месяцев. Чем раньше ребенок отнимается от груди, тем меньше времени имеет вегетативная нервная система для своего образования, ибо требования, которые чужеродное питание предъявляет к пищеварительным и обменным процессам, более жесткие, чем точно приспособленное для грудного младенца материнское молоко. Поэтому требуется примерно девять месяцев, прежде чем первый тонкий слой поверхности озера чувства жизни покроет процессы органов. Только тогда ребенок созревает настолько, чтобы научиться

переносить ощущения своих органов; он делает первые шаги к тому, чтобы обучать свои органы (Гете), а не обучаться ими.

В последующие годы жизни на основе образования речи формируется чувство мысли. Это как раз то ответвление блуждающего нерва, которое стоит в тесной связи с гортанью как центральным органом речи и поэтому обеспечивает возможность формирования чувства мысли. «Душа, приспособляющаяся к речи, сама использует гортань как орган речи... Мышцы (гортани) постепенно попадают под власть говорящей души и через соответствующие нервы словообразования протекают через всю автономную нервную систему. Там они сплавляются с жизнедеятельностью всего организма и запечатлевают в нем все свое речевое своеобразие». 26

Так верхняя парасимпатическая нервная система, блуждающий нерв, преобразуется в орган чувства мысли и создает основу для того, чтобы в течение третьего года жизни пробудить в ребенке способность к образованию мыслей. Таким образом, мы можем говорить о следующих ступенях развития: в течение первого года жизни симпатическая нервная система становится органом чувства жизни; на втором году жизни верхняя парасимпатическая нервная система пронизывается пробудившимся речевым потоком и благодаря этому на третьем году жизни становится органом чувства мысли.

Нарушения, которые возникают в эти периоды развития, могут привести к тому, что образование этих обоих органов чувств будет либо задержано, либо ускорено, или вообще приостановлено. Следствием этого могут быть глубокие повреждения дальнейшего развития таких детей. Мы должны реально представить себе, что означает, если чувство жизни не может развиваться как замкнутое, единое чувственное переживание. Если это происходит, то ребенок не может встать в правильные отношения к своему собственному телу. То, что обычно с самого раннего детства мы имеем как непосредственное переживание, посредством которого мы чувствуем себя «как целостное внутреннее существо» и благодаря этому ощущаем себя как «наполняющую пространство телесную самость», теперь уже не имеет места. Не происходит идентификации между телом и духом-душой, что приводит к тяжелому нарушению контактов. Душа ребенка ощущает тело как не принадлежащее ему, но скорее как часть мира. Вследствие этого утрачивается чувство надежности бытия, и проявляются черты и симптомы тяжелых аутических расстройств. То, что должно стать переживанием собственного тела, не состоялось. Не существует «моего» тела, но тело становится членом, более подобным чемодану, который душа должна таскать с собой, а не собственной частью и инструментом, на котором она играет.

Отсутствует чувство благополучия, как повседневно осознаваемое ощущение, и естественное ощущение ребенка - радость и желание бытия - больше не развиваются. Такие дети несут в себе отпечаток печальной серьезности, окрашивающей их существование фиолетово-голубыми тонами. Процесс еды становится ритуалом и, как и все остальное, лишается радостной непосредственности. Развиваются причудливые церемонии и привычки, обусловленные тем, что собственное тело ощущается как чуждый предмет, и ребенок кормит и питает не себя, а его.

Такие дети пьют только из имеющей специальную форму чашки, едят только определенным образом окрашенную еду, сидят на определенном месте и подвержены таким навязчивым действиям. Это проявляется в самых разнообразных вариациях. Душа ребенка не прямо, но косвенно связана с принадлежащим ему телом, и следствием этого являются глубокие аутические расстройства. Ибо тело стоит между душой и окружающим миром; это подобно солнечному затмению, когда Луна становится перед Солнцем и затемняет свет его лучей.

В ходе дальнейшего развития наступает стадия, когда ребенок начинает употреблять слово Я, но он обозначает им не себя самого, но других лиц. Ибо только переживание «телесной самости», которое дает нам чувство жизни, в данном случае почти не сформированное, делает возможным этот нормальный опыт, который приобретает каждый ребенок на третьем году жизни и который дает ему знание того, что он является замкнутой индивидуальностью. Такого опыта и недостает описываемым здесь детям, и потому у них развиваются признаки неуверенности и незащищенности. С этим связано также чувство непрекращающейся боязни, под давлением которого живет ребенок. Ибо несовершенное образование чувства жизни выдвигает боязнь на порог подсознательного и, при подходящих обстоятельствах, она пробуждается и угнетает душу.

Позже выявляются тяжелые нарушения ассимиляции и обмена веществ, следствием чего может быть дисгармония телесного роста и развития.

У многих, но не у всех таких детей, часто наблюдаются тяжелые расстройства интеллекта. При этом мы имеем дело не с врожденным дефектом, но с последствиями задержанного развития речи. Многие дети, страдающие такими расстройствами, не могут говорить. У них отсутствует при этом не понимание речи, но они сами не могут активно воспроизводить речь. Причины этого могут быть весьма многообразными.

Нарушение контактов, например, препятствует развитию у ребенка способности к подражанию, и поэтому тормозится обучение речи. Но также нарушение отношения к своему телу может подавить желание болтать и тараторить, вследствие этого утрачивается побуждение к речи,

что имеет большое значение при обучении родному языку. Они могут высказывать, выкрикивать, выражать свои собственные душевные состояния, но они недостаточно знают внешний мир и не могут именовать окружающие вещи, и уж, конечно, не могут говорить о них. 32

Эта неразвитость речи имеет следствием то, что не может развиваться орган чувства мысли. Тем самым нарушения контактов становятся более глубокими и навязчивыми. Сказанное слово хотя и понимается, поскольку чувство звука не нарушено, но истинный смысл сказанного остается скрытым. Наступает духовная изоляция, которая уподобляет ребенка заключенному. Он остается в одиночестве, хотя и находится среди людей. Он чувствует себя отвергнутым, хотя и хотел бы быть общенным. Неспособность себя понять действует подобно невидимой клетке, которая изолирует этих детей от окружающего мира. Следствием этой спиритуальной изоляции могут быть галлюцинации и навязчивые идеи; ответом на это могут быть внезапные вспышки бешенства. После полового созревания из этих состояний могут развиваться шизофренические заболевания.

Представляя симптомы, являющиеся результатом такого недостаточного образования чувства жизни и чувства мысли, я воздерживаюсь от того, чтобы обозначить эти состояния каким-нибудь определенным наименованием. Причиной этого является тот факт, что сегодня не существует для этого единой номенклатуры. Некоторые, особенно американские авторы, говорят о детском аутизме, а также о препсихозе, детской шизофрении, а также употребляют другие наименования. Сегодня еще не представляется возможным установить ясное членение и порядок в описании этих тяжелых нарушений поведения; поэтому я ограничился описанием феноменов, воздерживаясь от наименований.

Однозначно установить, почему и по какой причине происходят нарушения, которые ведут к несовершенному образованию чувства жизни и чувства мысли, конечно же, невозможно. Но нет сомнения, что ответственным за это является недостаточное развитие вегетативной нервной системы. Совокупность вегетативных нервов является частью общей нервной системы и, как и эта последняя, может быть недоразвитой или неправильной. Вследствие этого могут проявляться описанные состояния.

Лечебнопедагогическое сопровождение этих детей представляет собой труднейшую задачу. Этому будет в дальнейшем посвящена специальная статья. Здесь же задачей является феноменологически выделить чувство жизни в его своеобразии и его развитии, и описать последствия его нарушения и тесно связанного с ним чувства мысли.

ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

ЧТО ТАКОЕ ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ?

К нашему представлению чувства осязания и чувства жизни примыкает описание и обсуждение чувства, названного Рудольфом Штайнером чувством собственного движения. Это третье из четырех «нижних» чувств, задачей которых является передать нам ощущение состояния нашей собственной телесности. Подобно чувству осязания и чувству жизни, чувство собственного движения дает нам переживание нашего телесного существования.

Посредством чувства осязания мы осознаем границы собственного тела. Чувство жизни позволяет нам испытать общее состояние, в котором находится это тело: мы ощущаем наше телесное благополучие и неблагополучие. Благодаря чувству собственного движения область этого опыта расширяется, ибо мы воспринимаем взаимное отношение отдельных членов друг к другу. Словами «чувство собственного движения» Рудольф Штайнер хотел выразить, что посредством его мы воспринимаем движение не других тел, но собственного тела. Оно не позволяет нам видеть, слышать или ощущать движение вещей вокруг нас, но благодаря ему мы воспринимаем двигательные процессы и их результаты, поскольку они принадлежат нашему собственному телу. Рудольф Штайнер говорит об этом чувстве: «Отличается от этого чувства (чувства жизни) то, посредством чего человек воспринимает, например, собственное движение. Он делает движение ногой и воспринимает это движение. (...) Чувство собственного движения воспринимает его как такое, предпосылкой чему является собственная деятельность, подвижность». 5

В другом месте он добавляет еще следующие пояснения: «Бы не могли бы быть человеческим существом, если бы не могли воспринимать свои собственные движения. Машина не воспринимает своих движений, это может только живое существо посредством действительного чувства. Чувство, которое позволяет воспринимать наши движения, от мигания глазом до движения ногами, это действительно суть второе чувство, чувство собственного движения». 6

Это чувство хорошо известно сегодняшним физиологам. Они дают ему различные имена. Обычно его описывают как «мышечное или силовое чувство». Оно также имеет более общее наименование, как «глубокая чувствительность» или «проприоцептивность». Физиология чувств описывает его так: «Посредством его мы воспринимаем положение и активные или пассивные движения тела и отдельных его частей; посредством

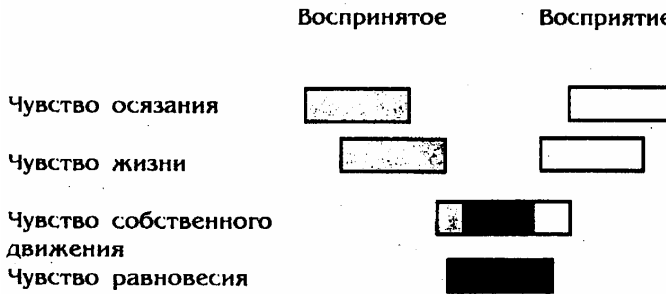
его мы замечаем также противодействие нашему движению или стремлению частей тела занять определенное положение, и можем судить о тяжести какого-либо предмета. Также чувство усталости, утомления и тяжести в членах после напряженной мускульной работы мы получаем посредством мышечной чувствительности». 23

Из этого описания отчетливо видно, что физиология чувств, поскольку она до сих пор не признала чувство жизни как ограниченную область чувств, приписывает мышечному чувству или чувству собственного движения ощущения, которые ему не принадлежат. Ибо «усталость, утомленность и тяжесть членов - явное переживание из области чувства жизни. Также ощущение противодействия при исполнении собственного движения и определение веса передвигаемого нами предмета является переживанием, которое нужно отнести к области чувства осязания и давления. Мышечное чувство дает нам только ощущение собственного движения нашего тела в его различных частях и членах.

Физиология чувств, к сожалению, еще очень далека от того, чтобы создать правильный образ глобального значения чувства собственного движения. Она описывает его, связывает его деятельность с определенными нервными окончаниями (о чем в дальнейшем пойдет речь), но вследствие недостатка фактических результатов исследований отсутствует воззрение на собственные способности этого чувства. Так, в вышедшем недавно справочнике «Сравнительная физиология» Буденброка, 33 в первом томе, посвященном физиологии чувств, осязанию отведено 20 страниц, чувству равновесия - 60 страниц, а чувству собственного движения всего 6 страниц! Явное свидетельство скудости наших знаний в этой области.

Рудольф Штайнер был первым, кто указал на ощущение собственного движения как на замкнутую область чувств. Но физиология все еще не пришла к полному пониманию глобального значения этого чувства, и только изучение невропатологии дает нам отчетливые указания на широкое поле деятельности этих функций. При заболеваниях, которые локально или генерализованно могут распространяться в нервной системе, затрагивающих деятельность чувства собственного движения, дело может дойти до тяжелых расстройств моторики. Размах, целенаправленность и гармония движений отсутствует, так что мы должны установить, что нормальное исполнение движения возможно только тогда, когда чувство собственного движения не изнурено и исправно. Нарушения в течении жизненных процессов становятся заметными благодаря ощущениям в области чувства жизни. Тогда сквозь общее благополучие прорываются различного рода чувства органов. Нарушения в области чувства осязания создают неуверенность, страх и неспособность утвер-

диться в собственном теле. Но чувство собственного движения, если оно неправильно функционирует, оказывает обратное действие на само движение, которое оно помогает воспринимать. В чувстве осязания и чувстве жизни восприятие и воспринимаемый объект еще, некоторым образом, существуют независимо друг от друга. В области же собственного движения все происходит иначе, ибо каждое движение должно отзываться в чувствах, если оно должно быть правильно воспринято. Чувство движения дает движению смысл. Без восприятия моторика распадается на частные движения и бессмысленные двигательные попытки. В чувстве равновесия процесс сплавления восприятия и движения достигает своей высшей точки, поскольку там только комплексная чувственная деятельность может обеспечить состояние равновесия. Следующее схематичное представление дает наглядную картину сказанного. Понимание этого имеет огромное значение, поскольку оно нам ясно показывает, что само восприятие может быть интегральной составной частью воспринятого.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЧУВСТВА СОБСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

Способность к восприятию чувства собственного движения распространяется на все наше тело. Мы можем также сказать, что везде, где есть мышцы, есть также чувство собственного движения. Как чувство осязания тесно связано с органом-кожей, так и поле восприятия чувства собственного движения лежит в области всех мышц. Деятельность мускулатуры, состоящая, прежде всего, из ритмичных движений сокращения и расслабления, причем контракция, сопровождающаяся сокращением мышц, и дилатация, сопровождающаяся некоторым удлинением мышц, воспринимаются чувством собственного движения. Это общее ощущение расширяется до восприятия положения отдельных членов тела друг относительно друга и достигает, наконец, общего восприятия больших форм движения. Стояние, сидение, хождение, бег, прыжки, скачки, письмо, копание, резание, забивание - все это такие крупные общие переживания, которые более или менее глубоко запечатлеваются

в наших ощущениях, восприятиях и представлениях.

Целая последовательность переживаний открывается нам посредством чувства собственного движения. Во-первых, мы имеем здесь смутное ощущение сокращения или удлинения наших мышц. Эти ощущения лежат на пороге нашего дневного сознания и ускользают, большей частью, от нашего восприятия. Взаимное положение членов, напротив, попадает в поле наших восприятий. Мы точно ощущаем, согнут ли наш палец или выпрямлен, находится ли наша рука перед грудью или за спиной, ниже или выше плеч. Мы отчетливо воспринимаем это даже с закрытыми глазами. В самом деле, тонкость способности различения в этой области исключительно высока. «В локтевом суставе, при нормальных условиях, воспринимаются движения, которые в среднем соответствуют углу поворота 0,038 градуса».23 Это свидетельствует об удивительной точности описываемого здесь восприятия.

Сами же формы движения складываются в образ в области представлений. Этот последний совершенствуется благодаря упражнениям и многократным повторениям, т.е. исполнив однажды сложный комплекс движений, мы должны в дальнейшем его сохранить. Незамутненный образ представлений о выполняемых движениях так же необходим, как деятельность самой моторики. В соответствии с представлениями образуются моторика, которая, в свою очередь, модифицирует представления. Здесь происходит взаимная корректировка, которую два десятилетия назад Вайцзекер описал как «гештальт-цикл».34 Также введенное венским физиологом конца прошлого столетия Экснером понятие «сенсомобильности» имеет здесь свое обоснование. Как для Вайцзекера, так и для Экснера, язык феноменов был так ясен, что они видели внутреннее взаимодействие движения и восприятия движения.

Так строится организация чувства собственного движения, начиная из глубины едва осознаваемого ощущения деятельности мышц, через смутное восприятие положения членов и отдельных движений, до области сложных представлений об исполняемых движениях. Можно спорить о том, относятся ли эти представления к области чувственных процессов или нет. Но если мы хотим получить надлежащее общее воззрение относительно чувства собственного движения, мы должны включить в него как восприятия, так и представления. Ибо только в этом случае мы сможем выработать общий взгляд на совокупность описываемых здесь феноменов.

Общая область человеческой, и вероятно, также животной моторики нуждается в гармоническом взаимодействии между исполняемыми движениями и совокупностью восприятий, даваемых чувством собственно движения. Только единство душевного опыта и органической дея-

тельности может обеспечить весь комплекс моторной активности. То, что физиология представляет сегодня как мышечное чувство, это только нижний слой, который мы описали как мышечные ощущения.

Рудольф Штайнер обратил внимание еще на один вид деятельности чувства собственного движения. В лекциях для вальдорфских педагогов он говорит: «Когда человек рассматривает цветной круг, он грубо говорит: я вижу цвет, я вижу также форму круга. Но здесь смешаны совсем разные вещи. Благодаря собственной деятельности глаза... вы видите, вообще говоря, только цвет. Форму круга вы видите, когда подсознательно включаете чувство собственного движения - и подсознательно в эфирном теле, в астральном теле запечатлевается круговое движение, и это восходит к познанию. И только поскольку круг, который вы восприняли посредством чувства собственного движения, восходит к познанию, постольку познанный вами круг связывается с воспринимаемым вами цветом. Вы извлекаете форму из всего вашего тела, когда вы апеллируете к чувству движения, распространяющемуся по всему вашему телу.... К такому тонкому виду наблюдения, устанавливающему различия между восприятием цвета и восприятием формы с помощью чувства движения, официальная наука вообще не приходит, но она смешивает все в одну кучу». 8

Мы так подробно процитировали это место, поскольку оно содержит основополагающее указание на факт, который физиология чувств полностью упускает. Здесь речь идет о внутреннем взаимодействии чувства движения и чувства зрения, и встает вопрос: как возникают такого рода восприятия, как вообще реализуется круговое движение в рамках чувства собственного движения?

Мы напомним о том, что детальное изучение процессов, которые совершаются в человеке при рассматривании им художественных произведений, показывает, что праворукие люди, рассматривая картину, начинают с левого нижнего угла, и затем взгляд перемещается по дуге к правому верхнему углу. 35 Не только при рассматривании картин, но при каждом зрительном акте задействована моторика глаз, головы, шеи и верхней части туловища. Не бывает никакого зрения без сопутствующего движения определенных частей мышечной системы. Но эти сопутствующие движения так нежны и так тонки, что их, большей частью, вообще не замечают. Тем не менее, они являются необходимой функцией всего зрительного акта, и в этой области происходит полное взаимодействие между чувством собственного движения и чувством зрения. Сопутствующие движения мышц передают упомянутое Рудольфом Штайнером подсознательное ощущение чувства собственного движения, которое затем становится представлением и сплавляется с цветом

кругового образования. Эта согласованность партий произвольной мускулатуры происходит в форме легкого сокращения и растяжения различных групп мышц, благодаря чему происходит моторная имитация увиденной формы движения.

Не только глаза, но также уши и нос, язык и кожа, поскольку они являются органами чувств, тесно связаны с чувством движения. Направленность слуха является частью чувства движения; также «обнюхивание», которое так отчетливо выступает в повадках животных, относится к области моторного чувства. Посредством этого мы не только узнаем форму вещей, но также их взаимное расположение, их удаленность от нас, их быстрое или медленное движение сопровождается всей нашей мускулатурой и поэтому непосредственно попадает в поле нашего опыта. Произвольная мускулатура - это не только двигатель, но очень тонкий резонатор для восприятия формы и движения во внешнем мире.

Эта сложнейшая резонансная система - суть органическое поле действия чувства собственного движения. И мы начинаем понимать, почему чувственный опыт так тесно должен быть связан с движением. Сами мышцы являются одновременно двигателями и органами восприятия; органом деятельности и органом чувства, к подробному рассмотрению которого мы и хотим теперь перейти. Благодаря мускульной системе мы носим в себе детектор гештальта и формы, действующий как тончайший орган чувства.

ОРГАН ЧУВСТВА СОБСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

Как кожа контурирует чувство осязания, так мышечная система являет область ощущений собственного движения. Действующая мышца, которая то сжимается, то расслабляется, уже является частью органа чувства, в котором пульсирует воля. Но для восприятия образованных этой волей ощущений требуется нервная структура, которой в изобилии снабжена каждая мышца.

Уже 100 лет тому назад физиолог Вильгельм Кюн наряду с нервами открыл внутри мышц образования, подобные органам чувств, которые с тех пор описаны как проприорецепторы, и их действие связывают с мышечным чувством. Эти, так называемые мышечные веретена состоят не из чего иного, как из оставшихся недифференцированными мышечных волокон, инкапсулированных в облегающих их тканях. То есть здесь мы имеем дело с «мышцей в мышце». «Эти веретена, ориентированные в направлении мышечных волокон, представляют собой образования длиной от 1 до 3 мм, толщиной 0.2 мм, обрамленные мощными соединительными тканями. »³⁶ Распределение этих органов чувств весьма различно. Особенно многочисленны они в мышцах, выполняю-

щих мелкие движения пальцев, и мышцах, двигающих глазное яблоко.³⁷ Большое число нервных волокон пронизывает эти странные органы чувств, и сегодня можно с некоторой уверенностью считать эти образования органами чувства собственного движения. Однако их точное функционирование сегодня еще далеко не изучено.

Наряду с нервными волокнами, обеспечивающими мышечные веретенца, есть еще многочисленные нервы, находящиеся в тесном контакте с самими мышечными волокнами. Окончания этих нервов и их тончайшие фибриллы утолщаются в образования, тесно прилегающие к мышечным волокнам. Эти нервные органы, во множестве пронизывающие мышцы, называют «моторными концевыми пластинками». Сегодняшняя физиология видит в них образования, которые переносят эфферентные нервные раздражения на мышечные волокна. Ибо все еще бытует представление, что мышечное движение происходит только как ответ на подводимое нервом моторное раздражение. Тем самым нервное раздражение возводится в степень первичного акта, последующее же движение рассматривается как автоматическое явление.

Пока это фатальное заблуждение не будет преодолено, также и чувство собственного движения не сможет занять надлежащее место. Нерв - это не двигатель мускулатуры, но та организация, которая дает возможность душе воспринимать совершившееся движение. На это со всей серьезностью настойчиво указывал Рудольф Штайнер. Но до сих пор, т. е. спустя полстолетия, его указания не восприняты, и вследствие этого физиология нервов и мышц находится в плотной сети ложных представлений.

Здесь не место углубляться в проблему моторных и сенсорных нервов. Но мы можем задать вопрос, как вообще возможно, чтобы мышечный аппарат, который в предыдущем разделе мы описали как детектор гештальта и формы, может выполнять эти функции. Посредством «соучастия в движении» мы можем узнавать формы вещей и существ во внешнем мире, внутренне им подражая. Но как же происходит этот процесс «соучастия в движении»? Этот вопрос затрагивает внутреннейшее ядро проблемы, связанной с чувством собственного движения. Ибо мы воспринимаем не только собственные движения, но имитируем посредством этого чувства также двигательные тенденции в окружающем нас мире. Итак, в области мышечного чувства мы имеем член, участвующий в движении окружающего нас мира форм.

На этот вопрос мы найдем ответ, если внимательно прочитаем объяснения, которые дал Рудольф Штайнер в связи с проблемой моторных и сенсорных нервов. Он говорит: «Внешний мир как в залив вливается через чувства в существо организма. Когда душа посредством чувств

воспринимает окружающие явления, она не воспринимает внутренние органические явления, но испытывает продолжение внешних явлений внутри организма.... И в двигательном процессе мы физически также имеем дело не с чем-то, существо чего лежит внутри организма, но, с деятельностью организма в отношениях равновесия и распределения сил, в которых организм находится к внешнему миру. Внутри организма воле доступен только процесс обмена веществ; но вызванные этим процессом явления вчленены также в отношения равновесия и распределения сил внешнего мира; и когда душа начинает действовать, она выходит из области организма и живет со своими деяниями в явлениях внешнего мира».24

Здесь Рудольф Штайнер со всей отчетливостью указывает на то, что как чувственный процесс, так и волевой процесс души не ограничиваются деятельностью внутри своего тела. Внешний мир как в залив вливается в область чувственной зоны организма, тогда как волевой акт разворачивает деятельность, которая вчленяется в отношения равновесия и распределения сил внешнего мира. И в дополнение к этому Рудольф Штайнер, обсуждая проблему функции нервов, говорит основополагающие для нашего рассмотрения слова: «Так называемый моторный нерв не служит движению в том смысле, как это объясняет учение об этом членении (на моторные и сенсорные нервы), но как носитель нервной деятельности он служит внутреннему восприятию тех процессов обмена веществ, которые лежат в основе воли, точно так же, как ощущающий нерв служит восприятию того, что разыгрывается в органе чувства».

То «внутреннее восприятие», о котором шла речь, связано в мышечной области с протекающими там процессами обмена веществ. Они же, в свою очередь, вчленены в «отношения равновесия и распределения сил», и по этой причине могут соучаствовать в разворачивающихся там двигательных и формообразующих тенденциях. Они сами являются частью этих тенденций и подобно хладниевым пластинам повторяют эти формы движений. Как только мы это поймем, нам тотчас же откроется понимание функций двигательных концевых пластинок. Они служат не возбудителями мышечного движения, но являются носителями «внутреннего восприятия» процессов обмена веществ, которые разыгрываются в мышцах, и в основе которых лежит воля. TM Поскольку концевые пластинки являются оконечными органами «моторных» нервов, душа вступает в непосредственный контакт с разыгрывающимися здесь процессами. Эти «моторные» нервы таковы, что дают нам возможность воспринимать круг как округленное, квадрат как четырехугольное, треугольник как треугольное движение. Здесь следует искать физиологическую основу гештальтпсихологии.

Но мышечные веретена, которые находятся также в связках и суставах, являются собственно органами чувств; это уже анатомически выражается в том, что они выделены из остальной мускулатуры и структуры связок и суставов. Они служат восприятию взаимного расположения и движения частей нашего тела. Эти мышечные веретена подобны маленьким, примитивным глазным хрусталикам, вчлененным в мышечные и связующие ткани. Они воспринимают телесное пространство и измеряют и определяют тем самым положение и место принадлежащих ему членов. Посредством их воспринимается движение, и мы получаем представление о сложных двигательных процессах. Нервы, подходящие к мышечным веретенам, по своему существу подобны «моторным», однако проходят раздельно от них. Мы можем это выразить иначе: нервы мышечных веретен «воспринимают»; двигательные концевые пластинки «участвуют». Оба вида нервов «по существу» подобны, но все же в том, что касается их функций, различны.

Так мы познали чувство движения в его двойственном виде и значении. Оно служит не только восприятию исполняемых собственным телом движений, но посредством его душа воспринимает формообразующие и двигательные тенденции в окружающем мире. Вследствие этого чувство движения сочетается с другими чувствами и дает им опыт, посредством которого они отчетливее и реальнее могут воспринимать окружающий мир. При этом речь идет о так называемых «интенциональных отношениях», на которые указывал Рудольф Штайнер, следуя терминологии Франца Brentano. 24

Само же движение вчленяется как волевой акт между обеими этими сторонами восприятия посредством чувства собственного движения. Оно хотя не определяется ими, но подвержено их влиянию. Ибо восприятие моторики есть только часть ее исполнения; исполнение же происходит в соответствии с «отношениями равновесия и распределения сил», развертывающимися в окружающем мире. Чем гармоничнее это взаимодействие, тем более красивым и изящным кажется движение. В рамках чувства собственного движения возникает и завершается вся моторика.

ВНУТРЕННЕЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ЧУВСТВА СОБСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

Со способностью осязания мы рождаемся. Чувство жизни мы приобретаем во время первых лет жизни. Развертывание чувства собственного движения не знает временных границ. В течение жизни мы должны постоянно осваивать новые комбинации движений, так что процесс формирования этого чувства никогда не прекращается. Оно внутренне со-

провождает процесс обучения хождению и речи ребенка. Бегание и прыганье, карабканье происходит с их помощью. Сюда относятся также письмо и чтение; ибо как могли бы мы осуществлять тончайшие движения руками, кистями рук и пальцами, если бы постоянно не обновлялось сознание положения руки, ведущей перо или карандаш? И как могли бы мы читать, если бы чувство собственного движения не передавало нам моторный образ фигур и букв?

Учимся ли мы владеть мускульным инструментом, владеть иглой, пользоваться молотком, ездить на велосипеде - всегда оказывается задействованным чувство собственного движения. Оно сопровождает всю нашу моторику, охраняет, предупреждает и защищает. Пока оно с нами, мы чувствуем себя защищенными в определенных сферах нашего существования.

Чувство осязания дает нам смутное знание о нас самих и пронизывает нас чувством Бога. Чувство жизни дает нам ощущение нашей наполняющей пространство телесной самости. Мы преисполняемся чувством благополучия и удовлетворения, которые сообщаются нам этим чувством. Что дает нам чувство собственного движения?

Рудольф Штайнер говорит о том, что оно дает нам «то чувство свободы», которое позволяет человеку ощутить себя душой. «То, что дает вам возможность ощутить себя свободной душой, это излучение чувства движения, которое передает вашей душе информацию о сокращении и расслаблении мышц...».¹⁴ Но что означает, чувствовать себя «свободной душой»? Мы можем сказать: чувство осязания ограничивает нас, чувство жизни сохраняет нас; чувство собственного движения нас освобождает. Оно освобождает нас «как душу», поскольку посредством его мы ни тело, ни окружающий мир не чувствуем как бремя или принуждение. Поскольку оно вчлнено в «отношения равновесия и распределения сил», наше тело также становится их частью и дает душе возможность вести неограниченное бытие. В хождении душа завоевывает пространство, пронизывает его в беге, овладевает им при восхождении и лазании, измеряет его прыжками и шагами. Она овладевает также материей, поскольку учится ее переформировывать. Она мнет и формует, ткет и шьет, лепит и вяжет. И все новые ремесленные навыки приобретаются во взаимодействии с чувством собственного движения, и когда душа живет в разворачивании своих моторных способностей, ее пронизывает единственное чувство: радость. Это ощущение вырастает из царства чувства собственного движения. Радость постоянно живет в нас, как и страх, стыд, боязнь, гнев. Радость – это один из основных цветов нашей души, она сохраняется, усиливается и ослабляется чувством собственного движения. Чувство собственного движения

- это мать радости.

Усилия психологов проникнуть в чувство радости до тех пор будут оставаться бесплодными, пока не будет познана эта связь. Когда Страссер называет радость «в самом общем смысле чувственным утверждением вступления в обладание после предшествующего состояния неопределенности», он проходит мимо центрального мотива переживания чувства радости. Радость - это не ощущение наконец достигнутой цели, но чувство освобождения от носимых до сих пор оков. В радости выражается не «обладание» но «бытие».

Когда я после долгого восхождения, стоившего мне много усилий и пота, наконец, достигаю вершины горы, меня наполняет радость. Это не выражение достигнутой цели, но ощущение преодоленного марша к вершине.

Когда я все снова и снова повторяю музыкальный пассаж, то я испытываю радость в том случае, если я, наконец, достигну того, что буду играючи исполнять музыкальное произведение. И здесь также меня радует не достигнутое, но освобождение от усилий при изучении. Радость указывает на прошлое и поэтому переживается «радостное приятие» настоящего.

Когда Страссер приводит в качестве примера человека, стоящего перед закрытой дверью своего дома и «радостно вздрагивающего, когда он находит, после долгих поисков, ключ в подкладке своего пальто», его пронизывает не радость обладания ключом, но радость от преодоления неопределенности и мучительности состояния необладания ключом. Возможность открыть дверь дома - это облегчение, может быть даже счастье, но не радость.

Также представление Хенселя о радости проходит мимо проблемы, когда он считает, что «радость -это чувственное переживание восприятия, что события развиваются желательным образом». 40 Когда исполняется мое желание, я чувствую себя счастливым, и это ощущение сродни радости, но не идентично ей. Я могу радоваться без того, чтобы что-то исполнилось. Ибо радость - это освобождение, своего рода разрешение от бремени.

Обвиняемый, будучи оправданным, ощущает это освобождение как радость. Но только после этого он ощущает счастье снова быть в кругу близких. Счастье - это состояние обладания, радость же -переживание бытия.

Когда наши дела и предприятия не удаются, когда у нас «неудачный день», и все наши планы проваливаются, когда все у нас «валится из рук», и повсюду мы встречаем только препятствия - тогда наша душа наполняется досадой и недовольством. Ибо ничего не достигнуто и ни-

чего не может быть достигнуто. Тогда радость остается для нас закрытой, подобно солнечному свету, когда он закрыт толстым слоем облаков.

Когда же внутри души восходит солнце радости, проясняется также лицо человека в улыбке. Каждая радость открывает свой образ в улыбке. Первая улыбка грудного младенца - это признак того, что начинает развертываться чувство собственного движения. Бутейндик, который посвятил этому процессу очень трогательные исследования, приходит к следующему заключению: «Когда ребенок, улыбаясь, открывается как ребенок, совершая движения в произвольности своей природы так, как это предусмотрено его телесностью, он преодолевает протекающее во времени бессознательное долженствование, чтобы участвовать в безвременном бытии первой сознательной защищенности». 41 Этими словами описана также радость, которая испытывается, когда «бессознательное долженствование» в «произвольности собственной природы» преодолевается и уступает место гармоничному ощущению защищенности.

Бутейндик указывает также на тесную связь радости с улыбкой, и он думает, что есть еще много других выражений радости; но лучащиеся глаза, раскрытые руки и ликующие уста - это только метаморфозы улыбки, которая из области губ распространяется вверх на глаза, внутрь на гортань и вниз на руки. И когда он далее высказывает мнение, что улыбка - это не только выражение, но «в то же время ответ на то, что действительно или в представлении подступает к нам, ответ на личность, предмет или представление, навстречу которому раскрывается наше сердце», тогда он касается важного пункта, имеющего отношение к природе улыбки. Ибо улыбка - это как высказывание, так и ответ. В качестве «высказывания» она открывается как простая радость. Как «ответ» она, напротив, указывает на нечто новое.

Когда я улыбаюсь встретившемуся мне другу или кривлю в улыбке губы при встрече с безразличным мне человеком, тогда улыбка проявляется как часть мимической выразительной способности, которой наделен человек. Улыбка - это откровение радости; но она может также стать мимическим жестом и принимать различные формы: смущения, сдержанности, ехидства, лукавства, горечи, коварства, глупости, благожелательности, сочувствия, презрения. Пальцы души играют на струнах улыбки и дают ей самое разнообразное звучание.

Улыбка осуществляется с помощью того же самого нерва (*nervus facialis*), какой обслуживает мимику всего нашего лица. Но мимика - это возвышение чувства собственного движения, и познав это, мы замыкаем круг рассматриваний, который мы открыли указанием на переживание

радости.

В докладе «О существе искусства»⁴² Рудольф Штайнер в имажинативной форме указывает на эти взаимосвязи. Он описывает там акт, который осуществляется в человеке, когда чувство собственного движения преобразуется в «искусство мимики». Тем, что это может произойти, мы обязаны радости, откровением которой является улыбка; но она может преобразоваться в мимическое выражение.

Чувство собственного движения излучает в нашу душу радость освобождения от принуждения и давления, от трудов и забот. Эта радость открывается в улыбке, которая несет в себе способность мимики. Тем самым мы можем чувство собственного движения не ограничить подражанием образам и фигурам внешнего мира, но сделать его имитатором человеческих переживаний и отношений. Великим актером является тот, кто в высшей мере может передать другим чувство собственного движения.

ЛЕЧЕБНАЯ ПЕДАГОГИКА ЧУВСТВА СОБСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

Как в течение жизни развертывание чувства собственного движения не имеет возрастных границ, но всегда принимает в себя новый опыт, так и в рамках лечебной педагогики значение этого чувства велико. Это связано с тем, что большая группа нарушений развития и инкарнации тесно связана с образованием моторики. Ребенка, нуждающегося в душевном уходе, легко распознать уже по форме и виду его движений, и было бы нетрудно написать учебник лечебной педагогики исключительно с точки зрения двигательных расстройств. Такого рода подход во многих главах касался бы существа отклонений в образе поведения.

Можно даже сказать, что не существует нарушений развития и инкарнации, которые бы в большей или меньшей мере не выражались бы в нарушениях моторики. Это тотчас станет понятным, если мы вспомним о том, что приобретение способности прямохождения, обучение родному языку и пробуждение мышления являются достижениями индивидуальной моторики, которая постепенно помогает душе - в истинном смысле слова - закрепиться в теле. Шаг за шагом душа овладевает различными комнатами телесного дома, и каждый из этих шагов - это моторное исполнение. Осваиваются новые формы движения, одновременно расширяя также область опыта чувства собственного движения.

Это чувство почти подобно измерительному инструменту, который показывает степень приобретенных моторных способностей. Но, как мы уже видели, это инструмент, который в то же время соучаствует в приобретении способностей. Некоторые примеры могут пояснить сказанное.

Так, слишком медленное развитие моторики у монголоидных детей имеет следствием тяжелую задержку развития этих людей. Они, большей частью, с запозданием на год начинают ходить; речь у них появляется только на третьем году, и обучение речи длится так долго, что иногда уже достигается половая зрелость, прежде чем из нее начинается развиваться мышление. Но это уже слишком поздно. Чувство собственного движения сильно отстает, обучение новым моторным комбинациям исключительно затруднено. Для монголоидных взрослых не интеллектуальная отсталость закрывает многие профессии, но существенную роль играет недостаток пластичности в области чувства движения. Вследствие этого затруднено приобретение новых ремесленных навыков.

У слепых детей после третьего года жизни наблюдаются странные и причудливые навязчивые движения, гримасы, ритмические подергивания тела, они постоянно трогают пальцами глаза и др. Вследствие этого моторика развивается в неправильном направлении и в то же время неправильно разворачивается чувство собственного движения. Слепота препятствует им интенционально связываться с чувственной деятельностью глаза. И, поскольку включение мускулатуры в «отношения равновесия и распределения сил окружающего мира» осуществляется только частично, то, как своего рода реакция, возникают навязчивые движения. У глухих детей наблюдается подобное же поведение, но только моторные действия не навязчивые, но настойчивые. Глухие часто ведут себя грубо, агрессивно, шумно и заносчиво. Вследствие своего недостатка очи слишком сильно напрягают глаза, и зрительный акт становится как бы навязчивым. Вследствие этого им недостает тонкого расслабления моторики, что как раз достигается развитием речи и способности слушать. Так чувство собственного движения остается как бы бесчувственным; оно вместо душевного принимает механический характер.

Совершенно особое нарушение чувства собственного движения наблюдается у детей с двигательными затруднениями. У спастиков и атетотиков, атактиков⁴⁴ и страдающих односторонним параличом нарушения объясняются, главным образом, тем, что у них не может полностью вернуться нормальное мышечное чувство. Конечности парализованы не только из-за недостатка моторики, но также из-за потери или недостатка сенсорики. Вследствие этого руки или ноги, или и те, и другие, становятся как бы частями внешнего мира. Ребенок ощущает конечности как бы не принадлежащими ему, не связывается с ними. Он рассматривает парализованную руку как часть внешнего мира, которую можно носить с собой или вообще не обращать на нее внимания. Ибо из-за того, что чувство собственного движения, вследствие потери моторики, осталось

неразвитым, недостает также вчленения руки в пространство тела (недостаточность чувственного ощущения).

Поведение такого рода меняется в зависимости от вида паралича. Это особенно отчетливо видно у страдающих односторонним параличом (гемиплегией). У страдающего атетозом, напротив, происходят постоянные, толчкообразные прерывания в сфере ощущений, которые обусловлены у него чувством движения. Непроизвольные движения, нарушающие нормальное функционирование моторики, разделяют также восприятия положения и движения конечностей.

Там, где спастический паралич захватывает все четыре конечности (тетраплегией), моторика и чувство собственного движения полностью разделяются. Моторный застой препятствует потоку всех движений, и вследствие этого также восприятие неподвижных конечностей остается застывшим или склеротичным. Подобно панцирю охватывает чувство собственного движения безжизненные руки и ноги.

У всех атактичных детей, прежде всего у тех, которые страдают церебральной атаксией, нарушения чувства собственного движения особенно отчетливы. Поскольку в этом случае они сопровождаются частичной потерей равновесия, движения становятся жесткими, неуверенными и твердыми. Постоянная «боязнь упасть» сдерживает каждую попытку движения и часто в зародыше поражает моторную активность. Такие дети испытывают большие трудности даже при обучении их простым формам прямохождения. Им очень помогает, если им предлагается «третья нога» в виде опоры для ходьбы. Они тогда легче переходят к свободному хождению, преодолевают страх и развивают при этом еще не развернувшееся чувство собственного движения.

Вообще, очень важно детям с двигательными нарушениями помогать развивать собственные движения с помощью механических средств (ходунки). Всяческими способами нужно способствовать развитию чувства собственного движения. Иначе дело обстоит с корсетами и гипсовыми кроватками. Они сдерживают развитие чувства собственного движения и везде, где это возможно, должны быть запрещены.

В то же время дня тренировки и стимулирования чувства собственного движения необходимы пассивные двигательные упражнения. Чем регулярнее они проводятся, тем больше укрепляется способность к ощущениям в области чувства собственного движения. Пальцы и руки, ступни и ноги, бывшие до сих пор для ребенка чуждыми телами, теперь включаются в сферу его сознательного опыта. Они вписываются в его телесную схему, и только когда этот процесс уже начался, должны интенсифицироваться активные двигательные упражнения.

Нужно всегда сознавать, что движения парализованных членов только

тогда возможно успешно упражнять, если предварительно в этой части тела удастся до определенной степени пробудить чувство движения. Если речь идет о разворачивании произвольных форм движения, то дело здесь не столько в моторике, сколько, прежде всего, в пробуждении сенсорики. Эвритмия и лечебная эвритмия - это прекраснейший инструментарий для оживления чувства собственного движения. Ибо эвритмические формы движения несут в себе характер речи и музыки, и поэтому по своей сущности они родственны всякой моторике. Эвритмия - это истинная учительница чувства собственного движения, и об этом в лечебной педагогике никогда нельзя забывать. Никакая гимнастика не может заменить того, что может сделать эвритмия для пробуждения мускульных ощущений и двигательных восприятий.

В то же время при обучении и воспитании детей с нарушениями движения никогда не следует упускать этот элемент «радости». Ведь она является той прекрасной искрой Божьей, которую воспел Шиллер.

Радость - мощная пружина Ритма вечного природы. Радость крутит шестеренки Мировых больших часов.

Радость - это то, что излучается из любого исполненного движения; она суть пра-элемент всякого творения, и мы должны ее воспринимать как живой образ, который напечатлевает в нашей душе чувство собственного движения.

Кто когда-нибудь имел дело со спастическими детьми, тот знает, что уныние и печаль являются главными элементами их душевного настроения. Ибо чувство собственного движения не имеет достаточной силы, чтобы воспламенить в душах этих детей радость. Нет лучшей помощи, чем встречать их с лучащейся, открытой улыбкой. С улыбкой действовать, с улыбкой помогать, с улыбкой жить в обществе этих детей. И здесь справедливы прекрасные слова, которые оставил нам в одном из своих стихотворений Франц Верфель:

Schöpfe du, trage du, hatte
Tausend Gewässer des Lächelns
in deiner Hand!
Lächeln, selige Feuchte ist ausgespannt
All übers Antlitz.
Lächeln ist keine Falte,
Lächeln ist Wesen vom Licht. "
Черпай, неси, держи
Миллионы потоков смеха
в своих руках!
Смех, блаженная влага
Разошлась по всему лицу.

Улыбка - это вовсе не губ изгиб,

Улыбка - в ней сущность света.

В этих стихах содержится нечто от внутреннейшего существа чувства собственного движения, призыв, который указывает на душевный свет, который может помочь нам пробудить это чувство у детей, нуждающихся в душевном уходе.

ЧУВСТВО РАВНОВЕСИЯ

ЧТО ТАКОЕ ЧУВСТВО РАВНОВЕСИЯ?

На вопрос, обоснованно ли говорить о чувстве равновесия, которое позволяет нам ощутить положение нашего тела по отношению к окружающему его пространству, современная физиология не дает решительного ответа. Она только указывает на то, что существует орган, который специфическим образом служит поддержанию равновесия - лабиринт внутреннего уха, - однако она не всегда однозначно говорит, является ли это органом чувства в истинном смысле слова.

Также отмечено, что целый ряд чувственных процессов тесно связан с поддержанием равновесия. Так, глаза, уши, чувство осязания и мышечное чувство разделяют ответственность за необычайно сложное взаимодействие рефлексов, инстинктов, совокупность движений и реакций всякого вида, служащих регулировке равновесия. Но является ли пространственное управление телом актом, принадлежащим чувственным функциям и их органам? Или мы имеем здесь дело скорее с очень сложным механизмом, опирающимся на нервно-мышечный аппарат нашего тела?

Если мы спросим себя, какие же ощущения или восприятия, принадлежащие чувству равновесия, мы имеем, то нам станут понятными затруднения физиологов при попытке дать однозначный ответ. В принципе, мы не знаем почти ни одного ощущения, которое мы могли бы приписать этому проблематичному чувству. Но мы имеем переживания и вполне определенные ощущения, которые возникают тотчас, как только мы теряем само равновесие. Когда мы спотыкаемся о какое-нибудь препятствие и теряем равновесие, мы включаем целый ряд двигательных механизмов, чтобы предотвратить падение тела, если же падение предотвратить невозможно, то, по крайней мере, пытаемся дать ему какую-нибудь опору. Как внезапное многоголосие скрытого до поры до времени хора, из подсознания вдруг всплывает множество двигательных реакций, которые возвращают тело в вертикальное положение. Подобное же, но только более интенсивно, испытываем мы при головокружении. Когда стены комнаты начинают вращаться вокруг нас, или

когда мы теряем равновесие, тогда включаются еще более глубокие формы реакций нашей телесной природы. Усиливается желудочное и кишечное движение, так что это состояние может сопровождаться рвотой и поносом. Ощущение тошноты может возрасти до чувства обреченности. Сюда же добавляется страх, и кожа покрывается холодным потом. Члены холодеют, и сердце начинает биться сильнее.

Образы таких состояний показывают нам, как глубоко в нашем организме коренится функция поддержания равновесия. Если нам кажется, что мы падаем, на помощь приходит весь мир реакций чувства собственного движения. Если мы чувствуем головокружение, вспенивается все жизненное чувство; приходит в волнение вся вегетативная система.

В результате таких рассмотрений может сложиться впечатление, что чувство равновесия, так глубоко пронизывающее три других описанных выше чувства, может быть само по себе и вовсе недоступно восприятию. Разве нельзя себе представить, что равновесие нашего тела поддерживается благодаря тому, что чувство равновесия, как скрытый остров, лежит в основе чувства осязания, чувства жизни и чувства собственного движения? И что вследствие своей скрытости оно не передает нам никаких непосредственных ощущений и восприятий?

Уже много лет назад фон Крис указывал на особое место статического чувства. Он говорил: «Таким образом, мы видим, что возбуждение, исходящее от статического органа, в своих связях и протекании всегда захватывается, модифицируется и дополняется содержанием сознания, исходящим от других чувств».⁴⁶ Далее фон Крис ставит вопрос, действительно ли чувству равновесия присуще специфическое ощущение, или оно представляет собой только регулирующий организм в поле других чувств. Он приходит к мнению: «Ибо даже если мы примем, что при деятельности статического органа, наряду с его отдаленными последствиями, которые преимущественно доходят до нашего сознания, мы еще испытываем какие-нибудь самостоятельные и особенные ощущения, то это будут наверняка незначительные и неотчетливые восприятия. И мы вряд ли можем этим фазам психических явлений... приписать решающее значение».

Но остается еще вопросом, правомочно ли говорить здесь о «навверняка незначительных» восприятиях, и не более ли правильно будет говорить об описываемых здесь феноменах как о скрытых, недоступных непосредственному восприятию ощущениях, которые проявляются только в состоянии потери или расстройства чувств.

В главе о чувстве собственного движения мы уже указывали на то, что именно в области чувства равновесия «процесс сплавления восприятия и движения достигает своей высшей точки», поскольку восприятие и

предмет восприятия достигают полного единства. Не должны ли мы из этого заключить, что статическое чувство суть лишь повышенное чувство собственного движения и лишено всякой специфичности? И что, так сказать, идентификация между душой и телом в этой сфере достигает такого совершенства, что оба исчезают, подобно тому как исчезают кислород и водород, соединяясь в воду?

Не становится ли, таким образом, само «равновесие» чем-то новым, третьим, которое потому не воспринимается, что оно само стало частично душой и частично телом?

То, что в смысле предшествующих рассмотрений было в какой-то форме содержанием ощущений, в чувстве равновесия стало полностью душевным переживанием, и поэтому ему недостает качеств ощущения. Чувство равновесия и его восприятие идентифицируется с душой и целиком проявляется в ней. Поэтому дистанция, которая присуща всякому другому процессу восприятия, здесь отсутствует. Чувство равновесия лишено в обычном смысле всякого содержания ощущения.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЧУВСТВА РАВНОВЕСИЯ

Рудольф Штайнер без колебаний включил чувство равновесия в круг чувств: «Мы осознаем третье чувство, если подумаем о том, что человек различает между верхом и низом. Если он перестает это различать, то ему угрожает большая опасность, он тогда не может держаться прямо и опрокидывается. Мы можем указать на орган, который имеет тесную связь с этим чувством, а именно, на три канала полукруглой формы в ухе. При повреждении этого органа человек теряет чувство ориентировки». 4

В этом представлении особенно обращают на себя внимание три вещи: Рудольф Штайнер однозначно называет орган статического чувства; он обозначает это чувство также как «чувство ориентировки», и он отмечает свойственное ему восприятие, обеспечивающее возможность «различать между верхом и низом». То есть этому чувству присуще не только поддержание равновесия, но оно дает также возможность различать верх и низ, и это различие человек делает «в самом себе». Но это означает, что мы не постепенно, с приобретением опыта, научаемся отличать верхнее от нижнего, а имеем здесь дело с внутренним восприятием.

Однажды я сам испытал это с большой отчетливостью, когда (более чем 30 лет тому назад) я с моим другом совершал короткий полет на маленьком, открытом аэроплане. Когда пилот начал делать петлю и вращать самолет вокруг продольной оси, я с удивлением почувствовал, что земля и небо вращаются вокруг меня, сам же я держусь «прямо». С тех

пор я знаю, что у каждого человека есть уверенность: где находится голова, там «верх». И поскольку там обычно находится и небо, то небо находится сверху, а земля, соответственно, внизу. Таким образом, мы должны, прежде всего, иметь эту уверенность, которая представляет собой общий опыт для всех людей и которая может быть понята как результат восприятия, полученного посредством чувства равновесия.

Известны эксперименты, при которых на глазах людей, принимавших участие в опытах, фиксировались в течение нескольких недель особой формы линзы. Посредством этих линз поле зрения поворачивалось на 180 градусов, так что все, что было вверху, воспринималось внизу. Уже спустя несколько дней эти люди начинали видеть «нормально». Это значит, что они обретали полную ориентировку в пространстве и соответственно двигались. Этот феномен не может быть объяснен только адаптационной способностью, которая присуща пространственному чувству глаза. Скорее здесь дело в «овладении» посредством чувства равновесия зрительным образом. Человек держится прямо также и в кажущемся перевернутым пространственным мире, пока его чувство ориентировки способно функционировать. Этот поставленный на голову зрительный образ не тревожит его, поскольку он сам стоит прямо.

Также слепорожденные и ослепшие в раннем возрасте люди совершенно точно различают верх и низ. Они не различают, с какой стороны лица появляются субъективные световые явления. «При фотопсии пациентов просили указывать, с какой стороны оказывалось воздействие, «со стороны лба, рта, висков, носа», но обследованные, так же как и зрячие, переходили к обозначениям верх-низ, право-лево». 47

Из этих феноменов непосредственно видно, что мы как бы носим в себе внутренний остов представлений, который помогает нам «из самих себя» иметь отчетливое ощущение того, что находится вверху и что внизу. Мы навязываем эту свою уверенность всем ситуациям, даже если она ошибочна. И мы должны, с определенной долей правдоподобия, наличие этого остова представлений приписать действию чувства равновесия.

В другом месте Рудольф Штайнер еще раз возвращается к чувству равновесия и описывает его так: «Третье чувство проявляется, когда мы замечаем, как человек может сохранять определенное положение в отношении право-лево, верх-низ и т. д. Его можно назвать чувством равновесия или статическим чувством. Его своеобразие проявится, если подумать о том, что если сознательное существо желает сохранять определенное положение, то оно должно его воспринимать. Если отказывает чувство равновесия, то человек испытывает головокружение, он опрокидывается. Бессознательный предмет сохраняет свое положение

без его восприятия. Он не может упасть от головокружения».5

Здесь обращено внимание на то, что не только пара противоположностей «верх-низ» связана со статическим чувством, но что все трехмерное пространство принадлежит к области опыта чувства равновесия. Мы можем также сказать, что пространство чувства собственного движения представляет собой неструктурированный трехмерный шар. Там есть только два направления: центробежное и центростремительное, пучок лучей которого распространяется от центра к периферии и обратно. Если же сюда добавляется чувство равновесия, тогда переживание пространства расчленяется так, что появляются три направления, перпендикулярные друг к другу.

При этом речь идет о сознательном постижении этих трех направлений, представляющих собой «внутренний крест ориентировки», который мы носим в себе и который дает нам возможность упорядочивать все прочие чувственные впечатления и ориентироваться в них. Таким образом, статическое чувство представляет собой остов ориентировки, в котором собираются и прорисовываются все прочие гаптические, оптические и акустические впечатления.

В другом месте Рудольф Штайнер еще более подробно характеризует чувство равновесия, говоря, что «посредством его мы определенным образом вчленены в мир, чувствуем себя устойчиво, можем, до определенной степени, воспринимать, насколько мы находимся в гармонии с силами окружающего мира. И мы внутренне воспринимаем эту гармонию наших отношений с силами окружающего мира».25

Здесь добавляется новый элемент для понимания статического чувства. Если рассмотренные до сих пор чувства были полностью связаны с восприятием и переживанием собственного тела, и только опосредованно мы могли заключить о состоянии окружающего мира (например, в отношении к чувствам осязания и собственного движения), то в области статического чувства мы имеем дело с восприятием самого окружающего мира. Мы воспринимаем уже теперь не собственное тело, но структуру окружающего пространства.

В кругу чувств на месте чувства равновесия происходит решающий скачок от восприятия тепа к опыту в окружающем мире. Этот опыт и переживания хотя и выступают глубоко внутри телесной организации, но уже поставляют нам существенные впечатления об окружающем мире.

Благодаря тому, что внутри животного и человеческого тела установлено чувство равновесия, оно дает ему ощущение своего «бытия, установленного в мире». Как в глубине чувства осязания ограниченность кожей становится условием переживания собственной телесности, так чувство

ориентировки открывает нам врата в мир. Посредством его мы чувствуем себя вписанными в окружающий мир. «Мы воспринимаем отношение нашего внутреннего существа к внешнему миру, внутри которого мы чувствуем себя в равновесии». 14

Рис. Схематическое представление лабиринта Стрелки указывают на направление потока эндолимфы

U = urticulus (маточка преддверия лабиринта)

Л = ampulle (расширенные концы полукружных каналов)

ОРГАН ЧУВСТВА РАВНОВЕСИЯ

Сегодня считается доказанным, что орган чувства равновесия находится во внутреннем ухе. Этот орган, состоящий из костного и перепончатого лабиринта, расположен в пирамиде височной кости на основании черепа. Он состоит из двух частей: собственно лабиринта и примыкающей к нему улитки. Последняя представляет собой орган чувства слуха, тогда как части лабиринта, три полукружных канала, сходящиеся в общую камеру - маточку преддверия лабиринта (urticulus) - это орган статического чувства.

Здесь впервые в ходе нашего рассмотрения нижних чувств мы имеем дело с центральным единым органом чувства. При чувствах осязания, жизни и собственного движения есть только широко распределенные по всему организму отдельные области чувств, такие как тельца Мейснера в коже, двигательные концевые пластинки мышц и многочисленные нервные окончания симпатической нервной системы. Но здесь нам представлен подлинный орган, форма и своеобразие которого указывает на его отношения к чувству равновесия.

Кроме того, характерно, и в то же время удивительно, что в этом органе тесно соседствуют как орган слуха, так и чувство ориентирования. О значении этого морфологического расположения мы еще будем говорить в дальнейшем.

Строение и форму полукружных каналов можно найти в каждом учебнике физиологии и психологии, и мы предполагаем, что читатель с ни-

ми знаком. Речь идет о трех перпендикулярных друг другу перепончатых полукружных каналах, при впадении которых в маточку преддверия лабиринта имеются расширения (ampulle), в которых находится специальное чувственное поле всего аппарата. На узкой полосе находится множество клеток с длинными чувствительными волосками, они удерживаются желеобразной массой.

В самой маточке преддверия лабиринта находится подобным же образом построенное чувственное поле, но только здесь находятся маленькие и мельчайшие кристаллы, состоящие из углекислого кальция, погруженные в желе. Весь орган содержит жидкость, эндолимфу, и оmyвается подобной же жидкостью, перилимфой. Кроме того, перепончатый лабиринт прикреплен к внутренним стенкам костного лабиринта, так что почти полностью в невесомости плавает в перилимфе и пронизан эндолимфой.

Эта невесомость кажется мне главным свойством этого органа. Он изъят из поля действия гравитационных сил, и только там, где расположены маленькие кристаллы, сохраняется еще остаток земного праха. Там также действуют силы тяжести и дают возможность смутного чувственного переживания гравитации.

Но прежде всего пространственные направления подчеркнуты в ампулах полукружных каналов; ибо каждый из трех каналов расположен по отношению к двум другим под углом в 90 градусов. Поскольку эти полукружные каналы на правой и левой сторонах черепа так входят в пирамиду височной кости, что они не параллельны ни к фронтальной, ни к сагиттальной плоскостям, но составляют с ними угол 45 градусов, они совместно образуют полный пространственный крест. Левый передний полукружный канал лежит в той же плоскости, что и правый задний; то же справедливо для двух других вертикальных каналов. Оба горизонтальных канала лежат в одной общей плоскости.

Вследствие такого расположения в области головы образуется чувственный орган пространства, который представляет совершенный образ действующих в пространстве сил. Внутри лабиринта встроена неподверженная силам тяжести пространственная структура в телесной организации. И, следуя словам Гете, которые он посвятил Якобу Беме:

«Если бы глаз не был порожден Солнцем,
Как бы мог он видеть свет... »,
мы можем добавить в отношении статического чувства:
Если бы лабиринт
Не был образом пространственных сил,
Как мы могли бы
Испытывать в теле равновесие...

То, что этому органу соответствует определенный нерв (8-й мозговой нерв, волокна которого подходят также к органу слуха), не требует особых обоснований. Только вследствие принадлежности нервной системе этот орган становится, в сущности, нашим, и его восприятия достигают нашего сознания. Сам же орган чувства - это кусок внешнего мира, залив (Рудольф Штайнер), который втянут в наше тело. Благодаря этому его носителю открыто переживание соответствующей сферы окружающего мира.

Только позвоночные животные обладают лабиринтом, и там, где он есть, он всегда находится внутри черепа или на нем. Но есть также другие органы равновесия, так называемые статолиты, которые соответствуют чувствительному полю *urtculus* и существуют почти у всех животных. Эти статолиты могут находиться в различных частях тела. В кайме мантии медузы, в ноге улитки, в заднем и переднем концах различных червей.

Сегодня с большей или меньшей достоверностью установлено, что эти статолиты являются органами чувств, посредством которых их носители воспринимают силу тяжести. Каждый из этих органов, как бы разнообразно они ни были сформированы, построен по одному и тому же плану: пузырек, наполненный жидкостью; в одном месте на его внутренней стенке находится чувствительное поле, состоящее из волосковых клеток, на которые оказывает давление или парит над ними образование, состоящее из минеральной субстанции; оно может быть скругленным или угловатым, шероховатым или гладким, составленным из одной или множества частей.

Этот основной план можно понять, если представить себе, что также и здесь наполненные жидкостью пузырьки образуют некий вид поля, в котором исключено действие поля тяжести, в которое введен кристалл как носитель земной соли и земной тяжести. Это образование дает возможность ориентировки в поле тяжести Земли.

Второе - это сам лабиринт. У всех позвоночных животных он расположен спереди относительно статолита и представляет собой нечто совершенно новое. Ни одно беспозвоночное животное не имеет подобной организации. Это объясняется тем, что только позвоночные так образуют свое тело, что в нем может быть представлена сила прямостояния.

Костная, подвижная в себе штанга, позвоночник, является основным остовом, вокруг которого группируется все остальное образование. К этой штанге прикреплены ребра, и вверху организация переходит в головное образование. Посредством двух пар конечностей организм внедряется в два других пространственных измерения. Но позвоночник, главный признак позвоночного животного, это центральное образование, кото-

рое обеспечивает все возможности вариации этого основного плана. Он определяет у человека направление вверх-вниз, а у животного вперед-назад. Поэтому у животного ноги играют роль столбов, которые несут тело и поддерживают его направление вверх. Направление право-лево у животных только кажущееся. Но благодаря тому, что человек ходит прямо, его ноги становятся членами, которые открывают ему направление вперед-назад; руки действуют в области право-лево, и голова, парящая над позвоночником, в свою очередь, представляет в своем образовании всю полноту трехмерного пространства. Она отображает пространство Земли и Вселенной.

Позвоночное животное живет в направлении вперед-назад и посредством строения и функций своих конечностей переживает силу тяжести в направлении вверх-вниз. Беспозвоночное животное, напротив, целиком вчленено в поле тяготения Земли и ориентируется в нем посредством статолитов. Позвоночное животное образовано так, что оно частично может эмансипироваться от поля тяготения, чтобы самостоятельно двигаться в пространственных измерениях. Беспозвоночное животное не знает высоты, глубины и ширины. Оно своим строением еще вписано в шар, который состоит из центробежных и центростремительных сил. В этом беспозвоночное животное находит свои жизненные средства. Только позвоночное животное возвышается настолько, что его гештальт определяется элементами трехмерного пространства. Человеческое тело является прообразом гештальта позвоночного животного; поэтому позвоночное животное (за исключением некоторых рыб) несет в своем черепе лабиринт как предвосхищение прямохождения человека.

Так трехмерное пространство, имея свой собственный орган в виде трех полукружных каналов, вляется в череп позвоночного животного. Полукружные каналы находятся по обеим сторонам переднего конца позвоночника, как раз на том месте, где, расширяясь, он переходит в череп. У человека лабиринт в свободном парении несет тело через три измерения. Однако у позвоночных животных он открывает им только врата «вперед», куда указывает нос или клюв.

Из этих рассмотрений отчетливо видно, что в общем чувстве равновесия мы должны различать две части:

чувство тяжести и пространственное
чувство или чувство легкости.

Обе сферы тесно связаны между собой и действуют совместно; но их следует различать, чтобы правильно оценивать выступающие пред нами феномены.

Можно дать примерно следующее краткое описание и характеристику этих двух функций статического чувства. Чувство тяжести дает нам

возможность ориентировать наше тело соответственно силе тяжести. Все так называемые рефлексy положения относятся к нему и тесно с ним связаны. Стоим мы или сидим, лежим или ползем - во всех этих положениях тела решающим образом участвует чувство тяжести. Напротив, пространственное чувство или чувство легкости обеспечивает возможность нашей свободной моторики. Почти парящая подвижность наших членов только тогда может осуществляться гармоническим образом, если она группируется вокруг одного неподвижного центра. Этот центр представляет собой не точечное образование, но покоящуюся в себе сферу, в которой и разворачивается вся моторика. Эта сфера образуется благодаря тому, что силы трехмерного пространства так располагаются вокруг лабиринта, что создают поле для выполнения наших движений. Благодаря органу чувства равновесия-пространства-легкости мы носим в себе свое собственное трехмерное пространство, подобно тому как улитка носит на себе свой дом. Три полукружных канала лежат в центре этой сферы, представляя в то же время точку пересечения трех пространственных направлений.

Голова, в которую заключены оба лабиринта, представляет собой покоящийся полюс в потоке произвольных и непроизвольных движений. Вокруг головы, как центра, концентрируется поле, в котором движется человек и животное.

, Это представление находит косвенное подтверждение в новых исследованиях, которые проводились над летающими насекомыми, особенно стрекозами. Известно, что насекомые не обладают органами, подобными статолитам. Тем не менее, их движения исполнены гармонии, и встал вопрос, посредством каких частей тела они обеспечивают чувство равновесия. Будденброк пишет по этому поводу: «Миттельштэdt (1950) показал, что кроме глаз есть еще второй чувственный аппарат, проприорецепторы в задней части головы, которые определяющим образом влияют на поддержание равновесия. Голова стрекозы, которая только тонкой шейкой соединена с остальным туловищем, в силу своих больших размеров сохраняет значительную инерцию. Если туловище и крылья под действием порывов ветра отклоняются в ту или иную сторону, то голова остается в пространстве неподвижной, но косо поставленные крылья тотчас совершают движение, задачей которого является вернуть туловище и крылья в горизонтальное положение». 33

Эти важные наблюдения можно интерпретировать таким образом, что голова насекомого функционирует подобно лабиринту. «Инерция» позволяет ей оставаться в покое, давая тем самым правильную точку ориентации для моторики крыльев и тела.

То, что насекомые, «светорожденные», настолько эмансипированы от

земной тяжести, что не нуждаются в статолитах, в биологическом отношении имеет большое значение. Они заменяют статолиты так называемыми хордотонольными органами, которые расположены в члениках ног.

ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ЧУВСТВА РАВНОВЕСИЯ

В отношении этих вопросов необходимо сделать некоторые замечания, поскольку здесь мы имеем дело с фундаментальным заблуждением в части их научной интерпретации.

Уже в начале прошлого столетия француз Флоуренс показал, что экспериментально обусловленные повреждения лабиринтов вызывают у глухих своеобразные нарушения движения головы и тела. За несколько лет до этого богемский врач и физиолог Пуркинье опубликовал основополагающие исследования относительно феноменов головокружения, которые он наблюдал в ряде поставленных на себе опытов. И только Гольтц, повторивший тогда почти забытые опыты Флоуренса, пришел в 1870 году к следующим результатам: «Вопрос, является ли лабиринт органом слуха, оставим открытым. Но, кроме того, он представляет собой устройство, которое служит поддержанию равновесия. Он, так сказать, является органом чувства равновесия головы и непосредственно всего тела». 48

Это высказывание полностью сохраняет свое значение и сегодня. С тех пор были проведены многочисленные исследования функции лабиринта, было получено огромное количество отдельных фактов, но ничего существенно нового они не добавили к высказыванию Гольтца.

Однако Гольтц не знал, как и каким образом функционирует аппарат лабиринта. Но вскоре после публикации его наблюдений появились в 1875 году почти одновременно работы трех авторов (Брейера, Маха и Браун-Крума), которые независимо друг от друга выдвинули одинаковые теории функционирования лабиринта. «Эта теория Маха-Брейера в существенных чертах признается также и сегодня». 48 Все три автора видят решающую причину возникающих двигательных рефлексов в ускорении потоков эндолимфы при поворотах головы и при быстром движении тела, что приводит к раздражению чувственного аппарата внутри соответствующих ампул. Были поставлены многочисленные эксперименты и проведены исследования для доказательства этой теории; но при этом не обратили внимания на особую структуру и положение лабиринта как целостного органа.

Образованный в пирамиде височной кости, подобный пещере со сложной конфигурацией, костный лабиринт представляет собой пространство, полное тишины и покоя. В этом полом пространстве расположен пе-

репончатый лабиринт, окруженный перилимфой и заполненный эндолимфой. Таким образом, перепончатый лабиринт является частью жидкой организации тела, тогда как костный лабиринт принадлежит твердой организации. Но из строения трех полукружных каналов, которые по форме подобны крупным кровеносным сосудам, связанным с сердцем, можно заключить, что эндолимфа и перилимфа не статичны, но находятся в постоянном движении. *Utriculus* принимает эндолимфу и возвращает ее в полукружные каналы, ампулы расположены там, где впадают центростремительные потоки эндолимфы. На рисунке представлены потоки эндолимфы внутри аппарата лабиринта.

Ритм движения этих непрерывных потоков соответствует дыхательному ритму и им регулируется.

Также в этом отношении есть прямые и косвенные доказательства. Так, например, у многих рыб так называемый плавательный пузырь (который как гомологичный орган выступает позднее в виде легких у амфибий, рептилий, птиц и млекопитающих) связан посредством косточки Вебера со статическими органами. Благодаря этому статическим органом постоянно регулируется наполнение воздухом плавательного пузыря. Здесь отчетливо морфологически видна тесная связь легких с лабиринтом. Маленький отросток перепончатого лабиринта, *saccus endolymphaticus*, прилегает к внутренней стенке черепной полости, и поэтому может участвовать в ритмическом движении спинномозговой жидкости (*liquor cerebrospinalis*). Но этот ритм совпадает с ритмом дыхания. На это часто указывал Рудольф Штайнер. Это вполне известный факт, который редко принимают во внимание. Дыхательный ритм воздушной организации проникает во внутреннее ухо, передается текущей эндолимфе и поддерживает ее движение; Таким образом такт этих потоков поддерживается и изменяется в ответ на изменение ритма дыхания. Благодаря этому лабиринт вчленен в общую жизнь тела. Это взаимодействие твердой, жидкой и воздушной организаций обеспечивает равновесие лабиринта как органа. В нем движутся потоки, и все же он остается в покое - он дышит в жидком элементе и одновременно покоится.

Каждое нарушение этой субтильной организации ведет к явлениям головокружения. Это может быть вызвано различными причинами. Слишком быстрый бег, форсированное вращение, злоупотребление алкоголем, состояние слабости и периоды голодания являются более «естественными» причинами головокружения. Также проявления морской болезни в быстро и неравномерно движущемся транспорте, быстрое нагревание внешнего ушного прохода (что приводит к ускорению течения эндолимфы), или повреждения и заболевания лабиринта ведут к тяжелым и тяжелейшим состояниям головокружения; они сопровождаются,

большей частью, тошнотой и рвотой.

Субъективные феномены, появляющиеся при головокружении, исключительно многообразны. Но в основе их всех лежит одна генеральная причина, которая уже может быть распознана, как только появляется, например, шум в ушах как первичный симптом. В этом случае тишина лабиринта внезапно нарушается шумом пульсирующей крови. Чем сильнее ритм крови перекрывает ритм дыхания, - чем более на передний план выступает пульс в отношении дыхания, - тем тяжелее испытывается состояние головокружения. Это борьба, которая разыгрывается между дыхательным ритмом и ритмом кровообращения. Как только кровь получает перевес, тотчас происходит частичная потеря равновесия. Тогда телесные жидкости устремляются вверх, затопляют желудок и рот, следствием чего являются тошнота и рвота.

Одновременно наша душа увлекается потоками крови; она погружается в тело, вместе с кровью устремляется вверх и вниз, и мы полностью теряем нашу ориентировку. «Все начинает вращаться», поскольку мы вращаемся в и вместе с кровью. Если же нам удастся восстановить наш дыхательный ритм, и мы начинаем глубоко и регулярно дышать, то равновесие может быть снова восстановлено.

Чувство равновесия имеет свою опору в дыхании. В нем находятся его земные корни, и поскольку только у позвоночных существует активный дыхательный процесс, только они являются носителями аппарата равновесия.

ВНУТРЕННЕЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ЧУВСТВА РАВНОВЕСИЯ

Чувство равновесия из четырех телесных чувств занимает по рангу самое выское место. Три первых дают нам непосредственное, хотя и смутное переживание нашего собственного тела. Они делают его «нашим» телом, так что мы можем сказать ему «Я». Но они, как было представлено, благодаря излучению в нашу душу дают нам нечто большее. Чувство осязания дает нам смутное знание о нашей самости, оно позволяет нам пронизать себя чувством Бога.

Чувство жизни дает нам ощущение наполняющее пространство нашей телесной самости, чувство собственного движения освобождает нас, как душу, и дарует нам поэтому чувство радости.

Какие ощущения возникают у нас благодаря чувству равновесия? Если мы обратимся к Рудольфу Штайнеру, мы получим следующий ответ: «Подумайте о том, как мало мы... действительно ощущаем из того, что мы в равновесии находимся в мире. Как, собственно, ощущаем мы в душе переживания, полученные посредством чувства равновесия?... Мы ощущаем это как внутренний покой, который дает мне уверенность, что

если я пройду отсюда туда, я не оставлю здесь то, что находится в моем теле, но возьму его с собой. И если я перелечу по воздуху, я останусь тем же самым. Это то, что нас делает независимыми от времени. Я не оставляю себя в сегодняшнем дне, и завтра я буду тем же самым. Эта независимость от телесности и есть переживание в душе чувства равновесия. Это ощущение себя как духовного существа».14

Из этого описания видно исключительное значение, присущее чувству равновесия. Здесь не только тело переживается и ощущается как «Я». Я познаю самого себя как дух. Здесь выступает уже не радостное ощущение свободы, которое дает нам чувство собственного движения, но сознание внутренней надежности, сознание «Я есмь». «Я есмь» устойчивое, непрерывное существо, которое там и здесь, вчера и завтра остается одним и тем же существом, которое было, есть и будет. Это та же уверенность, с которой мы встречаем с восходом солнца утро нового дня. Уверенностью в том, что при пробуждении мы остаемся теми же самыми, что и вчера при засыпании, мы обязаны чувству равновесия.

Оно создает в нашей душе область покоя, подобную той, которую статический орган создает внутри нашего тела. В этой области покоя мы ощущаем себя как дух; мы имеем надежное ощущение, что мы являемся неразрушимой энтелехией. «Всякая энтелехия -это сколок вечности, и пара лет, когда она связана с телом, не делают ее старой». Так Гете 11 марта 1828 года говорил Эккерманну. Это переживание собственной энтелехии дает отражение в нашей душе чувства равновесия.

С этим связан еще следующий феномен. Новорожденный ребенок вначале не в состоянии поддерживать свое равновесие. Только в течение первого года жизни он научается стоять и ходить, вчлняясь в пространство. Но сила, которая дает ему эту возможность, это сила прямостояния. Уже в 1911 году Рудольф Штайнер указал на особое значение этой силы. Он говорил тогда: «Во-первых, он (человек) научается ориентировать собственную телесность в пространстве. На этот момент сегодня люди не обращают внимания. Но он касается существенных различий между человеком и животным. Животное предопределено заранее определенным образом развивать в пространстве свое равновесное положение; одному животному предопределено лазать, другому плавать, и т.д.... человек же не предопределен заранее к поддержанию определенного состояния равновесия. Он может его достичь, только исходя из организации всего своего существа.... Человек сам себе дает вертикальное положение в пространстве, сам определяет свое положение равновесия.»49

Позже Рудольф Штайнер подробнее охарактеризовал силу, благодаря которой ребенок приобретает способность прямостояния. В одном пе-

дагогическом курсе он говорит: «При этом обучении хождению человек обретает способность выбрать положение, ориентироваться таким образом, что равновесие собственного организма и свои двигательные возможности он может поставить в соответствие равновесию и возможностям движения мироздания, поскольку мы находимся внутри него. Когда мы учимся ходить, мы пытаемся установить отношение свойственного человеку состояния равновесия к мирозданию... вначале мы ищем в прямостоянии физическое равновесие, но при освобождении деятельности рук и кистей рук мы ищем душевное равновесие». 50

Посредством ног и стоп мы достигаем нашего физического равновесия, руки и кисти рук, не связанные с Землей, но способные к свободному движению, дают нам возможность душевного равновесия. В покоящейся голове пробуждается духовное равновесие, посредством которого мы ощущаем надежность нашей энтелехии.

Эта сила прямостояния, которую каждое человеческое существо приносит с собой на Землю и которая пронизывает его как существо, делает возможным тот таинственный акт, посредством которого ребенок постепенно научается прямостоянию. Эта сила прямостояния является той частью нашей энтелехии, которая связана с чувством равновесия и его органами, и благодаря этому, после неоднократных попыток и упражнений, переводит наше тело из горизонтального в вертикальное положение.

Поэтому также Рудольф Штайнер указывал на то, что животное так сформировано, что оно обретает свое положение равновесия уже через несколько дней после рождения. Ибо животное уже посредством своего тела вчленено в мировые силы равновесия. Но человек должен научиться сам вчленяться в эти силы, и благодаря этому он приобретает ту уверенность, о которой мы говорили выше.

Эта уверенность в себе дает подрастающему ребенку духовно-душевное пространство, в котором он учится говорить и мыслить. В этом пространстве, которое образуется под действием чувства равновесия, «Я» человека в речи и мышлении пробуждается к осознанию себя.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МЕТАМОРФОЗЕ ЧУВСТВА РАВНОВЕСИЯ В ЮНОМ ВОЗРАСТЕ

После того как мы описали в общих чертах то значение, которое имеет чувство равновесия в человеческом бытии, мы должны еще отметить некоторые скрытые черты деятельности этого чувства. Рудольф Штайнер в своем «Естественнонаучном курсе»²⁵ указал на то, что значение нижних чувств в течение детства и юности существенно меняется. Кратко охарактеризовав чувства жизни, движения и равновесия, он про-

должает: «Если вы возьмете весь период между зачатием и сменой зубов, то вы увидите сильную работу в этом возрасте этих трех нижних чувств. И если вы затем рассмотрите, что здесь происходит, то вы заметите, что в чувстве равновесия и чувстве движения разыгрывается не что иное, как живое математизирование.... Так видим мы внутренне латентное действие в человеке всей математики, которое, конечно, не отмирает со сменой зубов, но существенно менее отчетливо проявляется в последующей жизни. То, что внутренне, посредством чувств жизни, равновесия, движения, действует в человеке, постепенно освобождается.... И мы тогда видим, как душевное, которое первоначально было сплетено с организмом, становится свободной душевной жизнью, как математика восходит к абстракции из состояния, в котором она конкретно работала в человеческом организме... мы наблюдаем становление математики в процессе развития человека».

Это указание Рудольфа Штайнера имеет колоссальное значение для познания человеческого существа. Здесь разъясняется, что математизирование, которое пробуждается после смены зубов в человеческой душе, является метаморфозой той деятельности, которая до этого работала над образованием и построением организма, там, где разворачивалась сфера чувства движения и чувства равновесия. Из других высказываний Рудольфа Штайнера следует, что геометризирование более соответствует чувству равновесия, арифметизирование же, напротив, соответствует чувству собственного движения. 51

Таким образом, ребенок в своем теле живым образом познает законы геометрии и арифметики. Позже они выступают в душе, в составе нашего мышления, в абстрактной форме. Тогда мы «изучаем» и «доказываем» то, что до этого «сделали» и «исполнили».

Психолог Пиаже и его сотрудники, хотя и исходя из совершенно других предпосылок, пришли к результатам, однозначно подтверждающим это указание Рудольфа Штайнера. Пиаже исследовал фундаментальные связи интеллекта с сенсомоторными способностями ребенка. Метцгер представляет часть этих результатов в следующем виде: «Только если удастся одновременно выделить два взаимосвязанных свойства (например, высоту и длину), и одновременно отслеживать их взаимные изменения, ребенок может, например, познавать действительное содержание множества при изменении формы. Такой навык приобретается только к 7-летнему возрасту.... Только тогда он может, помимо прочего, постигать независимость длины от положения, числа от распределения плотности и т.д., и тогда появляются первые далеко идущие сомнения в достоверности свидетельств наших чувств».52 Понимание этих взаимосвязей возможно только тогда, когда познается преобразование чувства

равновесия и чувства движения в мыслительное математизирование.

На следующую метаморфозу чувства равновесия указал Рудольф Штайнер в докладе «Дух человека и дух животного». Там он говорит о том, что еще в детском возрасте «свободная игра сил» нижних чувств постепенно отступает и, кажется, исчезает с тем, чтобы через некоторое время выступить в новой форме. «Мы действительно снова находим эти силы действующими характерным образом для духа человека. То, что человек делает при образовании чувства равновесия, мы снова находим в его последующей жизни, когда он те же силы использует для формирования своих жестов.... И когда человек в жестах выражает свое внутреннее состояние, он использует те же силы, которые он использовал для того, чтобы посредством чувства равновесия восстанавливать определенное положение равновесия. То, что человек явно развивал, когда он учился ходить, стоять, проявляется более утонченно, углубленно, более внутренне в его последующей жизни, когда он от телесного представления переходит в жестах к более душевному представлению».

Здесь мы находим другую метаморфозу чувства равновесия. При геометризировании оно преобразуется в сферу мышления, при жестикуляции его освободившиеся силы вливаются в поле чувств. Пособием жестов мы уточняем высказанное нами слово; они дают видимую чувственную оболочку содержанию произносимого нами предложения. Жесты - это чувственная и волевая речь в области моторики.

У животного отсутствует жестикуляция. Каждое его моторное проявление - это выражение его вида и семейства. Каждое животное движется в рамках, определенных формой построения его тела. Оно само является жестом, застывшим в гештальт; поэтому у него отсутствует речь, выражаемая посредством жестов.

Однако жестикуляцию не следует считать равнозначной вообще всей совокупности выразительных движений. Область последних гораздо шире жестикуляции. Они могут выражать всю эмоциональную жизнь человека. Стыд и гнев, страх и радость, смех и плач - все имеет типичные формы выражения. Но эти формы выражения носят еще доречевой характер. Они выражают чувства, но не связи слов и мыслей.

Жесты же, напротив, подкрепляют, уточняют и формулируют, оформляют то, что мы слышим в речи. Жесты устанавливают знаки препинания в произносимых предложениях и подобны особой форме выразительных движений. Поэтому жесты в действительности можно наблюдать только у взрослых людей. Вначале они представляют собой грубые указания, и только в последующей жизни они становятся субтильными средствами выражения говорящего человека.

Гениальный дирижер и талантливый оратор являются собой людей, пра-

вильно применяющих жесты. Оба свободно и прямо стоят перед управляемыми ими людьми; оратор перед публикой, дирижер перед своим оркестром. Оба посредством своих жестов дают ориентировку и равновесие представляемому ими.

Поэтому к представленному выше Рудольф Штайнер добавляет еще следующие указания: «Поэтому мы только тогда можем интимно вчувствоваться во внутренний мир человека, если он стоит перед нами... и на нас воздействуют его жесты. В этом отношении, в сущности, каждый человек является более или менее тонким художником в отношении окружающих его людей».

В жестах чувство равновесия находит свое художественное завершение. Как чувство собственного движения возвышается до мимики, так чувство равновесия возвышается до жеста. В нем находит оно самовыражение; оно ставит себя на службу слову.

ЛЕЧЕБНАЯ ПЕДАГОГИКА ЧУВСТВА РАВНОВЕСИЯ

К числу наиболее бросающихся в глаза нарушений этого чувства относятся врожденные и приобретенные формы атаксии. Речь идет о болезненных затруднениях в области моторики, которые связаны не с самой мускульной деятельностью, но с приобретением способности прямохождения. Пораженные ею дети без затруднений выполняют простые движения руками и ногами в сидячем или лежачем положении. Но в тот момент, когда они встают, они чувствуют себя, вследствие отказа чувства равновесия, неуверенно, в ногах появляются судороги и руки ищут какой-нибудь опоры.

Важнейшей формой является так называемая церебральная атаксия. Это нарушение чаще всего является врожденным и имеет органическую основу в определенном несовершенстве или аномалии мозжечка. Страдающие этим расстройством дети значительно отстают в своем общем развитии. И не только потому, что они слишком поздно научаются свободно ходить или стоять, или вообще остаются не способными к этому, также и прочим их способностям недостает равновесия. Они лабильны в своей чувственной жизни, с трудом начинают говорить и часто бывают не в состоянии образовывать правильные мысли и понятия. Их душевная жизнь проносится внутри них как ветер; ей недостает устойчивости и опоры.

Бывает тяжелое и легкое течение церебральной атаксии. Но внимательный наблюдатель всегда заметит недостаточность душевного равновесия, даже при самых легких формах.

При этих состояниях мы имеем дело с неспособностью справиться с

гравитационными силами. Тело пронизано тяжестью, как любой другой кусок материи, и он не имеет к нему никакого доступа. Так обстоит дело в особенности с чувством тяжести, которое, по-видимому, затронуто здесь больше всего. Но как следствие этого нарушения ребенок теряет возможность в ходе своего развития обращаться с пространственными силами и развертывать чувство легкости.

Другая форма нарушения равновесия относится к общей области судорожных припадков. При этом мы имеем дело не с постоянной, но с временной, внезапной потерей равновесия. Человек выпадает из своего гармонического положения равновесия в мироздании. Он внезапно падает, целиком или частично теряет свое дневное сознание, и душа тонет в глубинах своей телесности.

При представлении различных видов эпилепсии Рудольф Штайнер отчетливо указал на ту форму, которая связана с силами гравитации. В третьем докладе «Лечебнопедагогического курса»¹⁸ он подробно описывает связь Я человека с силами тяжести. Связь Я с силой тяжести осуществляется не соответственно физическому телу, поскольку оно подвержено действию этой тяжести. Напротив, физическое тело, в определенном смысле, теряет свою тяжесть, выходит из-под власти силы тяжести благодаря тому, что оно пронизано Я-организацией, которая непосредственно преодолевает силу тяжести. «Я, - говорится там, - вступает в непосредственные отношения (к силе тяжести), представляет себя в области сил тяжести как Я, т. е. выделяет физическое тело. »

Эпилептические состояния этой категории наступают тогда, когда прерывается непосредственная, «магическая» (по выражению Рудольфа Штайнера) связь между Я и силами тяжести. Здесь же указано на то, что выступающие при этом нарушения сознания и явления головокружения это родственные явления; здесь мы сталкиваемся с тем, что Я-организация и астральное тело не находятся «в непосредственном отношении к силам равновесия».

Рудольф Штайнер рекомендует - наряду с медикаментозной терапией - проделывать с этими детьми различные упражнения по поддержанию равновесия, улучшая тем самым картину болезненного состояния. 54

Атаксия и эпилепсия могут быть представлены как прямые нарушения чувства равновесия. Но есть еще большая группа затруднений развития, которые косвенным образом связаны со статическим чувством. Это состояния, которые обычно квалифицируют как дефекты интеллекта, но которые мало имеют к ним отношения.

Если мы рассмотрим метаморфозы чувства равновесия в детском и юношеском возрасте, то мы сможем иначе взглянуть на неспособность обучения арифметическим и геометрическим формам, которая часто

встречается в этом возрасте. У многих детей полностью отсутствует математическое понимание, которое не удается пробудить, несмотря на колоссальные усилия учителей.

Типичным примером этого может быть монголоидный ребенок. Почему у него полностью отсутствует понимание числа и его значения? Потому что в раннем детстве, вследствие слабости и атонии его мускульного аппарата, вхождение сил равновесия могло проходить только медленно и постепенно. Также после смены зубов прямостояние монголоидного ребенка остается затрудненным и несвободным; обычно освобождающиеся из органического сипы чувства равновесия остаются связанными с телом и не может осуществиться необходимая их метаморфоза в мыслительные силы. В этом и состоит истинная причина недостаточной способности этих детей к постижению математических связей.

Часто также причины нарушений письма и чтения следует искать в области этой несостоявшейся метаморфозы. Ребенок, имеющий плохо развитое чувство равновесия, едва способен развивать геометрические представления, что отражается также на начертании букв. Сюда же относятся зеркальные написания букв, изменение порядка букв в слове и т. д. Далее это выражается в неспособности этих детей выдерживать одинаковую высоту букв; они не могут без линейки написать ровную строку, слова на письме то поднимаются вверх, то падают вниз. Также неспособность выдерживать интервалы между буквами и словами только в редких случаях является следствием дефектов интеллекта. Такого рода нарушения объясняются большей частью недостаточным превращением сил равновесия из органической формы в душевную.

Педагогические усилия при таких состояниях должны быть направлены на то, чтобы усилить душевное равновесие у этих детей. При этом большую помощь могут принести рекомендованные Рудольфом Штайнером упражнения в зеркальном рисовании. Но также упражнения, способствующие улучшению осанки, могут принести большую пользу; а также ходьба, бег, прыжки и ходьба по лестнице могут помочь ребенку с нарушениями письма преодолеть стоящие перед ним препятствия. Чем свободней он в своей подвижности, тем больше сил равновесия он может перевести в мыслительную область.

Также и в этих явлениях можно наблюдать внутреннее сплетение сенсорных и моторных деятельностей. Никогда одна функция не выступает без другой. Они опираются друг на друга и взаимно друг друга поддерживают.

И, наконец, нужно указать еще на бедность жестикуляции многих отсталых в развитии детей. Вообще говоря, также и у нормальных детей и подростков слабо развита жестикуляция. Насколько гармонична и раз-

нообразна их моторика, особенно в период между сменой зубов и половой зрелостью, настолько скованы они в своих жестах. Игра жестов декламирующего стихотворение ребенка кажется натянутой и неумелой. Это происходит оттого, что сама речь еще недостаточно сформировалась и индивидуализировалась и поэтому не может быть средством самовыражения. Речь школьника во многом еще является отображением речи родителей и учителей. Как говорят отец, мать и воспитатели, так говорит и ребенок. Он еще не выражает себя самого.

Жестикуляция же отставшего в развитии ребенка не только скована, но и почти отсутствует; ему не хватает жестов, поскольку его чувство равновесия, большей частью, еще остается органически связанным и целиком должно находиться на службе прямохождения.

Поэтому многие дети с нарушением развития испытывают затруднения в самовыражении и представлении того, что выходит за пределы их собственной ограниченности. Они иногда могут хорошо подражать, но представление это нечто иное, чем подражание, ибо оно требует творческого подхода а не голой имитации. Драматические упражнения помогают нуждающимся в душевном уходе детям, которые должны осуществить метаморфозу чувства равновесия в жесты, научиться более свободно представлять себя.

О СВЯЗИ ЧУВСТВА РАВНОВЕСИЯ СО СЛУХОМ

В заключение этого представления нужно сказать еще несколько слов о морфологической связи органа слуха с органом равновесия. Не случайно, что из единого маленького образования, слухового пузырька, образовавшегося в раннем эмбриональном периоде, развивается двойной орган для слуха и равновесия.

У большинства позвоночных животных улитка, являющаяся органом слуха, представляет собой весьма рудиментарное образование; полностью сформирована она только у человека. Здесь лабиринт состоит из трех частей:

системы полукружных каналов, которая обслуживает чувство пространства и легкости;

utriculus, соответствующий чувству тяжести;

sacculus и улитка, представляющие слуховой аппарат.

Чувство тяжести с статолитами представляет собой начало; из него образуется, с одной стороны, система полукружных каналов, с другой стороны, улитка. Так чувство легкости и слух являются двумя путями, которые, исходя из одного корня, стремятся к третьему, высшему.

Чувство пространства дает человеческой душе переживание трех пространственных направлений. Она различает верхнее и нижнее, правое

и левое, переднее и заднее. Благодаря этому она вживается в гештальт и форму своего тела. Так чувство пространства открывает душе конфигурацию физического тела; таким образом тело становится носителем души. Последней же, вступившей в брак со своим телом, открываются, благодаря этому, высшие мировые строительные силы, природа которых имеет музыкальный характер.

Средневековым философам эти взаимосвязи были еще известны. Ямблих говорил: «Прежде чем душа соединится с земным телом, она вслушивается в мировую гармонию.» И Святой Василий называл тело «струнным инструментом, созданным для пения гимнов нашему Богу. Деяния самого нашего тела могут стать псалмами, поскольку оно так гармонично сформировано, что сами наши движения могут стать выражением гармонии.»⁵⁵

Средневековое духовное образование основывалось на семи свободных искусствах. Триада грамматика, риторика и диалектика раскрывали тайны слова. Четверица остальных состояла из арифметики, геометрии, музыки и астрономии. Здесь мы имеем дело с четырьмя науками, которые раскрывают внутренние загадки чувства равновесия и чувства слуха. Арифметика и геометрия родственны живой математике статического чувства. Музыка и звездная музыка сфер, астрономия, раскрывают тайны слуха.

С анатомической точки зрения, триада соответствует чувствам гортани, а четверица космической структуре внутреннего уха. Там встречаются гештальт мира - архитектура пространства - с его образующими силами - музыкой и гармонией сфер.

В конце Средних веков великий ученый и художник Пеон Баттиста Альберти (1404-1472), к началу эпохи души сознательной, собрал воедино все эти знания и назвал архитектуру искусством, которое черпает свои законы из музыкальных пропорций. «Мы сказали, что гармония - это приятное на слух созвучие голосов, из которых одни звучат низко, другие высоко. Низкие голоса издают более длинные струны, высокие же голоса - более короткие, и из различного сочетания этих голосов получается различного вида гармония. Эту гармонию вывели древние из сочетания звуков, производимых струнами различной длины, в соответствие с определенными числовыми соотношениями.... Все эти числа используются также в архитектуре, когда их попарно используют при построении планов рынков, площадей и крытых сооружений, последние же имеют не только два измерения... В них сочетаются длина и ширина, и оба этих измерения составляют определенную пропорцию к высоте.»⁵⁵

Здесь, как бы в последних лучах заходящего духа, обрисована общая

основа музыки и архитектуры. Это та же основа, соответственно которой построен лабиринт внутреннего уха: пространство и музыка.

Только у Новалиса мы замечаем начало пробуждения к восприятию этих взаимосвязей; когда природу он называет «эоловой арфой, музыкальным инструментом, тона которой - это касание возвышенных струн в нас. » И архитектуру он называет «застывшей музыкой».

Отсюда путь ведет нас к духовнонаучному познанию этих таинственных связей и соответствий.

СХЕМА ТЕЛА И ТЕЛЕСНЫЕ ЧУВСТВА

ГЕОРГ ФОН АРНИМ

Переживание собственного тела большинством детей, нуждающихся в душевном уходе, существенно отличается от переживания своего тела здоровыми детьми. Эта более или менее бессознательная область переживаний, которую можно охарактеризовать как отношение ребенка к своему телу, играет значительную роль в воспитании и общении с детьми, имеющими помехи в развитии, хотя в современной литературе по лечебной педагогике ей уделяется мало внимания в сравнении с психологически ориентированными исследованиями. Конечно, осмысленное проникновение в область телесного бытия, без сомнения, наталкивается на существенно большие трудности, чем построение психологических интерпретаций тех или иных отношений детей с затруднениями в развитии.

Когда говорят об «отношении» ребенка к собственному телу, то заранее предполагают, что духовное существо ребенка является чем-то большим и иного рода, чем его тело, и что он находится с ним в других отношениях, чем в случае животного. Детское развитие как раз и состоит в том, как это в дальнейшем мы рассмотрим более подробно, чтобы в ходе развития достигнуть более «свободных» отношений к своему телу. Напротив, как показали новейшие сравнительные исследования поведения (этология), у всех животных имеется так называемая «программа поведения», обусловленная телесно, т. е. физиологически. Посредством ее весь круг действий животного во многом фиксирован и детерминирован.⁵⁶ Мнения расходятся только относительно происхождения этой «программы поведения». Причем предположение, что определенным видам поведения и движения животное научается в первые годы жизни, уступает воззрению, что они устанавливаются «подобно органам на основе наследственно приобретенных рецептов развития». Другими словами, биологическими предпосылками телесности животного так жестко определен образ его поведения, что само животное не может его ни изменить, ни преобразовать. В единой «этограмме» собраны все

свойственные животному элементы поведения, например, как оно роет, грызет, как возвращает в гнездо выкатившееся из него яйцо, как протекают его половые отношения и т.д. Животное находится в совсем других отношениях к своему телу, чем человек; с точки зрения предпринятых здесь рассмотрений было бы совершенно бессмысленно говорить об отношении ребенка к своему телу в том же духе, как об отношении животного детеныша к своему телу. Исследования последних десятилетий подтвердили то, что уже в 1910 году Рудольф Штайнер говорил с духовнонаучной точки зрения о непосредственном воздействии органов животного на его поведение."

Эти вещи приобретают новую актуальность, поскольку они играют все большую роль в педагогических отношениях. Целью всех наук, изучающих поведение, является научиться «при достаточном знании обстоятельств делать достоверные прогнозы». Если известна исходная ситуация, в которой находится индивидуум, и его «программа поведения», то можно предсказать его реакцию. «Новые импульсы исходят от биологии, и возможность глобального применения в области человеческого поведения гипотез, полученных в результате изучения поведения животных, можно считать сегодня уже доказанной. Мы знаем также, что человеческое поведение до известной степени определяется факторами, унаследованными в ходе исторического развития человечества, и это имеет для науки о человеке колоссальное практическое и теоретическое значение. Достаточно только подумать о следствиях, которые вытекают из этого для педагогики и социологии».⁵⁶ В противоположность этому следует, однако, заметить, что человек в своем теле чувствует себя иначе, чем животное. Это как раз следует из того, что он поддается воспитанию в собственном смысле слова. Ибо воспитание направлено не на биологически предопределенное существо человека, а на духовное ядро его существа. Действительным исходным пунктом для всех попыток рассмотрения феноменов телесной жизни ребенка может быть только наблюдение постепенного проявления его Я. Ибо то, что как Я проявляется в ходе жизни ребенка, является не следствием, но предпосылкой его телесного образа проявления. Мы познаем, что это деятельность телесных чувств в существенной степени определяет телесные отношения и их метаморфозы в детском возрасте, прокладывая тем самым путь проявлению Я.

В дальнейшем мы займемся рассмотрением определенного аспекта поставленной таким образом проблемы. В практике лечебнопедагогической работы часто ставится вопрос, как вообще происходит, что ребенок начинает в отношении окружающего мира чувствовать себя в разных смыслах как телесно ограниченное существо. С одной стороны, в

этом отношении мы постоянно сталкиваемся с весьма загадочными явлениями, с другой стороны, из этой области переживаний нередко встают важные лечебнопедагогические задачи. От того, хорошо или плохо мы их решаем, зависит, в конечном итоге, степень продвижения ребенка в развитии.

Изменения переживания собственной телесности, которые происходят у здорового ребенка в период от первых дней жизни и до завершения его развития, воспринимаются как само собой разумеющиеся и не так бросаются в глаза, как в случаях с детьми, страдающими нарушениями развития. Напротив, требуется особенно внимательное феноменологическое наблюдение, чтобы до известной степени понять и принять, что область телесного, переживание собственной телесной ограниченности различным образом выходит за определенные кожным покровом границы, во всяком случае, оно не идентично с ними, в зависимости от того, имеем ли мы дело с ребенком, у которого нарушена способность к контактам, или со спастическим ребенком. Эти отношения различны у детей, страдающих припадками, у монголоидных детей и постэнцефалитных детей. Во многих случаях можно заметить, насколько один ребенок, схватив кубик, ощущает его втянутым в область своей телесности, тогда как другой, например, спастически парализованный, даже там, где движение в механическом смысле еще допускает подобное, часто не может правильным образом схватить предмет, просто поскольку телесная периферия недостаточно протяжена, чтобы включить в себя данный предмет.

Это «телесное» может претерпевать существенные изменения и сопровождаться драматическими нарушениями. Я мог наблюдать это на примере шестнадцатилетнего юноши с врожденной сердечной недостаточностью, спастической гемиплегией, страдавшего частыми припадками. В начале припадков он часто замечал, как бы в виде предшествующей припадку ауры, что его левая нога (принадлежащая парализованной стороне) как бы «неограниченно» увеличивалась. «Она как бы опухала» или «выходила за границы» - это было непосредственным впечатлением, хотя никаких телесных изменений нельзя было заметить. Это зачастую происходило поздним вечером или ночью, тогда юноша в страхе вскакивал с постели и бежал в другую комнату, вероятно, стремясь в положении стоя вернуть своей ноге нормальную форму. То, что было потеряно, это ясное ощущение естественных границ ноги, того места, где она, собственно говоря, «кончается». То, что это ощущение не всегда в нормальном состоянии совпадает с границей, определяемой кожным покровом, каждый может заметить по себе. Нечто подобное испытывал юноша в день, предшествующий припадку,

хотя и не слишком отчетливо мог это выразить. При этом он демонстрировал не только необычайно интригующее, беспокойное и зачастую холерическое поведение, он терял также чувство нормальной пропорциональности. То, о чем он говорил в это время, возрастало в размерах и числе во много раз: «сотни домов» возникали там, где был только один дом, «три тысячи лет» оставалось до следующих каникул. В отношении к периодам, свободным от припадков, особенно непосредственно следующим за припадками, различия были очевидными. В случае с другим юношей, примерно того же возраста, за несколько часов до наступления припадка он сообщал о необычайном увеличении в размерах левой руки; в состоянии припадка наблюдались особенно отчетливые подергивания в области левой половины лица. Здесь опять оказывалось утраченным чувство уверенности в границах своего тела, он испытывал невыносимое чувство утраты телесности, которое восстанавливалось через несколько часов после припадка. Что лежит в основе такой телесности?

В книге О. Ф. Больнова «Человек и пространство»⁵⁷ в главе «Пространство человеческой жизни», находится маленький, но очень содержательный раздел «Тело». Там со всей отчетливостью ставится вопрос об отношении человека к своему телу. Ответ на этот трудный вопрос невозможно дать, если не оставить область логически-понятийного трехмерного пространства. Мы не будем здесь обсуждать подробные представления Больнова, мы только вкратце отметим следующие мысли. В здоровые дни человек в своем наивном сознании почти не замечает пространства, занимаемого своим собственным телом; он, собственно говоря, сознает его вследствие «пограничного опыта», при соприкосновении с окружающим предметным миром. Иначе обстоит дело, когда он испытывает боль или находится в болезненном состоянии. Встает вопрос: «Как представлено нам пространство собственного тела, когда мы находимся к нему в здоровых отношениях, и оно еще не объективировано вследствие боли или других нарушений?»

Во всяком случае, при попытках ответить на этот вопрос одно является несомненным, что детское развитие в существенной части состоит в том, чтобы достигнуть в этом отношении правильного образа бытия. Я уже говорил, что действительные нарушения развития детей во многом определяются слабостью и односторонностью в области переживания собственной телесности. Именно необычные, отклоняющиеся от гармонической замкнутости состояния позволяют нам достигнуть существенных воззрений в этой области. У детей со здоровым развитием гораздо труднее наблюдать отдельные феномены, чем там, где открывается радикальная односторонность глубинных процессов.

Заключительный раздел в книге Больнова о теле носит характерное название «Инкарнация как способ обретения тела». Этим ясно выражено, что человек может «обрести» свое тело не в общепринятом смысле слова. Оно находится в его распоряжении иначе, чем другие принадлежащие ему вещи. «Невозможно дистанцироваться от своего тела». Но также мало оснований говорить, будто бы человек - это его тело. В строгом смысле слова, мы не имеем права на такую идентификацию, хотя наше тело нам ближе, чем другие вещи. Поэтому дальше говорится: «Также невозможно сказать, что мы и есть наше тело, и уже в речи возникают языковые трудности для выражения этих отношений». Для определения пространственных отношений своего тела образовано даже слово «Ungaum» (непространство); обычные пространственные представления не могут быть применены для обозначения отношений человека к своему телу. То, с чем мы имеем дело, «невозможно выразить средствами обычного языка: Я есть мое тело, и в то же время я не являюсь им, поскольку оно остается для меня внешним; я имею свое тело, и все же не имею его, поскольку оно внутренне принадлежит мне». Именно в этом состоит тайна инкарнации.

Подобным же образом Плюгге⁵⁸ пытается разрешить загадку этих взаимосвязей. Там, где возникают болезненные состояния, проблема «иметь», например, парализованную конечность, выдвигается на передний план. «Тогда нога уже не погружается больше молча в действие, в обновление бытия, в предпринимаемое мною. » Это выражено «игровое поле», которое представляет ту зону, в которой «мое телесное Л и мой мир должны друг друга обуславливать». В случае паралича это игровое поле тотчас сужается, и проявляется более пространственное в геометрическом смысле, «предметное» восприятие парализованной ноги. Плюгге в одном из описаний выразил это следующим образом: «Мое игровое поле становится исключительно скудным; зато появляется возможность узнать нечто о моем теле как пространственном образовании. Мы видим, как взаимно вредят друг другу <игровое поле и <пространственность>». Игровое поле не является пространством modo geometrico, но выражением постоянной возможности телесного преобразования гештальта, тем самым принципиально не имеет границ. Пространство же modo geometrico определяется протяженностью, ограниченностью, весом, массой. Физически определяемое пространство не допускает <игрового поля>. »

Выраженная здесь несовместимость встречается все снова и снова. Однако, как это видно у детей с различными формами отклонений от нормального развития, она принимает зачастую значительно более сложные формы. Например, можно сказать, что для спастически парализо-

ванных детей невозможность достигнуть того, что здесь обозначено как игровое поле, является главным препятствием на пути развития. Это всегда является более важным фактором, чем чисто механическая ограниченность подвижности. Собственно, в этом месте и находится точка привязки лечебной педагогики спастических детей в узком смысле слова. Ибо недостаток выходящего за пределы конечностей «телесного» опыта не только создает значительные препятствия для управления движениями, относящимися к окружающему миру, но означает также лишенность определенного телесного переживания действительности или, иными словами, некоторого опыта в окружающем мире. Когда церебрально парализованный ребенок, интеллект и возраст которого позволяют ему правильно оценить невозможность подобного, стремится к тому, чтобы стать садовником, крановщиком или врачом, это как раз иллюстрирует сказанное выше. При этом для него это не просто желаемое пространство, желаемый характер которого как-то предчувствуется, но для него это не подлежащая обсуждению «недействительная действительность». Такого рода наблюдения можно особенно сделать там, где на первом плане стоит сгибательный паралич. Улучшение двигательных отношений в том смысле, что до определенной степени становится доступным восприятию пространство движения, выходящее за пределы конечностей, часто вносит существенные изменения также в опыт переживания действительности.

Иначе складываются отношения у аутичных детей. Они воспринимают вещи преимущественно и односторонне в отношении их места и положения в геометрическом пространстве. В стремлении к повторению расположения предметов своего повседневного обихода выражается их аномальная связь с миром вещей. Весь окружающий мир представляется им своего рода геометрической предметностью, как здоровому человеку могли бы представляться больные части тела выпавшими из его «телесного пространства». Это выглядит так, как будто для аутичного ребенка весь окружающий мир представляется как бы «частями его собственного тела» в смысле физической предметности. Он не может установить равновесие между понятиями «иметь тело» и «быть телом», собственная жизненная сфера - как это должно было бы быть - не ограничена; в противоположность «недействительности» у спастика, у аутиста возникает то, что можно было бы назвать «ложной действительностью». «Поэтому аутичный ребенок ориентирован на пространственное расположение вещей. При этом такие дети пытаются создать замкнутое пространство, которое в смысле расположения предметов было бы совершенным и благодаря этому представлялось бы им надежным, однако межчеловеческие намерения и отношения исключаются. Этому есть

много примеров, например, поведение одного из наших детей, который кубиками непрерывно выстраивал замкнутые ряды и круги. Этот ребенок внезапно вскакивал из-за стола и ставил свою тарелку перед ребенком, сидящим за другим столом, как раз в тот момент, когда этот ребенок передавал свою тарелку няне. Вследствие этого было нарушено круговое расположение тарелок на столе (образовывалась дыра), и мальчик своей тарелкой восстанавливал замкнутый круг». 59

Я уже говорил, что неправильное переживание телесности в той или иной форме составляет главную часть всякого нарушения развития ребенка; как раз в этой области существует огромное множество патологических отклонений. Осознание Я в собственном теле и жизнь Я посредством тела в окружающем мире могут быть подвержены всевозможным нарушениям. Все крутится вокруг вопроса об основе переживания собственных телесных границ. Как следует из предшествующего, эта граница не идентична с границами тела. В противном случае человек никогда бы не смог развить свойственные ему телесные отношения. С другой стороны, уверенность в собственной «телесности» необходима не только для осознания собственного Я, но также для восприятия и познания Я в других. Поэтому всегда, когда кто-то стремится, всматриваясь и пытаясь вчувствоваться в образ переживаний детей с нарушениями развития, познать их с этой точки зрения, хочется сказать: переживание границ собственной телесности могло бы быть достигнуто, если бы они отчетливо пережили Я-природу своего собственного существа. И с той же необходимостью этот опыт не был бы ограничен пределами кожи как физической или геометрической дефиницией. Он скорее определяется способностью к превращениям, подвижностью, жизненностью. Где он находится, как развивается, на какой почве?

Прежде чем попытаться найти ответ на эти вопросы, необходимо принять во внимание новый круг наблюдений, касающихся развития так называемых фантомных конечностей и телесной схемы. Причем для исследования наших взаимосвязей важно не столько существование, сколько развитие этих образований. Уже в продолжение нескольких столетий было известно, что при потере какой-нибудь конечности нередко возникает ощущение, будто бы она еще есть в наличии. Она ощущается как безусловная реальность, хотя мы и употребляем для обозначения физически не существующей конечности выражение «фантом». Такие фантомы обладают целым рядом примечательных и труднообъяснимых свойств. Прежде всего, для обладающего такой конечностью субъективно она является несомненной и противящейся всякому рациональному объяснению действительностью. Это переживание, по видимому, основано на непосредственной очевидности и избегает логи-

ческого конфликта между тем, что вот нечто есть, и все же его нет. Эта ситуация лучше всего может быть проиллюстрирована замечанием одного больного, перенесшего ампутацию, который, когда обратили его внимание на возможность такого противоречия в отношении его фантомной руки, мог только возразить: «Но правая рука не имеет задних мыслей». 60 То же описывает Плюгге в отношении попытки так приблизить рубец ампутированной конечности к стене, чтобы казалось, что фантом проходит сквозь стену. На соответствующий вопрос пациент сделал беспомощное лицо и ответил: «Но это же нечто совсем другое!» Также мало влияет явное противоречие между ясным ощущением фантома и визуальным восприятием рубца. 61

Следующий очень впечатляющий факт - это собственная подвижность фантома. Он может вытягиваться или втягиваться в область рубца, захватываться судорогой или расслабляться. Но строение конечности всегда сохраняется, хотя может случиться, что периферическая фантомная часть будет ощущаться прямо на рубце, например, кисть руки на плече (телескопия). Наряду с этим может оказаться, что фантомный член воспринимается не как целое, но между периферийной частью и рубцом ощущается разрыв. 60 Фантомы в своей периферийной части воспринимаются более отчетливо, чем сечения, близкие к рубцу. В месте рубца, напротив, ощущается повышенная чувствительность, подобная той, которая ощущается в кистях рук. Когда фантом исчезает, дольше всего остаются периферийные части, или же они телескопически вдвигаются в рубец. Суставы кажутся местами, в которых особенно отчетливо ощущаются фантомные явления. 62

Изменения такого рода могут спонтанно подготавливаться долгое время; с другой стороны, «прикосновение» к фантому при определенных обстоятельствах может вызвать мгновенное втягивание его в рубец. Пёк дает следующее описание: «Большая группа, как в опыте со стеной, имела ощущение, что при приближении руки исследователя фантом втягивается в рубец, а при касании рубца исчезает вовсе. Место в пространстве, где возникает это ощущение касания фантома, точно воспроизводимо, например, у пациента с ампутированной ногой, посредством метки на постели, которую пациент не может видеть. С помощью приближения и удаления руки было возможно втягивать фантом в рубец и извлекать его оттуда». 60 Во многих случаях упоминается также реальное ощущение соприкосновения фантома и физического члена у одного и того же лица.

Из всех этих описаний и переживаний непосредственно следует, что масштабы трехмерной пространственности не имеют никакого значения. О трехмерности можно говорить в том случае, если существуют

ясно определяемые границы. Но для обсуждаемой здесь области это не так. Здесь мы имеем дело с «другой» пространственностью и другим переживанием, отличным от нашего физического восприятия, когда мы берем предмет и перекладываем его с одного места на другое. Это отчетливо показывают опыты Плюгге; пациенты испытывают беспомощность, смущение, когда им предлагают выразить свое ощущение фантома в терминах трехмерной пространственности. Можно предпринимать дальнейшие усилия прояснить пространственность фантома, но уже теперь можно с уверенностью сказать, что здесь никак не идет речь о трехмерном пространстве с соответствующей системой координат. Адекватного описания фантомных ощущений посредством «трехмерной терминологии» достичь невозможно. «Ибо нет никаких сомнений в том, что подвергшийся ампутации живет со своим фантомным членом в двух реальностях одновременно». (Плюгге58). Что же в действительности представляет собой эта вторая реальность?

Фантомы появляются не только после ампутации, но также после повреждения или анестезии позвоночника, как это бывает при параплегии или парезе. При сложном разрыве позвоночника все пациенты без исключения сообщают о фантомах. Т.е. они появляются не только при отсутствии конечностей, но также тогда, когда нормальное ощущение конечностей нарушено вследствие повреждения позвоночника. Медики говорят при этом об «отсутствии афферентных сенсильных сообщений от центральной нервной системы». 60

Фантомный член, например кисть руки, может находиться, как уже говорилось, в расслабленном или полностью судорожно напряженном состоянии; последнее соответствует состоянию в момент поранения, которое было причиной ампутации. Посредством соответствующих тренировок возможно освободить конечность от такого судорожного состояния. Такие тренировки в последние годы проводятся в канадском центре реабилитации, как подготовка к протезированию. Все движения и упражнения с фантомами должны проводиться медленно и требуют продолжительных пауз, в противном случае снова появляются судороги и боли. Такой же судорожный эффект вызывает обычная усталость и душевные перегрузки (стресс). Известные, часто возникающие фантомные боли, вероятно, во многом обусловлены судорожным состоянием фантома.62 У детей, примечательным образом, фантомные боли исключительно редки.63

По-видимому, появление фантомов связано с тем, что до этого была в наличии пронизанная, можно сказать, жизнью конечность. У прокаженных возникает фантом, когда требуется хирургическая ампутация, но не в случае, если, например, палец отпадает сам собой. Когда оба случая

происходят с одним и тем же пациентом, появляется прекрасная возможность для сравнения. «Некоторые пациенты спонтанно сравнивают отсутствие фантома (в последнем случае) с очень живым фантомом после ампутации, и высказывают мнение, что никогда не ощущали фантома отпавшего пальца, <поскольку он давно уже был мертвым>».64

В давние времена были сделаны наблюдения, которые добавляют к рассмотренным до сих пор два совершенно новых факта. Утверждалось, что в случае врожденного отсутствия конечности также могут возникать фантомы; также сообщалось, что при ранней ампутации появление фантомов сильно зависит от возраста. На основании этого можно считать, что телесная основа для «возможности фантома» существует не с рождения, но развивается в течение раннего детства. Решающая граница лежит в области шестого года жизни. Обследование 165 подвергшихся ампутации детей показали бросающиеся в глаза различия в отношении возникновения устойчивых фантомов в зависимости от того, была ли проведена ампутация до или после достижения пациентом шестилетнего возраста. При врожденном отсутствии конечности отдельные дети сообщают о постепенном «росте» фантома отсутствующей конечности.

Один почти классический случай приводит Пек.64 Он наблюдал одиннадцатилетнюю девочку с врожденным отсутствием обоих предплечий и кистей рук. Этот ребенок сообщал об очень отчетливом и интенсивном фантоме рук, который впервые появился в возрасте семи лет, и у которого все пальцы были дифференцированы и могли свободно двигаться. В начале школьного обучения она училась простым приемам счета, используя пальцы, как это делают также здоровые дети. С этой целью она клала свои фантомные руки на стол и один за другим пересчитывала выпрямленные пальцы. Во время обследования она подражала своим фантомом предлагаемым движениям. Во сне девочка видела свои «удивительно красивые руки». Можно с уверенностью сказать, что такие сны происходят из истинного телесного ощущения, а не являются «сном желаний». Этот случай несколько напоминает сказку братьев Гримм о девочке без рук, которая с имажинативной выразительной силой представила сверхтелесное существо рук.

Фантомы, которые развиваются при врожденном отсутствии конечностей, гораздо раньше ощущаются как естественные и нормальные по толщине и протяженности, без неприятных ощущений, которые сопровождают фантомы при ранней ампутации. Если в последнем случае конечность была деформирована, то появляется также деформированный фантом.

Обеспечение протезами до семилетнего возраста чаще приводит к появ-

лению фантомов, чем обычно. 65 Возникают ли фантомы при ампутации деформированных членов, зависит, по-видимому, также от того, использовался ли каким-нибудь образом функционально этот член до ампутации или нет.⁶⁴

Общий взгляд на описанные феномены показывает, что при этом мы имеем дело с более сложными фактами, чем считалась до сих пор, когда речь шла о фантомах конечностей. Дополнительно к этому знание о возрастном развитии фантомов проливает новый свет на эти явления. Как было показано, 60 при этом мы имеем дело с процессом, который принадлежит естественному развитию человека и, как таковой, не имеет болезненного характера. Однако необходимы определенные обстоятельства, чтобы его можно было воспринять субъективным, повседневным сознанием. Но с этой точки зрения фантомный член может постигаться только как часть целого; чтобы видеть предмет в истинном свете, следует говорить о «фантомном гештальте». Тем самым мы делаем еще один шаг в направлении решения вопроса о телесности человека. Прежде всего, мы должны установить, что здесь мы сталкиваемся с самостоятельным, формообразующим принципом, за которым мы должны признать собственное бытие и собственную действительность. Он не должен пониматься как нечто, представляющее только некий вид проекции «вовне» процессов центральной нервной системы. Далее, оказывается, что этот формирующий принцип проходит стадии роста и развития, которые заметно сдвинуты в отношении физического процесса развития. Иными словами, мы приходим к истинному, понимаемому в пространственном смысле, формирующему принципу, который, однако, не идентичен материальному, физическому составу нашего тела, во всяком случае, начиная с определенного момента детского развития, примерно после шестого года жизни.

Прежде чем мы будем дальше проследживать эту точку зрения, нужно еще бросить взгляд на то образование, которое с начала нашего столетия известно как телесная схема. Также здесь нет полной ясности в отношении того, о чем, собственно, идет речь. Исходным пунктом для образования этого понятия была, главным образом, неврологическая постановка задачи. Выражение должно обозначать, прежде всего, «созданный человеком пространственный образ самого себя», (Шильдер, цитир. по Конрадабб). Предполагалось, что он создается из суммы восприятий, полученных в области осязания, собственного движения и зрения, «которые в памяти соединяются в большие комплексы». Как это происходит в действительности?

В критическом обзоре К. Конрадабб (1933 год) находятся важные указания, относящиеся к этой теме. Главной его заслугой является преодо-

ление ассоциативно-психологической точки зрения при рассмотрении становления телесной схемы. В самом деле, ассоциативно-психологическое толкование являлось непреодолимым препятствием для действительного понимания всего того, что находит свое выражение в телесной схеме и фантомных конечностях. Ассоциация, как психологический термин, породила, начиная с английского эмпирика Джона Локка, и особенно с Давида Юма, мнение, что внешнее наблюдение повторяющихся, связанных с пространством и временем процессов, посредством привычки должно привести к признанию их внутренней связи. Соответственно этому воззрению все, что проявляется в душе как целое, понимается как механическим образом составленное из отдельных частей и деталей. Для объяснения общего процесса был использован образ строительных камней (элементов восприятия) и раствора (ассоциаций).⁶⁷ Именно это воззрение было господствующим, когда в начале столетия были проведены первые исследования телесной схемы.

Хотя над этой проблемой работали несколько исследователей, понятие телесной схемы связывают, главным образом, с именем Х. Хиды, английского невролога. В описании Конрада мы видим Хиду «в борьбе с результатами, которые не укладываются в это учение (ассоциативную психологию)». Хид, например, наблюдал, что изменение положения конечности не первично зависит от нашего сознательного представления этой конечности. Скорее он склоняется к тому, как трактует Конрад, что «прежде чем осознается изменение положения конечности, принимается своего рода мера (стандарт), в соответствии с которым производится измерение. Для этого своеобразного отношения он предлагает наименование <схема>». Конрад затем цитирует следующие предложения Хиды: «Вследствие постоянного изменения положения мы строим внутри себя модель положения (postural model), которая постоянно изменяется. Каждое новое положение или движение вносится в эту пластичную схему. Деятельность cortex (коры головного мозга) устанавливает отношение к этой схеме каждой новой группы ощущений, вызванных изменением положения. Восприятие положения происходит только после того, как установлены эти отношения. »

Для нас важно то, что уже для Хиды со словом «схема» было связано нечто пластичное, нечто, «постоянно изменяющееся». Однако совокупность чувственных ощущений, понимаемая только в смысле ассоциативных связей и фиксаций, вряд ли может обеспечить пластичность, о которой здесь идет речь. Дальнейшие рассуждения Конрада основаны на точке зрения гештальтпсихологии и приводят его к полному и решительному отклонению тезиса, что осознание единства нашего тела может быть построено в вышеописанном смысле из отдельных восприятий

в единую телесную схему. Напротив, он хотел бы видеть в качестве основы сознания «целостный процесс в истинном смысле слова», который подчинялся бы законам образования гештальта.

Современные, менее неврологические, но более опирающиеся на переживания описания телесной схемы показывают, что при этом могут быть получены результаты, по меньшей мере, весьма схожие с переживаниями фантомных конечностей. Примером этого являются относящиеся к телесной схеме (body-image или body-schema) описания в любом учебнике по детской психиатрии. 68 Там сказано, что совершенно здоровый человек может временами испытывать нарушения в образе своего тела. Тогда он чувствует, что все его тело или отдельные члены изменяются по форме и величине. Такие изменения особенно часто ощущаются при засыпании, а также при усталости и мигренях, иногда даже при заболевании гриппом. Далее следует сообщение о впечатляющем переживании одной из пациенток, которая, будучи пятилетним ребенком, во время автобусной поездки внезапно почувствовала увеличение размеров своей руки, в которой она держала проездной билет. Здесь снова мы имеем дело с изменениями и нерегулярностями в области телесности. То, что такие изменения формы могут предшествовать припадку, показывают уже упомянутые выше наблюдения. Целый ряд таких случаев приведен в учебнике эпилепсии Янца. 69

Рассмотрение телесной схемы как сферы переживания границ тела дало в последнее время повод для исследований методами проективного тестирования (Ройшах), основанными на психосоматической точке зрения и психологии поведения⁷⁹ Исходным пунктом явилось наблюдение за артритиками, в переживании границ собственного тела которых надеялись заметить особую неподвижность и оцепенелость, которую затем попытались связать с их психологическим поведением. Проведенные с этой целью исследования с помощью тестов Ройшаха привели к мнению, что для социального поведения человека в любом отношении имеет огромное значение, каким образом он переживает собственную телесность, чувствует ли он ее жестко ограниченной или открытой окружающему миру. Таким видам переживаний придавалось большое значение для предсказуемости социального поведения соответствующих личностей. Как ни интересны эти исследования сами по себе, все же вследствие переноса вниманий на предсказуемость поведения они затемняют и маскируют то, что здесь представляется самым важным, а именно «подвижность». Мы еще увидим, что именно в тех силах, которые проявляются вследствие переживания собственного телесного образа, следует искать источник всего того, что дает человеку возможность придать своим деяниям и поступкам новые, не предсказуемые за-

ранее черты.

В области детского развития обнаруживаются отчетливые пересечения телесной схемы с фантомными членами; оба феномена выступают у ребенка одновременно, при переходе от первого ко второму семилетнему периоду. Это следует из «Исследований на здоровых, слепых и ампутированных детях»,⁷¹ которые должны прояснить связи между телесной схемой и фантомными членами. Была проведена идентификация частей тела с самими собой и с моделью, дифференциация сторон между правым и левым, рассмотрены целенаправленные движения, например, касание пальцем носа, а также дифференциация схемы кистей рук и идентификация отдельных пальцев. Другие исследования, в отношении момента времени восприятия пространственных измерений (переднее/заднее, верхнее/нижнее, правое/левое), проведенные на здоровых детях, привели к тем же результатам.⁷² Интересен тот факт, что для всех исследованных аспектов телесной схемы не обнаружено различий у зрячих и слепых детей. Т.е. для ее образования оптический опыт не нужен. С другой стороны, не является безусловной предпосылкой сенсориальных опытов в телесной области, как показывает появление фантомов у детей, родившихся без конечностей. Итак, вопрос о том, что, собственно говоря, лежит в основе этого развития, остается открытым. До сих пор нет не только удовлетворительного объяснения этому, но также антропологической оценки, которая могла бы вывести за рамки чисто неврологического образа рассмотрения к познанию общего значения развития этого феномена.

Незадолго до своей смерти Карл Кёниг основательно занимался телесной схемой и фантомными членами, и настойчиво указывал на две области, из которых можно почерпнуть определенные воззрения на эти явления. Первая область - это представленные в этой книге телесные чувства. «Исходя из учения Рудольфа Штайнера о чувствах, можно сказать, что ткань телесной схемы образует совокупность чувственных ощущений, которая задается взаимодействием четырех телесных чувств (чувства осязания, чувства жизни, чувства собственного движения и чувства равновесия)». Вторая область, согласно Кёнигу, это попытки понимания этих необыкновенных, не постигаемых с помощью обычных мыслительных категорий явлений как фактов детского развития. Имеется в виду тот глубинный процесс превращения, который происходит с ребенком в возрасте от шести до семи лет. Штайнер впервые охарактеризовал этот основной процесс человеческого бытия в 1907 году и в дальнейшем описывал его как освобождение или «рождение» так называемого эфирного тела или тела образующих сил. Кёниг говорит по этому поводу: «Итак, мы должны усвоить, что образование телесной

схемы у ребенка тесно связано с рождением -или с освобождением - его эфирного тела (жизненного тела или тела образующих сил). В результате этого освобождения приходят к первому преобразованию гештальта и одновременно к осознанию собственного тела». И, в заключение раздела, он еще раз возвращается к этому вопросу: «Со сменой зубов, сопровождающейся первым преобразованием гештальта, приходят к рождению эфирного тела. Это освободившееся тело образующих сил представляет собой смутно переживаемую основу телесной схемы.

Мы осознаем ее посредством чувства жизни. Постепенно оно вляется в ощущения, получаемые посредством чувства движения. Тем самым уточняется действительность телесной схемы - особенно в области конечностей - и утверждается наше знание об «истинной действительности» нашего собственного тела. Маленький ребенок еще извне указывает на свою грудь, если его спрашивают, где он есть. Подросток ощущает свою телесность изнутри, посредством чувственных ощущений, получаемых от созревших четырех телесных чувств. Посредством их ампутированный получает суждение о том, что его фантомный член реален».

Мы вышли бы далеко за рамки этого изложения, если бы попытались описать здесь многообразные и многочисленные указания Рудольфа Штайнера на тело образующих сил и его превращения. В связи с нашим изложением важным является воззрение, что формирование телесности человека, если можно так выразиться, не заканчивается с его физическим рождением. Тело, как физическое образование, само по себе было бы не в состоянии создать предпосылки для всех тех многообразных отношений с окружающим миром, которые основаны на том, что человек хотя и ощущает себя единым со своим телом, но все же чувствует себя не ограниченным своим телом (т.е. пределами кожи). Это происходит только потому, что выступает нечто, что можно обозначить как «второе образование гештальта». И только духовнонаучные исследования Рудольфа Штайнера, направленные на познание процесса освобождения тела образующих сил, создали возможность прояснения многих явлений детского развития, которые иначе оставались бы непонятными. О применимости этого знания Штайнер однажды сказал следующее: «Необходимо в качестве исходного пункта антропософского, духовнонаучного рассмотрения взять такие формулы, как, например, «рождение эфирного тела из физического тела», что соответствует действительности. Но тогда, когда должен быть найден переход от этой духовной науки в узком смысле, - которая ведь основана на рассмотрении непосредственного повседневного опыта человека - к образу рассмотрения отдельных специальных наук, тогда то, что первоначально

было высказано в формульной форме, подобно формулам математики, должно стать методом - методикой обработки фактического материала».74

Итак, во внутреннем процессе созревания вычленяется нечто, что можно было бы назвать функциональным гештальтом. Причины и предпосылки для этого лежат в общей необходимости развития детской жизни. Когда мы имеем дело со здоровым развитием, описанное здесь явление приходится на точно определенный момент времени, а именно, примерно в начале смены зубов, подобно тому как в конце эмбрионального развития происходит физическое рождение. Природа этого гештальта или тела образующих сил не физическая; «оно состоит из действующих сил, а не из вещества». (Штайнер73) «Действующие силы», с которыми мы имеем здесь дело - суть те же самые, как и те, которые в органических соединениях вызывают рост и жизнь. «Второй гештальт» - это не абстракция, но реальная область бытия, «телесного» бытия. Мы должны научиться мыслить, что между физической телесностью и чисто душевными (психическими) восприятиями находится сфера, которая не идентична ни одной из них и для которой еще не существует общепризнанного термина.

Если мы методически применим знание о теле образующих сил, как это делал Кёниг, то обнаружим, что в телесной схеме и в фантомных переживаниях мы имеем дело с одним и тем же явлением. Это лишь один из аспектов более грандиозного и дальше идущего процесса, связанного с освобождением тела образующих сил. Но это событие не вызывается каким-либо внешним раздражением, и не является внешней проекцией в центральную нервную систему.

Это собственная «телесность», которая возвещает здесь о себе. Переживания телесных чувств дают ей действительность бытия.

С выступлением телесной схемы ребенок поднимается на новую ступень сознания в отношении пространственного ощущения собственного тела, а также, руководствуясь переживаниями своей телесности, вообще окружающего мира. В отношении того, что здесь происходит, Кёниг говорит о «скачке сознания». Обоснованием этой решительной формулировки служит то, что здесь мы имеем дело с «телом», «вторым гештальтом», которого до этого не было. Вопрос, поставленный нами в начале, о природе этого телесно-ограниченного опыта, находит здесь свое решение. «Телесная схема» открывается нам здесь как живая, подвижная телесность, ощущаемая как пространственное, хотя и не трехмерное, образование. Она действует не в предметном пространстве, но, можно сказать, на переходе от пространства к силам. Представления, подобные изложенным в книге Г. Адамса «Об эфирном пространстве»,

могут также и нематематикам прояснить природу этого «вывернутого пространства».

Изучение пространственного опыта совсем маленьких детей может бросить свет на это воззрение также еще с другой стороны. Кёниг говорит об этом в своем описании ступенчато образующегося пространственного чувства ребенка в первые годы его жизни: «Чтобы понять образ поведения ребенка, мы должны учесть следующее: чем меньше ребенок, тем большим он переживает себя в отношении к пространственному миру». 26 Но это означает, собственно, только то, что в теле ребенка и в окружающем его мире в широком смысле действующие образующие силы находятся в совсем другой, более интимной связи, чем в какой-нибудь другой период его жизни. Это состояние изменяется в продолжение первого семилетия и завершается с освобождением его тела образующих сил.

Тем самым создаются предпосылки для того, чтобы в этот период развития, до смены зубов, первостепенную роль могли играть также другие явления, которые известны нам как подражание. Когда Штайнер уже в 1907 году указал на подражание и прообраз как «волшебные слова» которые определяют" отношение ребенка к окружающему миру, то он имел в виду, что в этом возрасте другого вида отношений еще вовсе не существует. Это состояние изменяется тогда, когда в конце первого семилетнего периода рождается «второй гештальт». Процесс подражания, который Штайнер имел в виду, теряет свои черты исключительности и необходимости; отношение к окружающему миру изменяется. Поскольку в основе процессов подражания лежит физический гештальт, они протекают физически. Но они относятся не только к внешнему, они в состоянии действовать в теле ребенка вплоть до подражания моральным и аморальным интенциям окружающего мира, формировать его моторику, даже влиять на образование его органов⁷³ - причину этого следует искать в образующих силах, которые в этот период еще целиком сплетены с телом ребенка и которые впоследствии преобразуются во «второй гештальт». Мы имеем здесь дело с истинным процессом превращения тех сил, которые первоначально целиком заняты образованием физически-органической стороны ребенка, обеспечением способности подражания, но потом, вследствие внутренней необходимости развития, созревают к собственному преобразованию гештальта, который все больше проявляется.

Для всякого вида Лечебнопедагогического рассмотрения очень важно познавать всевозможные нарушения этого процесса развития. Некоторые из них представлены в собранных в этой книге статьях Кёнига. Характер лечения, к которому стремится лечебная педагогика, нужно, в

конечном итоге, понимать как поиск путей и возможностей, посредством упражнения всякого рода - как наиболее существенная, может здесь быть названа лечебная эвритмия, задача которой - излечивать отклонения и искажения в ходе развития этого «второго рождения». Ибо вся совокупность того, что мы наблюдаем при нарушениях развития всякого рода, в существенной своей части является не чем иным, как многообразием особенностей, предпосылок и последствий, связанных со «вторым рождением». В этом смысле лечебная педагогика нуждается в своих собственных, четко отграниченных от педагогических, методах, посредством которых она может оказывать лечебное воздействие на ребенка с нарушением развития, открывая и прокладывая ему путь к тому, где может начаться чисто педагогическое.

Но в этом месте наших рассуждений мы должны бросить взгляд на противопоставление различных «телесностей» при различных нарушениях детского развития. Мы можем сказать здесь примерно следующее: то, что нам представлено в «стесненном» теле спастика, следует понимать не иначе, как недостаточную степень свободы его фантомных членов. Ежедневное и тесное общение с такими детьми подтверждает это впечатление. Складывается впечатление, что в то время как лишенный конечностей ребенок при определенных обстоятельствах способен к особенно интенсивному употреблению своих фантомов, спастик должен здесь преодолевать свои собственные трудности. Ему не дается необходимый «опережающий бросок», предшествующий каждому движению; пространство между его рукой и предметом, который он должен схватить, остается, с феноменологической точки зрения, «пустым». Реально переживаемые - не только представляемые или наблюдаемые «извне» - отношения между рукой и предметом не устанавливаются, зрительное пространство остается неопределенным и носит нереальный характер. Там, где рука остается слишком телесной, образующий круг между рукой и глазом (Вайцзекер³⁴) не может замкнуться.

Многие указывают на нарушения телесной схемы у спастиков. Однако относящиеся к этому представления нужно расширить, признав, что у спастиков нарушено развертывание тех самых качеств, которые проявляются в фантомных членах детей, лишенных конечностей, и которые также лежат в основе гармоничных движений детей школьного возраста. Спастикам недостает именно того, что ампутированным - конечно, после соответствующей подготовки - или лишенным конечностей детям позволяет так пронизать свои протезы, что они могут воспринимать тончайшие движения рычага переключения газа при управлении автомобилем. ⁷⁷ Мы имеем здесь дело не только с проблемой рефлексорного влияния движения. Можно считать, что здесь мы имеем

дело с «фантомной подвижностью», возможностью «опережающего движения» фантомных членов, которого недостает спастикам. Насколько нужно поднять ногу, чтобы перешагнуть через порог, насколько глубоко лежит ступень, насколько нужно повернуться, чтобы сесть на стул? Это нужно пережить, - не только увидеть, - прежде чем совершить соответствующее движение. Именно здесь спастик, как нам кажется, должен бороться со своим «фантомным оцепенением».

Теперь мы продолжим рассмотрение дальнейших шагов развития, связанных с выступлением «второго гештальта» и фантомов, выделяя при этом отдельные пункты. В это время, т. е. при переходе от первого ко второму семилетнему периоду, происходят решающие превращения в образе мыслей ребенка, которые поднимают на новую ступень отношения между ребенком и окружающим миром. Совпадение по времени этого мыслительного шага с описанным образованием тела образующих сил, это не просто одновременность двух явлений; здесь более действуют прямые связи, как это следует из описаний Штайнера. Однако к этому моменту развития мышление еще не несет в себе абстрактно-спекулятивных черт, но имеет образный характер. Оно, как формирующий элемент детского развития, постепенно начинает занимать то место, которое занимало подражание.

Здесь мы можем только коснуться этих многоплановых взаимосвязей, теперь же обратимся к области, которая еще с другой стороны может пролить свет на освобождение второго гештальта. Здесь речь идет о дифференцированном выступлении сознания и понятия времени в ходе детского развития. Вначале нужно заметить, что Штайнер по разному поводу описывал область тела образующих сил как основу для переживания всего того, что в широком смысле связано с течением времени. Тело образующих сил -это, в то же время, и тело, связанное с временем. Поэтому не удивительно, что вместе с изменениями и новым шагом в развитии тела образующих сил устанавливаются новые отношения ребенка ко времени. Пиаже основательно исследовал переживание времени и развитие понятия времени у ребенка, и установил, что в возрасте, когда начинают проявляться феномены «второго облика», ребенок начинает отделять возрастное становление, как временной процесс, от величины тела, т.е. от пространственного роста и расширения. Отталкиваясь от наблюдения деревьев различной величины и животных обликов, можно перейти, например, к обсуждению с испытуемыми детьми вопросов о связи возраста с величиной людей. Всегда ли большой человек старше маленького, или бывают также старые маленькие люди? Результатом этого явилось то, что в испытуемой группе из сорока детей в возрасте от четырех до восьми лет все дети старше семи лет

Дали правильный ответ, тогда как все дети от четырех до шести лет - ошибались.

Следующее обобщающее замечание Пиаже ясно выражает главные черты проблемы: «Как первый результат, мы установили, что ребенок далек от того, чтобы за исходный пункт взять субъективное понятие возраста, он более оперирует с внешними и материальными понятиями, которые находятся в его распоряжении: строением и величиной тела. Можно возразить, что это вполне естественно, и а posteriori действительно можно так сказать. Тем не менее, если говорить о возрасте отдельных лиц, и особенно о собственном возрасте и членов узкого семейного круга, можно вполне подумать и о других возможностях. Во-первых, в сравнении с другими чувствуют себя старше или моложе, и это глобальное впечатление может быть обманчивым, ибо ребенок подходит к этим вопросам менее критично, чем мы. Далее, можно учесть духовную или моральную зрелость: старшие знают больше чем младшие, они менее являются «детьми», они играют в другие игры, кажутся более послушными и т. д. И, наконец, со стороны памяти могут быть интересные конструкции: старшие помнят о каких-нибудь событиях, которые неизвестны младшим и т.д. И затем, шествуя изнутри наружу, ребенок начинает с внешнего анализа, чтобы потом ложные критерии, основанные на внешнем гештальте, заменить собственным временным способом обработки».

Можно непосредственно видеть, что в таком описании феноменов заложено то, что Штайнер охарактеризовал как освобождение тела образующих сил. Пока этого освобождения не произошло, ребенок не может делать то, что Пиаже назвал «шествием изнутри наружу». С этой точки зрения становится ясным, что величина тела, как пространственная характеристика, и возраст, как связанное с временем качество, только тогда могут познаваться в их различии, когда образующие силы, как посредники чисто временного, приобретут свой собственный гештальт. Время постепенно приобретает для подрастающего ребенка характер переживаемого времени, собственной временной действительности, биографической наполненности содержанием и неповторимости; все это возможно только вследствие развертывания временного тела, которое одновременно несет в себе нетелесную пространственность. То, что здесь заявляет свои права - это, в формулировке Рисмана, «конкретное, активное время, которое концентрируется и индивидуализируется в отдельном живом существе. Макрокосмос образует гигантский временной организм, который находит свой отголосок в малом временном организме микрокосмоса мира растений и животных». 79 В человеческом существе он приобретает значение индивидуальной судьбы.

Совсем иначе предстает глазам исследователя животный образ поведения «временного гештальта», поскольку он протекает в определенных формах, которые от начала до конца представляют собой жестко фиксированное целое. Он может, например, быть пространственно зафиксирован на пленке фильма или магнитофонной ленте и, таким образом, задокументирован. Эти временные гештальты, в основе которых не лежит индивидуальное тело образующих сил, лишены всякого биографического характера. Зато, с другой стороны, животное посредством «биологической системы» своего тела гораздо глубже, чем человек, связано с космическими отношениями, представленными посредством вращения Земли. Его «биологические часы» удивительно безошибочны, и их не сравнить с человеческим переживанием времени. Впечатляющим примером этого служит наблюдаемая способность насекомых, птиц и других животных использовать Солнце в качестве точки привязки для своих движений в пространстве, корректируя при этом суточное движение Солнца посредством своих «внутренних часов». Такие исследования позволяют, с другой стороны, оценить значение образования индивидуального временного тела для развития ребенка.

Из всего этого видно, что если мы хотим получить более основательные данные о чувственных взаимосвязях, то все, что обозначено как телесная схема, мы должны рассматривать в более широкой антропологической связи, чем это делалось до сих пор. Решающую точку зрения составляет воззрение, что развитие ребенка, как и его инкарнация, не могут быть поняты только как телесный процесс, как осуществление телесного становления. Индивидуальное формирование телесности, в некотором смысле оболочки, является основой для всех тех шагов развития в конце первого семилетнего периода, которые останутся непонятными, если их рассматривать только как чисто телесное развитие человека.

Описанные здесь взаимосвязи мы можем значительно углубить, сделав замечание относительно памяти. В этом возрасте, о котором здесь шла речь, происходят превращения, которые могут быть поняты только как отражение вновь приобретенной телесности. Штайнер рассматривает память, как она проявляется у ребенка до смены зубов, как устроенную совсем иначе, находящуюся больше в связи со специфичным видом подражания, свойственным Этому возрасту; она отличается от памяти ребенка школьного возраста, т.е. после смены зубов.⁵⁰ Встает вопрос, каковы особенности этой памяти до смены зубов, о которой сказано, что более поздняя память происходит от нее. Ответ таков: «Она у ребенка является еще привычкой. У ребенка, который усваивает посредством подражания, вырабатывается внутренняя, тонкая привычка, ко-

гда он воспринимает слова, и из привычки, особым образом сформированной привычки, которая пока еще имеет более телесные свойства, образуется то, что позже, начиная со смены зубов, становится душевной привычкой, памятью».

Мы видим здесь снова подобный же процесс. Память встает в свободные отношения к временному, поскольку телесное организуется иным образом, и так приобретает новая способность. Посредством голого усовершенствования телесного состояния маленького ребенка такой шаг сделать невозможно, другое тело-«субстанция» должно принять определенную форму, должно родиться. В измененной временной жизни находит свое выражение этот шаг телесной самостоятельности, независимости, во всяком случае, другого телесного бытия. Это выражается в «скачке сознания», о котором шла речь выше, в связи с новой пространственностью телесной схемы.

Все это находит толкование и становится понятным в смысле «рождения эфирного тела», как это описано Рудольфом Штайнером, хотя это рождение означает несравненно большее, чем описано здесь. Когда ребенок приобретает - хотя и остающуюся бессознательной - основу восприятия своей телесности как чего-то «подвижно-ограниченного», он приобретает это благодаря тому, что образует или рождает телесную оболочку, так что мы можем видеть в этом только пространственно-временной процесс обретения самостоятельности. Ребенок становится, тем самым, в более глубоком смысле гражданином Земли, чем до этого. Этот пространственно-временной процесс обретения самостоятельности следует понимать как выражение действующей в подрастающем ребенке и все более заявляющей о себе духовной индивидуальности, его Я. Здесь перед нами грандиозное событие, которое не могло бы состояться без индивидуальной человеческой жизни. А именно, если бы те шаги в пространстве и времени, которыми мы здесь занимаемся, были бы в строгом смысле телесными процессами, если бы они, по своему внутреннему характеру, в своем течении чисто физического вида с необходимостью вели бы к полной противоположности пространственно-временного обретения самостоятельности, то последствием этого была бы утрата индивидуальности и своего Я. В этом лежит также причина того, почему все педагогические и лечебнопедагогические устремления, которые так или иначе исходят из сравнимости в педагогическом отношении человека и животного, проходят мимо той точки зрения, которой они, собственно, должны руководствоваться. А именно, животное никогда не делает в этой форме шага к обретению самостоятельности, который выражается в «формуле» рождения эфирного тела, он чужд его природе группового или родового существа.

Всякие рассуждения о том, как человек может поставить себя в соответствующие отношения к своему телу, должны принять во внимание в качестве дальнейшего шага те душевные переживания и ощущения, которые могут воспламениться посредством четырех телесных чувств. Хотя в отдельных главах, посвященным телесным чувствам, Кёниг, опираясь на указания Штайнера, подробно описал соответствующие душевные впечатления, все же я, чтобы создать общее впечатление, еще раз постараюсь представить их во взаимосвязи. Ибо поскольку Кёниг замечает, как я уже упоминал, выше, что «ткань телесной схемы» образует взаимодействие четырех телесных чувств, и поскольку мы считаем, что тем самым указано на становление новой телесной оболочки, посредством которой определенным образом может познаваться пространственно-временная ограниченность собственного бытия и его содержательное отношение к окружающему миру, постольку мы непосредственно познаем, что совокупность четырех душевных переживаний, соответствующих отдельным телесным чувствам, имеет при этом большое значение.

Однако эти рассуждения должны учитывать особое положение, которое занимают телесные чувства в общей чувственной сфере. В отличие от всех остальных чувств, им присуще свойство метаморфозироваться в способности или способствовать тому, чтобы в человеке образовывались определенные способности. Эти способности совсем другого рода, чем прямое осязательное восприятие и восприятие собственного движения, жизненных процессов и равновесия. Но они могут восприниматься как результат непосредственных телесных переживаний и, согласно представлению Штайнера, имеют двойственную природу. Прежде всего, это касается определенных образований понятий, которые делают возможным постижение пространственного и временного в их абстрактности, как идеи в математике и логике. В то же время они выступают как непонятный, остающийся более или менее бессознательным, внутренний опыт, - который также исходит от телесных чувств, - который распространяет свое действие там, где можно говорить о переживаемом пространстве и переживаемом времени, Другими словами, последний конституирует здесь не понятийно-абстрактные, непонятно действующие, фактические и переживаемые индивидуальные пространственные и временные качества. Без учета этих превращений телесных чувств отношение подрастающего ребенка к своему телу остается непонятным. Соответствующие шаги в развитии приходится на начало второго семилетнего периода.

Лауер настаивает на том, что восприятия в области телесных чувств носят более или менее бессознательный характер. Причина этого лежит в

том, что их восприятия всегда, до определенной степени, сопровождаются деятельным бытием; волевой элемент, связанный с этой деятельностью, обуславливает эту бессознательность. Однако отношения в этом смысле для отдельных телесных чувств несколько различаются. Так, например, восприятие движения - посредством собственного движения - более связано с деятельным бытием, чем чисто осязательное переживание, поскольку взаимное влияние того, что воспринято, в нашем случае движения, и чувственного процесса восприятия, здесь чувства собственного движения, для различных чувств имеет разную меру. Эту ступенчатость Кёниг представил в виде схемы (в главе о чувстве собственного движения); влияние более или менее нарушенного чувственного восприятия на воспринимаемый процесс сильнее всего проявляется при движении и равновесии. Когда Кёниг указывает на важность того, чтобы акт восприятия телесными чувствами рассматривать как интегральную составную часть воспринятого, то он имеет в виду основополагающий процесс именно в отношении «образования второго гештальта».

В элементе бессознательности в отношении телесных чувств мы должны искать исходный пункт того, что из них могут исходить превращения, которые затем проявляются как способности. С одной стороны, как было показано, путь ведет в область геометрии, математики и логики. Способность осуществить все необходимые для этого понятийные образования порождается бессознательными восприятиями в области телесных чувств, которые принимают эти преобразованные формы. Однако они не несут в себе явных признаков своего происхождения, но открываются только углубленному познанию человека. В отношении дальнейшего значения этой метаморфозы можно указать на описания Пауэра.

Иначе дело обстоит с тем процессом превращения, которым мы особенно занимаемся здесь, описание которого мы находим у Кёнига. Здесь речь идет не о появлении различного рода понятийных образований или способности к их образованию, скорее мы имеем дело с противоположностью описанной выше первой метаморфозы, а именно, со способностью познавать себя как телесно ограниченное существо, не погружаясь при этом в материальность собственной телесности. Тем самым тело не остается для меня чем-то внешним, но также и не «поглощает» меня; для этого опыт телесных чувств в метаморфозированной форме нужно связать с тем, что как освободившееся тело образующих сил, как «второй гештальт», рождается с началом процесса смены зубов.

Прежде чем мы снова рассмотрим, о каких ощущениях, исходящих из телесных чувств, идет при этом речь, желательно еще раз вернуться к

уже упоминавшейся ранее основополагающей точке зрения. Это указание на чрезвычайно важный шаг развития, который состоит в том, что эти четыре ощущения сливаются в единый общий настрой нашего телесного самочувствия. Ибо то целое, которое образуется в результате этого процесса сплавления, составляет необходимый исходный пункт для всякого дальнейшего развития, которого еще не достиг ребенок или подросток, но которого он достигнет, переходя от первого ко второму семилетию.

Образование второго гештальта и формирование этой четверицы в общую основу восприятия нашего телесного бытия, представляет собой замкнутый в себе процесс. Если попытаться оба мыслить совместно, то заключенное в них величие и важность выступят пред нами самым впечатляющим образом. Каждый ребенок, прошедший такое развитие, должен вызывать в нас чувство благоговения. Вряд ли есть что-либо сравнимое с глубиной рассматриваемого нами явления, которого не бывает в животном мире.

Это может нам открыть дальнейший аспект всего того, что связано со «образованием второго гештальта». Когда я сказал, что телесные чувства дают этим явлениям «действительность», я имел в виду указать именно на это. Одно из них, исходящее из переживания осязания - используя формулировки Штайнера - это «бытие, пронизанное чувством Бога», «общей мировой субстанциальностью», «бытием как таковым». Посредством чувства жизни человек может ощутить себя как «наполняющую пространство телесную самость», как «целиком внутреннее». Чувство движения добавляет к этому «то чувство свободы, которое дает человеку ощущение себя как души: ощущение собственного свободного душевного существа». Наконец, действие чувства равновесия, которое через все изменения дает непрерывное ощущение внутреннего покоя и надежности собственной самости, «то, что нас делает независимым от времени», что означает «независимость от телесности», и, в завершение, «ощущение себя духом». При этом здесь имеется в виду время, и телесность более в их внешней форме проявления. Благодаря силам четверицы, ставшей теперь видимой, человек не отождествляет себя с телом, но живет в нем и посредством него. Это почва, которую должна обработать лечебная педагогика, чтобы она стала прозрачной для индивидуальности подрастающего ребенка, для его вставания в окружающий мир, участвующий в его формировании.

Нужно оценить как существенный вклад в лечебнопедагогическую область то, что Кёниг еще более десяти лет тому назад рассматривал эти отношения с точки зрения различного рода нарушения развития. Тем самым открылся новый доступ к пониманию отклонений детского раз-

вития, более непосредственный, чем конвенциональные суждения, чем те или иные методы тестирования. Здесь открывается нам нечто, что совсем в другом смысле, чем обычно понимается, можно назвать глубинами психологии. Это на самом деле глубины детского телесного развития, которые проявляются таким таинственным образом и помогают формировать отдельные черты образующегося пространственно-временного сознания или, во всяком случае, создавать для этого предпосылки. Хотя Кёниг, по-видимому, сделал только первые шаги, все же именно в открытии этого пути лежит нечто исключительно плодотворное для будущих исследований. Здесь дана также точка привязки для диагностических шагов в лечебнопедагогической области, которая заведомо может содержать в себе указания для терапевтических возможностей.

Дети, нуждающиеся в душевном уходе, чтобы найти самих себя и, в то же время, занять подходящее им место в человеческом обществе, нуждаются в том, чтобы в них развивали и культивировали все то, что вообще есть в человеке творящего. Это творчество не несет в себе никаких абсолютных ценностных масштабов, его можно успешно развивать как в простейшем, так и в более важном и значительном. Выступление человеческого самопонимания у каждого ребенка с нарушением развития определяется тем, чтобы создать условия, чтобы во всем, что он делает, он раз за разом мог познавать свое творящее существо. Это может выражаться в простых рисунках, в маленьких музыкальных пьесах, в изготовлении незначительных поделок, в еще несовершенных театральных постановках. Это постепенное пробуждение собственной творческой силы является процессом, который тесно связан с вопросом об отношении к собственному телу. Творческий элемент в ребенке получает мощный толчок вследствие освобождения тела образующих сил и связанного с этим изменения собственных телесных отношений. Нарушение в развитии означает, в сущности, то, что освобождение от собственной телесности, в описанном здесь смысле, происходит не полностью. Решающий пункт детского развития, «инкарнации», нужно искать в том, что помимо физического тела образуется вторая телесная оболочка, которая и является истинным местом индивидуального развития. Всякое преодоление или исправление различных нарушений большей частью состоит в том, чтобы пробудить ребенка сделать очередной шаг к такому освобождению от своей телесности. Только так можно пробудить и укрепить в нем область творческого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К. König, «Die Wissenschaft an der Schwelle», Die Drei, 1965/G.
2. Я следую здесь представлению Рудольфа Штайнера и опираюсь при этом на весь ряд прочитанных им докладов.
3. См. главу «Развитие трех высших чувств» в книге автора «Три первых года ребенка» (Калуга, 2002)
4. R. Steiner, «Anthroposophie, Psychosophie, Pneumato-sophie». (GA 115) Доклады от 23 и 25 октября 1909 г.
5. R. Steiner, «Anthroposophie. Ein Fragment aus dem Jahre 1910». (GA 45)
6. R. Steiner, «Weltwesen und Ichheit», GA 169.
7. D. Katz, «Handbuch der Psychologie». Basel 1951.
8. Рудольф Штайнер «Общее учение о человеке как основа педагогики» - М. 1995/R. Steiner, «Allgemeine Menschenkunde als Grundlage der Pädagogik». Dornach 1960. (GA 293)
9. Рудольф Штайнер «Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека» (GA 9) - (на нем. и рус. яз.) Калуга 1995.
10. W. Stern, «Psychologie der frühen Kindheit». Leipzig 1928.
11. M. Loosli-Usteri, «Die Angst des Kindes». Bern 1948.
12. L. Braun, «Herz und Angst». Wien 1932.
13. K. Fahrenkamp, «Der Herzkranke». Stuttgart 1931.
14. R. Steiner, «Geisteswissenschaft als Erkenntnis der Grundimpulse sozialer Gestaltung» (GA 199).
15. A. Kubin, «Dämonen und Nachtgesichte». München 1959.
16. E. Fröscheis, «Angst». Basel/New York 1950.
17. M. Neumann, «Über die Angst». Basel 1947.
18. R. Steiner, «Heilpädagogischer Kursus». Dornach 1965. (GA 317)
19. H. E. Lauer, «Die zwölf Sinne des Menschen». Basel 1953.
20. R. Treichler, «Von der Welt des Lebenssinnes». Beiträge zu einer Erweiterung der Heilkunst, 5 (1952).
21. N. Glas, «Gefährdung und Heilung der Sinne». Stuttgart 1958.
22. W. Aeppli, «Sinnesorganismus, Sinnesverlust, Sinnespflege». Stuttgart 1955.
23. Landois-Rosemann, «Physiologie des Menschen». München/Berlin 1950.
24. R. Steiner, «Von Seelenrätseln». (GA 21)
25. R. Steiner, «Grenzen der Naturerkenntnis». (GA 322)
26. Карл Кёниг «Три первых года ребенка» - Калуга, 2002.
27. F. Hoff, «Klinische Physiologie und Pathologie». Stuttgart 1954.
28. Описываемые здесь симптомы взяты из соответствующих таблиц Landois-Rosemann и F. Hoff.
29. K. König, «Des Kindes Erleben von Tod und Geburt». Anthroposophisch-

- Medizinisches Jahrbuch Bd. II Stuttgart 1951.
- 30.R. Steiner, «Eine okkulte Physiologie». (GA 128)
- 31.R. Steiner, «Ägyptische Mythen und Mysterien». (GA 106)
- 32.См. описание трех ступеней, произнесения, названия и разговора, в ходе детского развития в книге «Три первых года ребенка».
- 33.W. v. Buddenbrook, «Vergleichende Physiologie», Basel 1952.
- 34.V. v. Weizsäcker, «Der Gestaltkreis». Stuttgart 1950.
- 35.M. Saffron, «Die Radierungen Rembrandts». Mainz 1950.
- 36.W. Bergmann, «Histologie und mikroskopische Anatomie des Menschen». Stuttgart 1956.
- 37.Они чаще проявляются при вытягивании, чем при сгибании, что не удивительно, поскольку в мускулах, которые служат вытягиванию наших конечностей, должно действовать большее сознание, чем в мускулах, служащих сгибанию. Вытягивание служит пробуждению, сгибание погружает в сон.
- 38.Уже более двух десятилетий тому назад было показано, что на этих оконечных площадках выделяется химическое вещество (ацетилхолин): указание на ее функцию обмена веществ.
- 39.S. Strasser, «Das Gemüt. Grundgedanken zu einer phänomenologischen Philosophie und Theorie des menschlichen Gefühlslebens». Freiburg 1956.
- 40.C. Haensel, «Das Wesen der Gefühle». Überlingen 1946.
- 41.F. J. J. Buytendijk, «Das erste Lächeln des Kindes». См. «Das Menschliche», Stuttgart 1958.
- 42.R. Steiner, «Das Wesen der Künste». In «Kunst und Kunsterkenntnis». (GA 271.)
- 43.Athetose: произвольные, нерегулируемые псевдо-спонтанные движения.
- 44.Ataxie: Нарушения произвольных и произвольных движений. Обусловлена изменениями в малом мозге (cerebrale A) или в позвоночнике (spinale A).
- 45.F. Werfetz, «Einander» (Oden, Lieder, Gestalten). München 1920.
- 46.E. v. Kries, «Allgemeine Sinnesphysiologie». Leipzig 1923.
- 47.A. Tschermak, «Optischer Raumsinn», Handbuch der normalen und pathologischen Physiologie, herausgegeben von Bethe und von Bergmann, Bd. XII/2. Berlin 1931.
- 48.E. Wodak, «Kurze Geschichte der Vestibularisforschung» Stuttgart 1956.
- 49.Рудольф Штайнер «Духовное водительство человека и человечества» - Калуга, 1993 / R. Steiner, «Die geistige Führung des Menschen und der Menschheit». (GA 15.)
- 50.Рудольф Штайнер «Педагогика, основанная на духовнонаучном познании человека»/ R. Steiner, «Die pädagogische Praxis vom Gesichtspu-

- nkte geisteswissenschaftlicher Menschenerkenntnis». (GA 306) - М. 1996
- 51.Лауэр очень основательно занимался этими вопросами и извлек из них много существенных заключений. В своей книге (см. прим. 19) он посвящает этой теме целую главу, которую нужно читать в оригинале.
- 52.W. Metzger, «Die Entwicklung der Erkenntnisprozesse», Handbuch der Psychologie, III. Bd.: Entwicklungspsychologie. Göttingen 1959.
- 53.R. Steiner, «Menschengeist und Tiergeist». См. «Antworten der Geisteswissenschaft auf die großen Fragen des Daseins». (GA 60)
- 54.Подробности нужно читать в оригинале.
- 55.H. Kayser, «Bevor die Engel sangen». Basel 1953.
- 56.I. Eibl-Eibesfeldt, «Grundriß der vergleichenden Verhaltensforschung». München 1967.
- 57.O. F. Bollnow, «Mensch und Raum». Stuttgart 1963.
- 58.H. Flügge, «Der Mensch und sein Leib». Tübingen 1967.
- 59.H. Müller-Wiedemann, «Die verstellte Welt», см.: Der frühkindliche Autismus als Entwicklungsstörung. Erscheinungsformen und Hintergründe, mit Beiträgen von Walter Holtzapfel, Hellmut Klimm, Karl König, Jakob Lutz, Hans Müller-Wiedemann und Thomas J. Weihs. Stuttgart 1981.
60. K. Poeck, «Phantome nach Amputation und nach angeborenem Gliedmaßenmangel», Dtsch. Med. Wochenschrift 94 (1969) 61.
- 61.K. Poeck, «Phantoms following amputation in early Childhood and in congenital absence of limbs», Cortex, Vol. I, 1964. G2.
- 62.K. Koerner, «The phantom limb phenomenon in amputee training», J. Canad. Physioth. Assoc. 21 (2) (1969).
- 63.R. Janzen, «Schmerz und Schmerzanalyse», Dtsch. Med. Wochenschrift 91 (1966).
- 64.M. L. Simmel, «Developmental aspects of the body scheme», Child Developm. 37 (1966).
- 65.S. Weinstein, E. A. Sersen, R. I. Vetter, «Phantoms and somatic Sensation in cases of congenital aplasia», Cortex, Vol. I, 1964.
- 66.K. Conrad, «Das Körperschema», Zeitsch. f. d. ges. Neurologie und Psychiatrie 147 (1933).
- 67.L. I. Pongratz, «Problemgeschichte der Psychologie». Bern 1967.
- 68.P. McKellar, «Thinking, Remembering, Imagining», см.: I. G. Howells (изд.), «Modern Perspectives of Child Psychiatry». Edinburgh/London 1965.
- 69.D. Janz, «Die Epilepsien». Stuttgart 1969.
- 70.S. Fisher, S. E. Cleveland, «Bodyimage and Personality». New York 1958.
- 71.K. Poeck, B. Orgass, «Über die Entwicklung des Körperschemas», Fortschr. Neurol. Psychiatrie 32 (1964).
- 72.I. Paul, «Grundlagen zur Erforschung von Raum- und Zeitbewußtseins-

turungen bei Kindern und Jugendlichen», Dtsch. Med. Wochenschrift 92 (1967).

73.Рудольф Штайнер «Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки» - М. 1992 / R. Steiner, «Die Erziehung des Kindes vom Gesichtspunkte der Geisteswissenschaft»..

74.R. Steiner, «Ansprachen und Vorträge Rudolf Steiners im zweiten anthroposophischen Hochschulkurs», доклад от 7. 4. 1921.

75.G. Adams, «Von dem ätherischen Räume». Stuttgart 1964.

76.T. T. S. Ingram, «Paediatric Aspecis of Cerebral Palsy». Edinburgh and London 1964.

77.Siehe hierzu deg Abschnittüber «Die Organe des Tastsinns».

78. J. Raget, «Die Bildung des Zeitbegriffes beim Kinde». Zürich 1955.

79. R. Rissmann, «Evolution der Pflanze». Stuttgart 1969

80.R. W. Meyer (Hrsg.), «Das Zeitproblem im 20. Jahrhundert» Bern 1964.